ОРАТОРЫ - БУНТОВЩИКИ
передъ
РУС. РЕВОЛЮЦІЕЙ

ORATEURS-REVOLTÉS

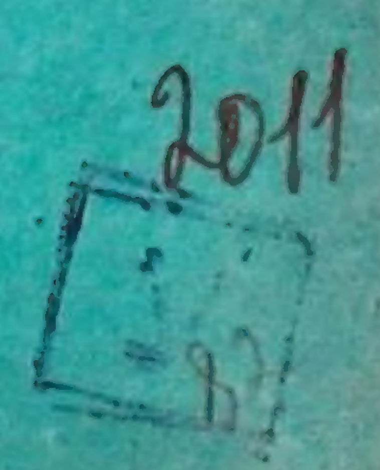
ОРАТОРЫ-БУНТОВЩИКИ

передъ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІЕЙ

На тему: Необходимо приступить немедленно къ тайной организаціи, безъ которой немыслима политическая борьба.

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
3, Rue des Alpes, 3

ВЪ НАБАТЪ!*)

(Программа журнала).

Когда при заревѣ пожара раздается звонъ набата, каждый бросаетъ свой домъ и спѣшитъ на пожарище для того, чтобы спасать достоянiе и жизнь ближняго; отвлеченная идея солидарности человѣческихъ интересовъ выступаетъ здѣсь во всей ея реальной силѣ и простотѣ. Каждый чувствуетъ, что лишь спасая достоянiе другаго, онъ можетъ спасти свое собственное. Личная вражда, мелочныя будничныя дрязги — все забывается въ виду общей опасности. Враги становятся рядомъ и дѣйствуютъ за одно. Все, что есть въ человѣкѣ мелкаго, дряннаго, уходитъ на заднiй планъ, впередъ выдвигаются его возвышеннѣйшiя, благороднѣйшiя побужденiя. Потому-то только подлые трусы, только разслабленные эгоисты остаются глухими къ звону набата.

Потому-то, тѣ минуты, когда онъ раздается, бываютъ обыкновенно лучшими минутами въ народной жизни, не смотря на то, что это — минуты величайшихъ народныхъ бѣдствiй.

*) «Набатъ,» ноябрь 1875 г.

Мы переживаемъ теперь такія минуты.

Пришло время ударить въ набатъ. Смотрите! Огонь „экономическаго прогресса" уже коснулся коренныхъ основъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый „принципъ общины," принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго общественнаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ.

На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы, —формы буржуазной жизни, развивается кулачество, міроѣдство; воцаряется принципъ индивидуализма, экономической анархіи, безсердечнаго, алчнаго эгоизма.

Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные факторы.

Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ ту силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ.

Сегодня наше государство фикція, преданіе, не имѣющее въ народной жизни никакихъ корней. Оно всѣмъ ненавистно, оно во всѣхъ, даже въ собственныхъ слугахъ, вызываетъ чувство тупаго озлобленія и рабскаго страха, смѣшаннаго съ лакейскимъ презрѣніемъ. Его боятся, потому что у него матеріальная сила; но разъ оно потеряетъ эту силу, — ни одна рука не поднимется на его защиту.

Но завтра за него встанутъ всѣ его сегодняшніе

враги, — завтра оно будетъ выражать собой ихъ интересы, интересы кулачества и міроѣдства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающагося буржуазнаго міра.

Сегодня оно абсолютно-нелѣпо и нелѣпо-абсолютно.

Завтра оно станетъ конституціонно-умѣреннымъ, разсчетливо-благоразумнымъ.

Поторопитесь же!

Въ Набатъ! Въ Набатъ!

Сегодня мы сила.

Вы видите, государство, отчаяваясь совладать съ нами, зоветъ къ себѣ на помощь буржуазное общество, интелигенцію.

Но увы! Его союзники отказываются ему служить, по крайней мѣрѣ даромъ; устами своихъ публицистовъ, они говорятъ ему: „мы сами ненавидимъ тебя, если ты хочешь, чтобы мы тебѣ служили, — подѣлись съ нами всѣми твоими правами; въ противномъ случаѣ—мы лучше пойдемъ за революціонерами-утопистами.

Они утописты, — мы ихъ не боимся. Только бы съ тобою намъ совладать, а съ ними-то мы справимся!“

И они посылаютъ въ ряды наши своихъ дѣтей, а ихъ интелигенція, за очень немногими исключеніями, принадлежать къ которымъ считается „позоромъ и подлостью,“ — ихъ интелигенція рѣшительно держитъ нашу сторону.

Народъ, изнывающій подъ гнетомъ деспотическаго, грубаго, варварскаго произвола, униженный, ограбленный, раззоренный, лишенный рѣшительно всѣхъ человѣческихъ правъ, — слушаетъ насъ, сочувствуетъ намъ, и, если бы не его рабскія привычки, исторически выработавшіяся подъ вліяніемъ условій окружающей его жизни, если бы не его паническій страхъ передъ „властью предержащею,“ онъ открыто возсталъ бы противъ своихъ эксплуататоровъ и грабителей.

Сегодня наши враги слабы, разъединенны. Противъ насъ одно правительство съ своими чиновниками и солдатами. Но эти чиновники и солдаты — не болѣе какъ бездушные автоматы, безсмысленныя, слѣпыя и часто безсознательныя орудія въ рукахъ небольшой кучки автократовъ. Уничтожьте ихъ и вмѣсто дисциплинированной и хорошо организованной арміи живыхъ враговъ — вы очутитесь лицемъ къ лицу съ нестройною толпою обезглавленныхъ труповъ. Слѣдовательно, сегодня единственно сильнымъ и опаснымъ врагомъ является для насъ только эта ничтожная кучка автократовъ.

Но къ ней относится враждебно и все наше общество; какъ ни разнообразны составляющіе его элементы, оно давно уже тяготится настоящимъ порядкомъ вещей; неувѣренность въ личной безопасности, капризный и совершенно безсмысленный произволъ выводитъ изъ терпѣнія самыхъ терпѣливыхъ.

Куда бы вы ни обратились — вы вездѣ слышите однѣ и тѣже фразы: „нѣтъ, такъ продолжать-

ся долго не можетъ! Нужно положить этому конецъ! Нѣтъ силъ болѣе терпѣть!“

Это сегодня.

Но что будетъ завтра?.....

Не надѣйтесь слишкомъ на глупость нашихъ враговъ.

Пользуйтесь минутами. Такія минуты не часты въ исторіи. Пропустить ихъ — значитъ добровольно отсрочить возможность соціальной революціи надолго, — быть можетъ навсегда.

Не медлите же!

Въ Набатъ! Въ Набатъ!

Довольно вамъ толковать все о „подготовленіи“ да „подготовленіи“!

Подготовлять революцію, — это совсѣмъ не дѣло революціонера. Ее подготовляютъ: эксплуататоры, — капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революціонеръ же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ, уже готовые, данные революціонные элементы, которые выработала исторія, которые выростила экономическая жизнь народа, которые крѣпнутъ и развиваются, благодаря тупости „охранителей,“ безсмыслію правительствъ съ ихъ жандармами и войсками, — благодаря, наконецъ, трудолюбивымъ воздѣлывателямъ вертограда „мирнаго“ прогресса и ихъ буржуазной науки.

Революціонеръ не подготовляетъ, а „дѣлаетъ“ революцію.

Дѣлайте же ее! Дѣлайте скорѣе! Всякая нерѣшительность, всякая проволочка — преступны!

Въ Набатъ! Въ Набатъ!

ЗАДАЧИ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

Бить въ набатъ, призывать къ революціи — значитъ указывать на ея необходимость и возможность именно въ данный моментъ, выяснять практическія средства ея осуществленія, опредѣлять ея ближайшія цѣли.

Такова и будетъ главная задача нашего журнала.

Насъ, революціонеровъ, наши враги называютъ мечтателями, *утопистами.*

Враги наши правы, — правы, если они судятъ о насъ по нашимъ „теоретикамъ-софистамъ,“ по нашимъ болтунамъ-резонерамъ,—словомъ — по нашей теперешней заграничной прессѣ.

Въ то время, какъ наиболѣе дѣятельная, наиболѣе искренняя и энергическая часть молодежи инстинктивно ищетъ *непосредственно-возможнаго, практически - осуществимаго,* ей рекомендуютъ *анархію,* какъ ближайшую цѣль революціи.

Въ то время, когда молодежь частью сознательно, частью безсознательно стремится организоваться, сплотиться какъ можно тѣснѣе и крѣпче, — ей нашептываютъ въ уши, что основные принципы всякой тайной организаціи: іерархія, дисциплина,

подчиненность, — что это принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

Въ то время, какъ она, полная силъ и вѣры,— рвется на дѣло и хочетъ, какъ можно скорѣе, сорвать съ народа давящія его цѣпи, — ей говорятъ: „подожди, не трогай, сперва — *пропагандируй*, внушай, просвѣщай, а ужъ потомъ—срывай.“

Анархія, — какъ ближайшая, непосредственная цѣль революціи, пропаганда, — какъ практическое средство для ея осуществленія, и, наконецъ, организація безъ дисциплины, іерархіи и подчиненности, — развѣ все это не фантастическія утопіи, не ребяческія мечты?

А между тѣмъ, — внѣ этихъ мечтаній наша заграничная пресса*) не видитъ ничего реальнаго, она влюблена въ свои утопіи и навязываетъ ихъ молодежи.

Мы не отрицаемъ, что революціонеры-мечсатели, революціонеры-утописты — быть можетъ и необходимы, но только въ подготовительный, въ періодъ революціоннаго *броженія*. Въ періодъ же непосредственнаго *дѣйствія* — они не только безполезны, они — вредны. Они отвлекаютъ людей отъ практическаго дѣла, — они разслабляютъ и обезкураживаютъ ихъ, — они ихъ превращаютъ въ холодныхъ резонеровъ и въ концѣ концовъ, — доводятъ или до полнаго отчаянія, или до разочарованія и покаянія.

*) Разумѣется, говоря о современной революціонной прессѣ, мы имѣемъ въ виду лишь прессу, предназначенную для русской интелигенціи.

Мы утверждаемъ, что послѣдній періодъ наступилъ.

Вотъ почему мы и говоримъ: „не уноситесь мыслью слишкомъ *впередъ*, не отдаляйтесь отъ данной дѣйствительности, стойте твердо на почвѣ трезваго, разумнаго реализма. Не мечтайте, а дѣлайте, дѣлайте революцію и дѣлайте ее какъ можно скорѣе“!

Но для этого, прежде всего, нужно ясно и точно опредѣлить себѣ, какъ ближайшую, практически-достижимую цѣль революціи, такъ и пути, ведущіе къ ея немедленному осуществленію.

Въ чемъ должна состоять ближайшая, практически-достижимая цѣль революціи.

Мы признаемъ анархію (или, точнѣе выражаясь, *то*, что подъ этимъ словомъ обыкновенно подразумѣвается), но только какъ желательный „идеалъ“ отдаленнаго будущаго. Однако мы утверждаемъ, что слово *анархія* не выражаетъ собою вполнѣ идеала этого будущаго: оно указываетъ только на одну его сторону, на одну, и совсѣмъ не существенную, черту будущаго общественнаго строя.

Анархія — значитъ *безвластіе*. Но безвластіе есть только одно изъ неизбѣжныхъ, логическихъ послѣдствій причины болѣе коренной, болѣе глубокой — равенства.

Точно также какъ и власть есть не причина, какъ утверждаютъ анархисты, существующаго со-

ціальнаго зла, а лишь его необходимый результатъ.

Всѣ общественныя бѣдствія, вся соціальная неправда обусловливаются и зависятъ исключительно отъ неравенства людей, неравенства физическаго, интелектуальнаго, экономическаго, политическаго и всякаго другаго.

Слѣдовательно, пока существуетъ неравенство, хотя въ какой нибудь сферѣ человѣческихъ отношеній, до тѣхъ поръ будетъ существовать власть. Анархія немыслима, немыслима логически (не говоря уже о ея практической невозможности) безъ предварительнаго установленія абсолютнаго равенства между всѣми членами общества. И потому-то, самая существенная, самая характеристическая черта будущаго общества и должна выражаться не словомъ *анархія*, а словомъ—равенство. Равенство предполагаетъ анархію, анархія—свободу; но и равенство, и анархія, и свобода, всѣ эти понятія совмѣщаются въ одномъ понятіи, въ одномъ словѣ, въ словѣ—братство. Гдѣ братство, тамъ и равенство, гдѣ равенство—тамъ и безвластіе, тамъ и свобода.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что никакая революція не можетъ установить анархію, не установивъ сначала братства и равенства.

Но, чтобы установить братство и равенство, нужно, во первыхъ, измѣнить данныя условія общественнаго быта, уничтожить всѣ тѣ учрежденія, которыя вносятъ въ жизнь людей неравенство, вражду, зависть, соперничество, и положить основаніе учрежденіямъ, вносящимъ въ нее начала про-

тивуположныя первымъ; во вторыхъ, измѣнить самую природу человѣка, перевоспитать его. Осуществить эту великую задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренне стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. люди умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ.

Слѣдовательно, революціонеры — люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества — необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать *властью*.

До революціи эта власть имѣетъ чисто нравственный, такъ сказать, духовный характеръ, а потому она оказывается совершенно безсильною въ борьбѣ съ такимъ порядкомъ вещей, въ которомъ все основано на грубой матеріальной силѣ, все подчинено разсчету алчнаго, своекорыстнаго, хищническаго эгоизма. Революціонеры это понимаютъ и стремятся путемъ насильственнаго переворота обратить свою силу умственную и нравственную въ силу матеріальную. Въ этой метаморфозѣ силъ и заключается основная сущность всякой истинной революціи. Безъ нея революція немыслима. Умственная сила, изолированная отъ силы матеріальной, можетъ создать лишь, такъ называемый, *мирный прогрессъ*. Съ другой стороны,—всякое нападеніе на существующій порядокъ вещей, не руководимое и не дисципли-

нированное силою умственною, можетъ породить лишь хаотическое броженіе, — движеніе безсмысленное, безцѣльное, и въ концѣ концовъ, всегда реакціонное.

Но такъ какъ въ современныхъ обществахъ вообще, и въ Россіи въ особенности, матеріальная сила сосредоточена въ государственной власти, — то слѣдовательно, истинная революція—дѣйствительная метаморфоза силы нравственной въ силу матеріальную, — можетъ совершиться только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами, — ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственною властью и превратить данное, *консервативное* государство въ государство *революціонное*.

Отрицать непреложность этого условія, отрицать эту ближайшую цѣль всякой революціи значитъ,— или не понимать ея сущность, или сознательно стараться препятствовать ея практическому осуществленію.

И наша, такъ называемая, революціонная заграничная пресса поступаетъ вполнѣ послѣдовательно съ своей антиреволюціонной точки зрѣнія, когда утверждаетъ, что революціонеры должны хлопотать не о томъ, чтобы сосредоточивать въ своихъ рукахъ государственную власть, т. е. матеріальную силу, а о томъ, чтобы разрушить эту власть, чтобы оставаться и послѣ переворота такими же безсиль-

ными и безоружными, какими они были до революціи, каковы они теперь.

Она не хочетъ истинной революціи. Она мечтаетъ, или о мирномъ прогрессѣ, или о безпорядочномъ, хаотическомъ, а потому, безцѣльномъ броженіи. Въ обоихъ случаяхъ ея идеалы не выходятъ за предѣлы буржуазнаго міросозерцанія и по существу своему,—безусловно консервативны. Ея проповѣдь *анархіи* вполнѣ ей соотвѣтствуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое анархія безъ предварительнаго, практическаго осуществленія идей братства и равенства? Это — хищническая борьба человѣка съ человѣкомъ, это — хаосъ противорѣчивыхъ интересовъ, это — господство индивидуализма, царство алчнаго, своекорыстнаго эгоизма, однимъ словомъ, это — именно то, что даетъ содержаніе, такъ называемому, *мирному прогрессу*, то, что составляетъ сущность буржуазнаго общества.

И такъ, ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ политической власти, въ созданіи революціоннаго государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи, — не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое, съ одной стороны, борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства; съ другой—вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію.

Такимъ образомъ, дѣятельность революціоннаго государства должна быть двоякая: революціонно-разрушительная и революціонно-устроительная.

Сущность первой — борьба, а слѣдовательно — *насиліе*. Борьба можетъ вестись съ успѣхомъ только при соединеніи слѣдующихъ условій: централизаціи, строгой дисциплины, быстроты, рѣшительности и единства въ дѣйствіяхъ. Всякія уступки, всякія колебанія, всякіе компромиссы, многоначаліе, децентрализація борящихся силъ, ослабляютъ ихъ энергію, парализируютъ ихъ дѣятельность, лишаютъ борьбу всѣхъ шансовъ на побѣду.

Дѣятельность революціонно-устроительная, хотя и должна идти рука объ руку съ дѣятельностью разрушительною, но она, по своему основному характеру, должна опираться на принципы совершенно ей противуположные. Если первая преимущественно опирается на силу матеріальную, то вторая — на силу нравственную; первая имѣетъ, прежде всего, въ виду быстроту и единство въ дѣйствіяхъ, вторая — прочность и удобопримѣняемость вводимыхъ въ жизнь перемѣнъ. Первая осуществляется насиліемъ, вторая — убѣжденіемъ; ultima ratio одной — побѣда, ultima ratio другой — народная воля, народный разумъ.

Обѣ эти функціи революціоннаго государства должны быть строго разграничены: отличаясь непреклонностью въ борьбѣ съ консервативными и реакціонными элементами общества, его конституціонная дѣятельность, напротивъ, должна отличаться эластичностью, умѣньемъ приспособляться къ данно-

му уровню народныхъ потребностей и народнаго развитія. Чтобы не удаляться отъ этого уровня, не впадать въ утопіи, чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, *Народной Думы*, и санкцировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время, оно должно постоянно стремиться къ расширенію народнаго развитія, къ поднятію уровня его нравственныхъ идеаловъ. И тутъ ему открывается широкое поприще для *пропаганды* — той пропаганды, о которой мечтаютъ наши буржуазные псевдо-революціонеры.

Мы признаемъ вмѣстѣ съ ними, что безъ пропаганды соціальная революція не можетъ осуществиться, не можетъ войти въ жизнь. Но мы утверждаемъ, въ противоположность имъ, что пропаганда только тогда и будетъ дѣйствительна, цѣлесообразна, только тогда и принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда матеріальная сила, когда политическая власть будутъ находиться въ рукахъ революціонной партіи.

Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а наоборотъ, насильственный переворотъ долженъ ей предшествовать.

Упрочивъ свою власть, опираясь на *Народную Думу* и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство осуществитъ соціальную революцію рядомъ реформъ въ области экономическихъ, политическихъ и юридическихъ отношеній общества, —реформъ, общій характеръ которыхъ долженъ состоять: 1) въ постепенномъ преобразованіи совре-

менной крестьянской общины, основанной на принципѣ временнаго, *частнаго* владѣнія—въ общину-коммуну, основывающуюся на принципѣ *общаго*, совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго, совмѣстнаго труда; 2) въ постепенной экспропріяціи орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи и въ передачѣ ихъ въ общее пользованіе; 3) въ постепенномъ введеніи такихъ общественныхъ учрежденій, которыя устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмѣнѣ продуктовъ и измѣнили бы самый его принципъ,—принципъ буржуазной справедливости: око за око, зубъ за зубъ, услуга за услугу,—принципомъ братской любви и солидарности; 4) въ постепенномъ устраненіи физическаго, умственнаго и нравственнаго неравенства между людьми, при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго, интегральнаго воспитанія, въ духѣ любви, равенства и братства; 5) въ постепенномъ уничтоженіи существующей семьи, основанной на принципѣ подчиненности женщины, рабства дѣтей и эгоистическаго произвола мужчинъ; 6) въ развитіи общиннаго самоуправленія и въ постепенномъ ослабленіи и упраздненіи центральныхъ функцій государственной власти.

Такова должна быть, по нашему мнѣнію, въ самыхъ общихъ чертахъ программа дѣятельности революціоннаго государства. Входить въ подробности здѣсь не мѣсто. Но журналъ нашъ ставитъ одною изъ своихъ задачъ дальнѣйшее развитіе и уясненіе этой программы. Мы полагаемъ, что такое

развитіе и уясненіе въ настоящее время существенно необходимо.

Насильственнымъ переворотомъ не оканчивается дѣло революціонеровъ, напротивъ,—имъ оно начинается. Захвативъ въ свои руки власть, они должны съумѣть удержать ее и воспользоваться ею для осуществленія своихъ идеаловъ; а для этого у нихъ должна быть, прежде всего, ясная, точная, строго-опредѣленная, послѣдовательно - выдержанная программа. Не имѣя ея, они будутъ дѣйствовать ощупью, впадать въ постоянныя, неизбѣжныя противорѣчія и своею непослѣдовательностью погубятъ себя.

Организація революціонныхъ силъ.

Если ближайшая практически-достижимая задача революціонеровъ сводится къ насильственному нападенію на существующую политическую власть съ цѣлью захвата этой власти въ свои руки, то отсюда само собою слѣдуетъ, что именно къ осуществленію этой-то задачи и должны быть направлены всѣ усилія истинно-революціонной партіи. Осуществить ее всего легче и удобнѣе посредствомъ государственнаго заговора. Государственный заговоръ является, такимъ образомъ, если и не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ насильственному перевороту. Но всякій, признающій необходимость государственнаго заговора, тѣмъ самымъ долженъ признать

и необходимость дисциплинированной организаціи революціонныхъ силъ.

Не этой призрачной, невозможной, фиктивной организаціи, которую рекомендуютъ молодежи буржуазные революціонеры, революціонеры-анархисты, а организаціи реальной, организаціи тѣсно сплачивающей разрозненные революціонные элементы въ одно живое тѣло, дѣйствующее по одному общему плану, подчиняющееся одному общему руководству, —организаціи, основанной на централизаціи власти и децентрализаціи революціонныхъ функцій. Только организація, удовлетворяющая этимъ условіямъ, можетъ создать и осуществить государственный заговоръ. Только при такой организаціи революціонеры, захвативъ власть, будутъ въ состояніи защитить ее отъ притязаній враждебныхъ партій, интригановъ, политическихъ честолюбцевъ, только она дастъ имъ возможность подавить консервативные и реакціонные элементы общества, только она одна вполнѣ отвѣаетъ потребностямъ борьбы, вполнѣ соотвѣтствуетъ типу *боевой организаціи*.

Напротивъ, организація, рекомендуемая революціонерами-утопистами, организація, отвергающая всякую подчиненность, централизацію, и признающая лишь федеративную связь между автономными, самостоятельно дѣйствующими революціонными группами, —такая организація не удовлетворяетъ ни одному изъ требованій боевой организаціи. Она не способна къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, она открываетъ широкое поприще для взаимной вражды, пререканій, для всякаго рода колебаній и компро-

миссовъ, она постоянно связана въ своихъ движеніяхъ, она не можетъ со строгою послѣдовательностью держаться одного какого нибудь общаго плана, въ ея дѣятельности никогда не можетъ быть ни стройности, ни гармоніи, ни единства.

Не будучи боевою, она вслѣдствіе этого не можетъ быть и революціонной. Мало того, она антиреволюціонна по своему основному принципу, чисто буржуазному, принципу *индивидуализма*, ставящему *личное* выше *общаго*, *единичное* выше *цѣлаго*, *эгоизмъ* выше *самоотверженія*.

Противорѣчащая основому принципу революціонной нравственности и совершенно непригодная для революціонной борьбы, эта организація не удовлетворяетъ и самому элементарному требованію всякаго, такъ называемаго, „противузаконнаго общества." Она не можетъ, и по характеру своему, не должна быть вполнѣ и безусловно тайною.

Слѣдовательно, у насъ въ Россіи ея существованіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ преслѣдовать цѣли не только мирныя и легальныя (при такомъ условіи она можетъ существовать лишь въ государствахъ конституціонныхъ), но консервативныя, реакціонныя, въ родѣ напр. распространенія книгъ Священнаго Писанія, изданій Товарищества Общественной Пользы и т. п.

Сгруппировавшись въ боевую организацію и сдѣлавъ основною ея задачею захватъ политической власти, революціонеры,—не упуская изъ виду цѣли заговора,—не должны ни на минуту забывать, что

удачное достиженіе этой цѣли неосуществимо безъ прямой или косвенной поддержки народа.

Отсюда,—дѣятельность революціонной партіи и до насильственнаго переворота должна имѣть такой же двойственный характеръ, какой она будетъ имѣть (какъ мы уже сказали выше) послѣ переворота. Съ одной стороны, она должна подготовлять захватъ власти на верху, съ другой—народный бунтъ внизу. Чѣмъ теснѣе будутъ связаны обѣ эти дѣятельности, тѣмъ скорѣе и удачнѣе каждая изъ нихъ достигнетъ своей цѣли. Мѣстный народный бунтъ, не сопровождающійся одновременнымъ нападеніемъ на центръ власти, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, точно также нападеніе на центръ власти и захватъ ея въ революціонныя руки, не сопровождающійся народнымъ бунтомъ (хотя бы и мѣстнымъ),—лишь при крайне благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ привести къ какимъ нибудь положительнымъ, прочнымъ результатамъ.

Революціонная партія никогда не должна терять этого изъ виду, она должна избѣгать всякой исключительности и односторонности въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ осуществленію ближайшей цѣли революціи. Только тогда она будетъ въ состояніи добиться того, чего желаетъ; только тогда ея организація можетъ обхватить всѣ теперь разрозненныя революціонныя силы и указать каждой силѣ дѣятельность, наиболѣе соотвѣтствующую ея средствамъ, наиболѣе отвѣчающую ея наклонностямъ и общественному положенію. Успѣхъ революціоннаго дѣла, въ значительной степени, зависитъ отъ правильнаго распре-

дѣленія разнообразныхъ революціонныхъ функцій между членами революціонной партіи. Каждый революціонеръ долженъ браться лишь за такую работу, которая ему по силамъ. Потому мы находимъ совершенно нецѣлесообразнымъ пріурочивать всѣхъ революціонеровъ къ одной и той же дѣятельности. Если нелѣпо утверждать, что революціонеры должны исключительно заниматься подготовленіемъ политическаго переворота, то также нелѣпо настаивать на необходимость—всѣмъ „идти въ народъ.“

Такова наша исходная точка зрѣнія на вопросъ объ организаціи и дѣятельности революціонной партіи. Задача нашего журнала будетъ состоять въ ея дальнѣйшемъ, болѣе всестороннемъ и детальномъ развитіи и уясненіи. Главные матеріалы для такого развитія и уясненія мы будемъ черпать изъ нашей русской жизни; эти условія настолько своеобразны, что они создаютъ для русской революціонной партіи совершенно особое положеніе въ ряду революціонныхъ партій Западной Европы, ставятъ ее болѣе или менѣе въ исключительныя отношенія къ народу, обществу и государству. Видѣть въ этихъ отношеніяхъ полную аналогію съ отношеніями, существующими на Западѣ (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые) — значитъ не понимать того радикальнаго различія, которое существуетъ между экономическими и политическими условіями общества, только что начинающаго дѣлать первые шаги по дорогѣ буржуазнаго прогресса и обществомъ, достигшимъ высшей, кульминаціонной точки этого прогресса.

Однако, отрицая эту призрачную аналогію,—мы

утверждаемъ, что для интересовъ нашей революціонной партіи было бы въ высшей степени полезно находиться въ постоянномъ общеніи съ революціонными партіями Западной Европы. Союзъ же съ польской революціонной партіей мы считаемъ для нея безусловнымъ, абсолютно необходимымъ.

Указывая на необходимость этого общенія и этого союза, нашъ журалъ будетъ стараться своевременно знакомить молодежь съ составомъ, характеромъ и дѣятельностію западно-европейскихъ революціонныхъ партій. Въ ихъ дѣятельности мы найдемъ для себя много поучительныхъ уроковъ, указаній и предостереженій.

На западѣ, какъ и у насъ, мы замѣчаемъ два теченія: одно — чисто утопическое, федеративно-анархическое, другое — реалистическое, централизаціонно-государственное. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ первое вступило въ борьбу со вторымъ, и въ первыя минуты трудно было сказать, за кѣмъ останется побѣда. Но теперь положеніе дѣлъ уже настолько выяснилось и опредѣлилось, что въ окончательномъ исходѣ борьбы сомнѣваться почти невозможно.

Несостоятельность, такъ называемаго, анархическаго принципа, по отношенію къ революціонной борьбѣ сознается самими анархистами; но, не рѣшаясь отказаться отъ него вполнѣ, они вводятъ въ него такія поправки и измѣненія, которыя подрываютъ его въ корнѣ. Вопросъ о необходимости предварительнаго политическаго переворота для осуществленія идеи соціальной революціи,—вопросъ, который еще недавно они рѣшали безусловно отри-

цательно,—становится для нихъ теперь вопросомъ спорнымъ. Революціонная партія все яснѣе и яснѣе начинаетъ сознавать, что безъ захвата государственной власти въ свои руки невозможно произвести въ существующемъ строѣ общества никакихъ прочныхъ и радикальныхъ измѣненій,—что соціалистическіе идеалы, не смотря на всю ихъ истинность и разумность, до тѣхъ поръ останутся несбыточными утопіями, пока они не будутъ опираться на *силу*, пока ихъ не прикроетъ и не поддержитъ авторитетъ *власти*.

Въ связи съ такимъ сознаніемъ необходимо должна измѣниться и самая форма организаціи революціонныхъ силъ. По мѣрѣ того, какъ политическій элементъ борьбы выдвигается на первый планъ, — все сильнѣе и сильнѣе чувствуется потребность, съ одной стороны, болѣе централизировать революціонныя силы, съ другой — облечь большею тайною ихъ дѣятельность. Политическая реакція, послѣдовавшая за франко-прусскою войною, дикія и безсмысленныя гоненія, повсюду воздвигнутыя на „Международный союзъ рабочихъ,“ сдѣлали эту потребность еще настоятельнѣе. Исторія этого союза и его современное положеніе въ различныхъ государствахъ Европы показываютъ, что та *легальная* почва, на которой онъ хотѣлъ бороться съ существующимъ порядкомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уходитъ изъ подъ его ногъ, а вмѣстѣ съ этимъ радикально измѣняются: и его организація и его ближайшія цѣли. Въ настоящее время почти безспорно, что, оставаясь на этой почвѣ, онъ неиз-

бѣжно долженъ утратить всякій революціонный смыслъ, всякое революціонное значеніе. И дѣйствительно, на легальной поверхности осталась теперь одна лишь мертвая форма когда-то одушевленнаго организма,—форма, никого болѣе не пугающая, тихо и мирно доживающая свои послѣдніе дни. Все, что было живаго практическаго, дѣйствительно революціоннаго, ушло внутрь, скрылось подъ землю и тамъ начинаетъ свою таинственную работу. Мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ этой работы, мы вѣримъ, что революціонныя силы, скрывшись подъ *легальную почву*, кончатъ тѣмъ, что взорвутъ ее, разрушатъ величественное зданіе „буржуазнаго общества“ и подъ его обломками погребутъ старый міръ.

ИТОГИ*)

Мы переживаемъ теперь кризисъ,—тяжелый, но спасительный кризисъ; если мы выйдемъ изъ него обновленными и укрѣпленными,—мы можемъ надѣяться на вѣрную побѣду въ близкомъ будущемъ.

Наши ряды значительно порядѣли. Враги отняли у насъ много надежныхъ силъ: борцы, болѣе или менѣе испытанные, замуравлены въ казематахъ крѣпостей и тюремъ; ихъ ждетъ ссылка, сибирь, каторга... Сношенія затруднены. Кружки разстроены. Нѣтъ прежняго одушевленія. Революціонный пульсъ бьется слабѣе.

Конечно, это скоро пройдетъ. Опустѣвшіе ряды не замедлятъ пополниться (и уже пополняются) новыми борцами. Кружки опять сплотятся; на минуту затихшая работа снова закипитъ съ удвоенною энергіей.

Не это важно; важно то, *какъ* поведется работа, *какимъ образомъ* сплотятся кружки, *какъ* возьмутся за дѣло борцы?

Отъ того или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ теперь для насъ все... Потому ихъ рѣшеніе не можетъ быть предоставлено ни случаю, ни

*) „Набатъ,“ Декабрь, 1875.

личному вкусу, ни темпераменту. Ради общаго дѣла каждая отдѣльная личность должна подчинить свое эгоистическое *я*, свое субъективное мнѣніе той общей программѣ дѣйствій, которая болѣе всего соотвѣтствуэтъ интересамъ партіи.

Но гдѣ же эта программа, есть ли она у насъ? У насъ ихъ было нѣсколько, но ни одна изъ нихъ не выдержала практическаго искуса. Опытъ обнаружилъ ихъ недостатки; онъ указалъ тѣ пробѣлы, которые, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, должны быть пополнены.

Воспользуемся же его указаніями, — подведемъ итоги нашей практикѣ.

Она имѣла, конечно, и свои положительныя и свои отрицательныя стороны. Не нужно ни скрывать, ни преувеличивать ни тѣхъ, ни другихъ. Только вполнѣ безпристрастное отношеніе къ дѣятельности только что сошедшихъ со сцены борцовъ можетъ избавить новыхъ отъ ошибокъ и промаховъ ихъ предшественниковъ, и указать имъ тотъ путь, котораго они неуклонно должны держаться въ будущемъ.

Характеръ и направленіе революціонной дѣятельности за послѣдніе два, три года, весьма рѣзко отличается отъ революціонной дѣятельности истекшаго десятилѣтія. Это фактъ, котораго никто изъ насъ не станетъ отрицать. Но, признавая его, мы очень плохо понимаемъ его истинное значеніе.

Сравнивая результаты нашей дѣятельности съ результатами дѣятельности нашихъ предшественниковъ, мы всегда чувствуемъ нѣкоторую склонность возвеличивать первые въ ущербъ вторымъ. Мы почти го-

товы отказаться отъ своего прошлаго, мы не видимъ въ немъ ничего достойнаго примѣра и подражанія.

Намъ кажется, что революціонеры шестидесятыхъ годовъ не имѣли подъ ногами твердой почвы, что они витали въ облакахъ, занимались ребяческими конспираціями, по пусту тратили свои силы на фантастическія предпріятія. Тогда какъ мы,—о, мы совсѣмъ другое дѣло,—мы нашли надлежащую опору своей дѣятельности, мы не увлекаемся несбыточными мечтами, и если мы гибнемъ, то мы гибнемъ не даромъ: сѣмя, брошенное нами въ народъ, разростется само собою и, рано или поздно, принесетъ свой плодъ.

Не преувеличиваемъ ли мы своихъ заслугъ? Будемъ безпристрастны.

Правда, въ дѣятельности прежнихъ революціонеровъ, — революціонеровъ-конспираторовъ, (какъ ихъ теперь иронически называютъ) былъ пробѣлъ, и пробѣлъ весьма важный: слишкомъ вѣруя въ свои единичныя силы, они слишкомъ мало обращали вниманія на тѣ *матеріальныя средства*, безъ которыхъ практическое осуществленіе ихъ идеаловъ было немыслимо. Всѣ ихъ заговоры, всѣ ихъ конспираціи строились, такъ сказать, на пескѣ; за ними не стояла никакая реальная сила; у нихъ не было прочныхъ корней, не только въ народѣ, но даже и въ интелигенціи. Отсюда ихъ слабость и ихъ недолговѣчность.

Конечно, все это были капитальные недостатки; но ихъ намъ не зачѣмъ преувеличивать, для насъ

гораздо важнѣе тѣ мотивы, которые ихъ обусловливаютъ.

Революціонеры-конспираторы не могли и не хотѣли, подобно нынѣшнимъ революціонерамъ-пропагандистамъ, откладывать дѣло революціи въ долгій ящикъ. Революція представлялась имъ не въ отдаленномъ будущемъ, а дѣломъ настоящей генераціи. Революція рисовалась имъ въ такой рѣзко-опредѣленной, конкретной формѣ, они такъ живо чувствовали ея близость, они такъ были увѣрены въ возможности ея осуществленія, что дѣлали изъ нея непосредственную цѣль своей дѣятельности. И какъ легко, казалось имъ, достигнуть этой цѣли: стоило только протянуть руку—и все готово!

Спросите теперь любаго изъ анархистовъ: а какъ вы думаете, черезъ сколько приблизительно времени можетъ совершиться революція? И каждый изъ нихъ скажетъ: „какой глупый вопросъ! Развѣ это можно опредѣлить заранѣе: тутъ все зависитъ отъ массы условій, которыхъ даже и предвидѣть-то невозможно. Вѣдь революцію дѣлаютъ не революціонеры, она дѣлается обстоятельствами,“ и т. д., и т. д.

Но когда тотъ же вопросъ задавали дѣйствительно революціонерамъ, они, не задумываясь, отвѣчали: революцію сдѣлаемъ мы, наше поколѣніе.

Подумайте, сколько нужно было имѣть вѣры, какъ силенъ долженъ былъ быть революціонный энтузіазмъ у людей, дававшихъ подобные отвѣты. Подумайте, и вамъ станетъ не смѣшно, а стыдно, стыдно за самихъ себя.

Да, эти люди были искренне вѣрующими энтузі-

астами и, ослѣпленные своимъ благороднымъ энтузіазмомъ, они хлопотали только объ одномъ: какъ бы *скорѣе* сдѣлать революцію.

Не мудрено, что они не думали ни о прочности ни о долговѣчности своихъ конспирацій, ни объ увеличеніи числа своихъ адептовъ среди интелигенціи и, въ особенности, среди народа. Они слишкомъ торопились и, имѣя передъ глазами только *цѣль*, они забывали о *средствахъ*.

Заниматься подготовленіемъ революціонныхъ средствъ, это совсѣмъ не входило въ программу ихъ дѣятельности; А оттягивать революцію на болѣе длинный срокъ это казалось имъ преступленіемъ...

Напрасно, однако, ихъ упрекаютъ за то, что они будто и не думали о народѣ. Нѣтъ, они также хорошо, какъ и мы, понимали, что революцію нельзя произвести безъ народа; но они были глубоко убѣждены, что народъ при *первомъ удобномъ* случаѣ готовъ сорвать съ себя свои цѣпи и что, слѣдовательно, если имъ удастся достичь своей цѣли, онъ встанетъ вмѣстѣ съ ними и поддержитъ ихъ.

Оттого-то они и не придавали „подготовленію народа,“ „хожденію въ народъ“ того первостепеннаго значенія, какое мы ему теперь придаемъ.

Понявъ практическіе промахи нашихъ старшихъ братьевъ, мы старались исправить ихъ. Мы обратили особенное вниманіе на то, что они игнорировали. Мы занялись *революціонизированіемъ* народа и „идти въ народъ“ стало нашимъ лозунгомъ.

Лозунгъ этотъ, конечно, былъ крайне неопредѣ-

ленъ. *Идти въ народъ*, но какъ идти, зачѣмъ идти? На эти вопросы *каждый отвѣчалъ по своему*.

Одинъ говорилъ: нужно идти въ качествѣ простаго рабочаго, другой—въ качествѣ учителя, фельдшера и вообще интеллигентнаго человѣка. Цѣль хожденія одни видѣли въ *обученіи народа*, другіе —въ обученіи *у* народа, а третіе—просто въ *приглядываніи* къ народу.

„Нужно идти въ народъ, чтобы ознакомиться съ нимъ, на мѣстѣ узнать его нужды и потребности,“ резонировали люди трусливаго, сонливаго темперамента, люди умѣренно-благоразумные и через чуръ осторожные.

„Нужно идти въ народъ, чтобы на собственной шкурѣ испытать его страданія, чтобы слиться съ нимъ и заручиться его довѣріемъ,“ убѣждали себя, начавшіе терять вѣру въ свои силы, разочарованные въ конспираціонныхъ затѣяхъ своихъ предшественниковъ.

„Нужно идти въ народъ для того, чтобы разъяснить ему скверность его положенія, и развить его до сознанія лучшаго и справедливѣйшаго общественнаго строя,“ проповѣдывали, такъ называемые, пропагандисты или *внушители*, какъ ихъ окрестилъ народъ.

„Нужно идти въ народъ для того, чтобы разжигать его революціонныя страсти, чтобы непосредственно возбудить его къ бунту,“ говорили, такъ называемые, агитаторы, натуры страстныя и энергичныя, унаслѣдовавшіе у революціонеровъ шестидесятыхъ годовъ ихъ одушевленіе и энтузіазмъ, но

уже невѣровавшіе, подобно имъ, въ возможность скораго осуществленія революціи, люди, которые, faute de mieux, готовы были удовольствоваться и мѣстнымъ бунтомъ.

Такимъ образомъ, знамя, на которомъ красовалось лишь лаконическое приглашеніе: *идти въ народъ*, это знамя, вслѣдствіе его неопредѣленности, собрало вокругъ себя самые разнообразные элементы. За нимъ шли, рядомъ съ дѣйствительными революціонерами, и либералы, и прогрессисты, и люди безо всякихъ убѣжденій, и трусы и смѣльчаки, энергическія натуры, и слабодушныя тряпицы, и люди *дѣла*, и люди *слова*.

Благодаря этому обстоятельству „движеніе въ народъ" приняло такіе размѣры, которыхъ у насъ не принимало еще ни одно движеніе молодежи за послѣдніе 20 лѣтъ.

Съ одной стороны, это было очень хорошо. Движеніе обратило на себя серьезное вниманіе и правительства, и общества: противъ него стали принимать „*мѣры*," и эти *мѣры* всего болѣе способствовали популяризаціи его среди народа. Народъ насъ замѣтилъ. А это-то и было для насъ всего важнѣе. Разъ насъ замѣтили, нами заинтересуются и насъ будутъ слушать.

Но это не все: возникла цѣлая литература народныхъ книгъ, выработались разнообразные и для полиціи почти неуловимые способы устной и печатной пропаганды среди народа, значительно увеличился нашъ скудный запасъ опыта и знанія по части народной жизни и т. п.

Всѣ эти, несомнѣнно, важные для насъ результаты едва ли были бы достигнуты, если бы движеніе въ народъ ограничилось одною какою нибудь замкнуною кучкою революціонеровъ, если бы оно не отличалось тѣмъ общимъ, и потому самому, крайне неопредѣленнымъ направленіемъ, на которое мы сейчасъ только указали.

Но, съ другой стороны, неопредѣленность и общность движенія имѣли и свои дурныя послѣдствія.

Понятно, что чѣмъ разнообразнѣе были агенты, принимавшіе въ немъ участіе, тѣмъ труднѣе было ихъ сплотить въ одну какую нибудь организацію. Всѣ шли въ разбродъ, многіе возвели этотъ разбротъ въ принципъ. Каждый поступалъ и считалъ себя обязаннымъ поступать „по собственному разумѣнію,“ или, въ крайнемъ случаѣ, по ,,разумѣнію“ того частнаго мѣстнаго кружка, изъ котораго онъ вышелъ. Кружки, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствовали совершенно независимо одинъ отъ другаго и нерѣдко даже находились между собою въ явно враждебныхъ отношеніяхъ. Тѣсная связь существовала между немногими.

Отсюда отсутствіе общаго плана и единства въ преслѣдованіи цѣли, чисто случайное распредѣленіе революціонныхъ силъ въ народѣ, недостатокъ (происходящій вслѣдствіе раздробленія) матеріальныхъ средствъ, затруднительность сношеній, никакихъ почти мѣръ для предупрежденія на каждомъ шагу грозящихъ ей опасностей, какое-то безпечное, чисто халатное, отношеніе къ дѣлу пропаганды, шумные сбо-

ры, излишняя болтовня, напрасная суета, компрометирующие насъ споры и пререканія.

Результаты этой хаотичности и безпорядочности не замедлили обнаружиться. Они проявились: 1) въ массѣ арестовъ, большинство которыхъ можно бы было избѣжать при существованіи сколько нибудь разумно устроенной системы предупредительныхъ и охранительныхъ мѣръ; 2) въ прекращеніи дѣятельности большей части пропагандистовъ и агитаторовъ при самомъ ея началѣ, и наконецъ 3), и это самое главное, въ полнѣйшей неспособности и неумѣлости пропагандистовъ утилизировать въ свою пользу тѣ мелкіе и крупные „безпорядки," которые возникали въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи за послѣдніе два года.

Бунтовались казаки, бунтовались инородцы, бунтовались крестьяне, бунтовались рабочіе на желѣзныхъ дорогахъ, устраивались стачки на фабрикахъ, заводахъ, и всѣ эти стачки и бунтованія проходили почти безслѣдно, агитаторы не могли ни поддержать, ни раздуть ихъ. А почему? Потому что они бродили ощупью, съ завязанными глазами, а если и натыкались на какія нибудь „недовольства," то чисто случайно, безо всякой преднамѣренности. Обыкновенно ихъ тамъ-то именно и не было, гдѣ имъ слѣдовало быть. Тутъ они являлись слишкомъ рано, тамъ—слишкомъ поздно.

Все дѣлалось спустя рукава, безъ разсчета и безъ напередъ обдуманнаго плана. Такъ что въ общемъ дѣятельность пропагандистовъ и агитаторовъ, ни дать ни взять, напоминала дѣятельность „лебедя,

щуки и рака,“ взявшихся тащить возъ. „Лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду,... а возъ и нынѣ тамъ.“

Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ получается такой выводъ: по части „подготовленія себя“ къ „хожденію въ народъ,“ по части подготовленія революціонной пропаганды, революціонеры кое-чего добились, но за то по части осуществленія ея цѣлей не сдѣлано ровно ничего. Мало того, самыя эти цѣли какъ-то отошли на задній планъ, спутались, затерялись въ общемъ хаосѣ „движенія въ народъ.“

Очевидно, поправляя ошибки своихъ предшественниковъ, мы впали въ противоположную крайность: тѣ — за цѣлью забывали средства, мы — за средствами забываемъ о цѣли, или, другими словами, мы возвели средства въ цѣль.

Въ этомъ-то и заключается коренной недостатокъ, существеннѣйшій пробѣлъ въ нашей дѣятельности за послѣдніе два года. Имъ обусловливается и отсутствіе опредѣленной организаціи (опредѣленная организація предполагаетъ опредѣленную цѣль), отсутствіе общаго плана дѣйствій и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, недостатокъ предохранительныхъ мѣръ, смѣшеніе революціонныхъ функцій, совершенно произвольное распредѣленіе въ народѣ революціонныхъ силъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ, не преувеличивая можно сказать, что отъ него одного, главнымъ образомъ, зависѣли всѣ наши промахи, неудачи и ничтожность достигнутыхъ нами результатовъ.

Слѣдовательно, его-то намъ прежде всего и нужно

устранить. Пока мы не опредѣлимъ себѣ ясно, точно —*кому, зачѣмъ именно* и *для чего* нужно идти въ народъ, пока мы не выдвинемъ снова на первый планъ основную цѣль всякой революціонной дѣятельности и не станемъ смотрѣть на агитацію и пропаганду лишь какъ на *одно* изъ *средствъ*, ведущихъ къ осуществленію этой цѣли, до тѣхъ поръ мы вѣчно будемъ биться, какъ бѣлка въ колесѣ, до тѣхъ поръ мы никогда не выйдемъ изъ незавидной роли „лебеди, рака и щуки," запряженныхъ въ одинъ возъ.

Довольно уже всякихъ пробныхъ экскурсій, приглядываній, нравоучительныхъ внушеній, пропагандистическихъ экспериментовъ; пора, пора приняться за настоящее дѣло. Нужно дорожить каждою минутою: время не терпитъ и его у насъ не много. Зачѣмъ мы будетъ растрачивать его съ безпечностью мота? И на что?...

Вѣдь объ насъ нельзя даже сказать, что бы мы занимались непосредственно *подготовленіемъ революціи*, нѣтъ, то что мы дѣлали, это было какое-то *подготовленіе къ подготовленію подготовленія революціи!* Говоря по просту, толченіе воды въ ступѣ.

Упорствовать въ этомъ толченіи воды. въ этомъ „подготовленіи подготовленія," это не только малодушно и пошло, это преступно.

Мы ни на минуту не можемъ забывать, что наша непосредственная цѣль—революція, революція не въ отдаленномъ будущемъ, не „*когда нибудь*" а именно *теперь*, въ ближайшемъ къ намъ настоящемъ. Мы

не должны забывать, что уклоняясь отъ этой цѣли, допуская различныя отсрочки и проволочки, мы становимся предателями нашего народа. „Кровь его падаетъ на насъ и на дѣтей нашихъ!“ Наши собственныя дѣти проклянутъ насъ, проклянутъ какъ измѣнниковъ народнаго дѣла, какъ отступниковъ отъ своихъ принциповъ, какъ сознательныхъ пособниковъ и соучастниковъ народныхъ палачей.

И они будутъ правы, сто разъ правы!

Теперь мы держимъ въ рукахъ судьбу русской исторіи. Мы *можемъ* ее измѣнить, если только *захотимъ*. А чтобы *захотѣть*, намъ нужно имѣть немножко энергіи, немножко смѣлости и какъ можно больше согласія и единства въ дѣйствіяхъ.

Въ смѣлости и энергіи у насъ, конечно, недостатка не будетъ. Но хватитъ ли у насъ согласія, въ состояніи ли мы будемъ неуклонно держаться одной какой нибудь програмы? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ наше будущее,—будущее семидесяти милліоновъ страдающаго, порабощеннаго народа,— будущее нашей несчастной родины.

Наша недавняя практика, какъ мы видѣли, достаточно ясно показываетъ намъ, въ чемъ именно заключается наша слабость,—наша, если можно такъ выразиться, революціонная импотенція. Чтобы вылечиться отъ нея, мы должны обратить теперь все наше вниманіе на то, о чемъ мы почти забыли—на опредѣленіе и выясненіе *кратчайшаго* пути къ осуществленію насильственнаго переворота. И, разъ этотъ путь выясненъ и опредѣленъ, онъ долженъ сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ истинныхъ револю-

ціонеровъ, искренне любящихъ народъ, самоотверженно преданныхъ идеѣ,—для революціонеровъ *дѣла,* а не *слова.*

Постараемся же его найти. Иными словами, постараемся прямо и откровенно разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ можемъ мы всего скорѣе сдѣлать революцію, каковы должны быть теперь наши отношенія къ народу, обществу и существуюшему государству.

Этимъ мы и займемся въ слѣдующій разъ.

НАШИ ИЛЛЮЗІИ*)

Для того, чтобы опредѣлить *кратчайшій путь*, ведущій къ осуществленію у насъ, въ Россіи, соціальной революціи, намъ нужно, прежде всего, отрѣшиться отъ всякихъ иллюзій, залѣпляющихъ наши глаза, мѣшающихъ намъ трезво взглянуть на окружающую насъ дѣйствительность,—намъ нужно отрѣшиться отъ всякихъ метафизическихъ фантазій и стать на твердую почву реализма.

Иллюзіи насъ разслабляютъ, парализируютъ нашу дѣятельность. Пора отъ нихъ избавиться, пора показать нашимъ врагамъ, что мы не мечтатели-утописты, что мы хорошо понимаемъ тѣ препятствія, съ которыми намъ придется бороться, что мы не обманываемъ собя на счетъ дѣйствительнаго значенія нашихъ силъ и средствъ.

Да и зачѣмъ намъ самообольщаться? Зачѣмъ, напр., намъ воображать, будто насъ очень много, будто работа кипитъ во всѣхъ углахъ, будто мы — какая-то вездѣсущая сила, — сила не потому только, что враги наши черезъ чуръ безсильны, нѣтъ, сила сама по себѣ and sich und für sich,—какъ говорятъ нѣмцы. Вѣдь всякій изъ насъ, кто сталкивался съ дѣйствительностью, въ глубинѣ души

*) „Набатъ,“ январь и февраль 1876 г.

своей очень хорошо сознаетъ, что это неправда. И тѣмъ не менѣе, почти всѣ мы невольно поддаемся нами же самими созданной иллюзіи и такимъ образомъ сами себя еще болѣе обезсиливаемъ. Вѣря въ свою многочисленность и кичась этою многочисленностью, мы даемъ въ руки правительству страшное оружіе, — оружіе противъ насъ же самихъ. Власть, болѣе хитрая, чѣмъ мы, искусно пользуясь нашею кичливостью, запугиваетъ нами общество и съ каждымъ днемъ усиливаетъ свой гнетъ. Но, это еще не самое главное, хуже всего то, что мы, ослѣпленные этою иллюзіею, относимся съ какою-то дѣтскою безпечностью къ самому насущному для насъ въ настоящее время вопросу — къ вопросу объ организаціи. Вмѣсто того, чтобы сплотиться какъ можно тѣснѣе, составить одно неразрывное цѣлое, дѣйствующее, *какъ одинъ человѣкъ*, по одному общему плану, подъ однимъ общимъ руководствомъ, — мы разбиваемся на отдѣльные кружки, мы изолируемся другъ отъ друга, — мы играемъ въ „партіи,“ мы фантазируемъ на счетъ какихъ-то „естественныхъ группъ“ и, съ наивною вѣрою младенцевъ, предоставляемъ *времени, естественному ходу вещей* и т. п. метафизическимъ сущностямъ — объединить разрозненные, автономные кружки въ какой-то, опять таки, *естественный*, федеративный союзъ.

„Насъ много, успокоиваемъ мы себя, подождемъ, организація устроится сама собою, вытекая изъ общихъ потребностей „естественныхъ группъ.“ Эти *естественныя группы*, эта, *естественному ходу вещей* предоставленная, *естественная* организація

— все это тоже наши иллюзіи; но мы будемъ говорить о нихъ въ другой разъ. Здѣсь же мы замѣтимъ только, что пока мы ждемъ и откладываемъ — время все идетъ да идетъ, аресты и преслѣдованіе вырываютъ бойца за бойцомъ изъ нашихъ рядовъ, — наша дѣятельность постоянно прерывается и останавливается, — и съ каждымъ днемъ мы становимся все слабѣе и слабѣе... Когда же, наконецъ, мы поймемъ, что идти далѣе по этому пути вѣчныхъ откладываній и благочестивыхъ упованій на будущее невозможно, если мы нехотимъ безвозвратно погубить и себя и наше дѣло? Когда же мы поймемъ, что только всеобъединяющая, дисциплинированная, тѣсно сплоченная организація можетъ дать намъ дѣйствительную силу, — что только она одна можетъ, до извѣстной степени, компенсировать нашу малочисленность? Когда же мы поймемъ, что мы не имѣемъ права игнорировать ни единою революціонною силою, что каждая сила, какъ бы ничтожною она намъ не казалась, должна быть пріурочена къ общему дѣлу, введена въ рамки общей дѣятельности? Когда же мы поймемъ, что раздробляться на „партіи" нетолько смѣшно, но и преступно?

Когда? — Да тогда, когда изъ нашихъ головъ вывѣтрится иллюзія, будто насъ много; когда мы сознаемъ, наконецъ, что насъ немного, что мы — ничтожное меньшинство въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ неизбѣжно должна будетъ явиться потребность какъ можно тѣснѣе всѣмъ сплотиться, объединиться. А разъ у

насъ заговоритъ. эта потребность — исчезнетъ и другая наша иллюзія — иллюзія, будто насъ, революціонеровъ, раздѣляютъ какіе-то партіозные барьеры. Мы не замедлимъ убѣдиться, что барьеры эти не болѣе какъ грязныя онучи, развѣшенныя на гнилыхъ подпорахъ, онучи, выуженныя изъ помойной ямы метафизики и буржуазной софистики. Надъ этими онучами можно и даже должно смѣяться, ихъ не нужно щадить, ихъ вонь, грязь, ихъ безчисленныя прорѣхи нѣтъ надобности скрывать; но смотрѣть на нихъ, какъ на серьезныя препятствія къ объединенію всѣхъ русскихъ революціонеровъ въ одно неразрывное цѣлое, это значитъ: принимать фикцію за нѣчто реальное, иллюзію за дѣйствительность, ветхія онучи за гранитъ.

Прочь фикціи, долой иллюзіи!

Однако, тѣ иллюзіи, о которыхъ мы только что говорили, все таки не самыя опасныя. Есть другія —несравненно болѣе вредоносныя и — при томъ отрѣшиться отъ нихъ гораздо труднѣе, чѣмъ отъ первыхъ. Тѣ не выдерживаютъ даже самаго поверхностнаго анализа; эти же, напротивъ, при поверхностномъ анализѣ, только выигрываютъ въ силѣ и основательности. Въ нихъ есть нѣкоторая доля правды; эта-то правда и бросается въ глаза; она подкупаетъ въ пользу иллюзію и маскируетъ ея лживость.

Мы говоримъ здѣсь объ иллюзіяхъ, сложившихся у нашей революціонной молодежи относительно народа, относительно его, такъ сказать, *революціонной правоспособности*.

И странное дѣло! значительная часть такъ называемыхъ анархистовъ сходится въ этомъ случаѣ... съ кѣмъ бы вы думали? Съ особами царствующаго дома. Да, и тѣ, и другіе ободряютъ и успокоиваютъ себя одними и тѣми же иллюзіями; и тѣ и другіе искренне вѣрятъ, что они знаютъ народъ и что народъ держитъ ихъ сторону, что въ немъ *теперь* ихъ сила, что она та гранитная скала, за которою они всегда могутъ укрыться*). На этой вѣрѣ они основываютъ свои консервативныя и революціонныя программы. Пускай цари и ихъ птенцы убаюкиваютъ себя подобною иллюзіею: рано или поздно, она ихъ погубитъ. Но зачѣмъ же намъ подражать имъ? Вѣдь и для насъ она можетъ быть такъ же гибельна, какъ и для нихъ. Пускай нашъ врагъ строитъ на пескѣ свои укрѣпленія; мы же должны выбирать почву болѣе твердую, болѣе устойчивую. Пускай онъ, мѣшая фальшь съ истиною, отдается соблазнительнымъ мечтамъ о своемъ

*) Enfant terrible царствующаго дома, лишенный разсудка „по высочайшему повелѣнію,“ этотъ нѣжный Ромео, облеченный въ грубую шкуру гвардейскаго кутилы и страдающій вдобавокъ клептоманіею, въ одномъ изъ писемъ къ своей милой Джульетѣ, описывая дѣлаемые ему по дорогѣ въ Ташкентъ восторженные пріемы, говоритъ, между прочимъ: „только видя все это собственными глазами, можно понять могущество русскаго императора... я говорю здѣсь, разумѣется, только о народѣ; другіе всѣ лицемѣрятъ..... Вотъ тайна нашей силы... Ну, господа дворяне, протестуйте, бранитесь, сколько вашей душѣ угодно: добиться чего нибудь вы можете лишь цѣною интригъ и преступленій! Конечно, по вашимъ барскимъ салонамъ нельзя составить себѣ понятія о тѣхъ чувствахъ, которыя питаетъ Россія къ царю — для этого надо знать народъ!...“

Не говорятъ ли наши пропагандисты того же самаго, замѣняя, разумѣется, особу царя своею собственною?

мнимомъ могуществѣ. Намъ это не пристало. Мы должны, какъ можно скорѣе, отдѣлить правду отъ лжи и, ни минуты не колеблясь, выбросить ложь изъ нашего міросозерцанія. Мы должны это сдѣлать во что бы то ни стало. Мы должны это сдѣлать, хотя бы намъ пришлось отказаться отъ самыхъ сладкихъ нашихъ упованій, отъ самыхъ свѣтлыхъ и дорогихъ надеждъ. Конечно, отдѣляя въ нашей иллюзіи ложь отъ правды, мы разобьемъ ее въ дребезги, но тѣмъ лучше: потому что она-то именно и мѣшаетъ намъ стать на тотъ единственный путь, который *скорѣе* всего можетъ привести насъ къ осуществленію соціальной революціи.

Разберемъ же, прежде всего, въ чемъ заключается *правда* этой иллюзіи? Построена ли она на какихъ нибудь реальныхъ фактахъ и каковы эти факты?

Въ основѣ ея дѣйствительно лежитъ фактъ безусловно истинный, фактъ неопровержимый*). Данный общественный строй въ высшей степени невыгоденъ для большинства народа; онъ причиняетъ ему невыносимыя страданія, — онъ давитъ, мучитъ, терзаетъ его. Отсюда само собою слѣдуетъ, что народъ можетъ относиться къ нему лишь съ чувствомъ горечи, озлобленія.

Недовольство существующимъ порядкомъ дѣлаетъ

*) Если бы мы захотѣли анализировать *царскія* иллюзіи на счетъ народа, то мы точно также безъ труда могли бы убѣдиться, что и онѣ опираются на нѣкоторые вполнѣ реальные факты. Бѣда только въ томъ, что факты эти черезъ чуръ утрируются и что изъ нихъ выводятъ совершенно ложныя абсолютно-нелѣпыя заключенія.

народъ всегда *готовымъ* къ революціи. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ полное право сказать, что угнетенный, эксплуатируемый, лишенный всѣхъ человѣческихъ правъ народъ (а именно въ этомъ положеніи и находится русскій народъ), что такой народъ есть и всегда долженъ быть революціонеромъ, но революціонеромъ въ *возможности.*

Но при какихъ же условіяхъ эта *готовность* народа къ революціи, эта его *возможность* сдѣлаться революціонеромъ можетъ быть осуществлена въ дѣйствительности?

Народъ, въ массѣ, состоитъ, конечно, изъ *среднихъ* людей, слѣдовательно, нашъ вопросъ можетъ быть формулированъ нѣсколько общнѣе: при какихъ условіяхъ средній, обыкновенный человѣкъ рѣшается насильственно протестовать противъ гнетущихъ его условій жизни?

Нужно только немножко знать человѣческую природу, немножко помнить исторію и хоть сколько нибудь умѣть подмѣчать то, что ежедневно совершается передъ нашими глазами, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ безъ малѣйшаго затрудненія.

Средній человѣкъ рѣшается на открытый протестъ лишь при двухъ условіяхъ: 1) когда его страсти возбуждены до такой степени, что онъ уже перестаетъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ; когда онъ впадаетъ какъ бы въ пароксизмъ умоизступленія, дѣйствуетъ „очертя голову“; 2) когда онъ увѣренъ въ успѣхѣ или *безнаказанности* своего протеста.

Говорятъ, будто средній человѣкъ можетъ отва-

житься на насильственный протестъ еще при одномъ условіи, а именно, когда онъ вполнѣ хорошо *понимаетъ* всю скверностъ и безвыходность своего положенія, когда онъ *сознаетъ* необходимость такъ или иначе выйти изъ него.

Но мы думаемъ, что это мнѣніе ошибочно. Правда, *пониманіе* и *сознаніе* нерѣдко возбуждаютъ людей къ великимъ, героическимъ подвигамъ, нерѣдко служатъ руководящимъ импульсомъ всей ихъ практической дѣятельности. Но какихъ людей? Людей, стоящихъ на очень высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія; людей, привыкшихъ жить умственною жизнью, привыкшихъ сообразовать всѣ свои поступки съ чисто интеллектуальными мотивами. Очевидно, „средній человѣкъ“ не принадлежитъ къ числу такихъ людей. Средній человѣкъ можетъ прекрасно понимать, что положеніе его скверно, и все таки онъ не почувствуетъ потребности выйти изъ него во что бы то ни стало.

Постоянно ругая и себя, и свою обстановку, онъ тѣмъ не менѣе весьма спокойно будетъ уживаться съ нею.

Нужно совершенно не знать ни людей, ни жизни, чтобы отрицать этотъ фактъ.

И такъ, есть только два средства вызвать „средняго человѣка“ на насильственный протестъ: нужно или возбудить его страсти до такой степени, чтобы онѣ безусловно надъ нимъ господствовали, или вызвать въ немъ увѣренность въ успѣхѣ протеста, вызвать въ немъ чувство безнаказанности. Но у средняго человѣка и страсти *среднія*. Взбудоражить

ихъ очень трудно, и еще труднѣе довести ихъ до необходимой степени напряженія.

Средній человѣкъ — вообше человѣкъ безстрастный. Это въ особенности справедливо относительно *русскаго* средняго человѣка, т. е. русскаго народа. Вѣковое рабство, вѣковой гнетъ пріучили его къ терпѣнію и безсловесному послушанію; развили въ немъ рабскіе инстинкты: скрытность, лицемѣріе, приниженность, умѣнье хорошо владѣть своими чувствами; физически и нравственно растлили и обезсилили его, атрофировали его энергію. Онъ флегматикъ по преимуществу. На его страсти нельзя возлагать никакихъ надеждъ. Самые вопіющіе факты, самыя возмутительныя насилія не въ состояніи расшевелить его притупленные нервы, не въ состояніи вызвать его изъ стоической пассивности, съ которою онъ сросся, какъ улитка съ раковиною.

Нечего и говорить, что при такихъ его психическихъ свойствахъ вызвать въ немъ увѣренность въ успѣхѣ протеста совершенно невозможно. При томъ же, вся его исторія, весь опытъ его жизни самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ доказываютъ ему, что, при данныхъ условіяхъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія не только надѣяться, но даже и мечтать объ успѣхѣ.

Значитъ, остается только одно: вызвать въ немъ чувство безнаказанности. Но при какихъ же условіяхъ возможно вызвать въ немъ это чувство?

Только при одномъ. Отведите штыкъ, вѣчно торчащій передъ его грудью; сломайте кнутъ, вѣчно висящій надъ его спиною; разожмите руки,

крѣпко сдавившія его горло. Когда онъ увидитъ, что та грозная власть, передъ которой онъ привыкъ трепетать и пресмыкаться, въ несокрушимую силу которой онъ привыкъ вѣрить, — что эта грозная власть поругана, разстроена, дезорганизована, обезсилена, — о, тогда ему нечего и некого будетъ бояться, и его скрытое недовольство, его подавленное озлобленіе съ неудержимою силою вырвется наружу...

Какой же выводъ должны мы отсюда сдѣлать?

Очевидно, мыслимъ только одинъ выводъ: *для того, чтобы превратить народъ изъ* **возможной** *революціонной силы въ* **дѣйствительную**, *изъ возможнаго революціонера въ реальнаго, мы (т. е. революціонное меньшинство), мы должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущій его политическій строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство.*

Да, только уничтоживъ *консервативное* государство, мы уничтожимъ народный *консерватизмъ*, мы выведемъ народъ изъ его рабской пассивности.

Это единственное средство; другого нѣтъ и быть не можетъ!

Если апріористическія доказательства для васъ недостаточно убѣдительны, обратитесь къ опыту исторіи. Прослѣдите всѣ чисто-народныя движенія, начиная отъ великаго возстанія рабовъ въ Римѣ и кончая парижскою коммуною, и вы увидите, что всѣ онѣ, *всѣ безъ исключенія*, имѣли мѣсто лишь тогда, когда въ высшихъ, правящихъ слояхъ обще-

ства царилъ хаосъ, безпорядокъ, безначаліе или многоначаліе; когда рука „власти предержащей" начинала дрожать и колебаться. Да, только тогда, когда тираны трепетали за свои головы, народъ рѣшался поднять свою; только тогда у него хватало духу открыто возстать противъ гнетущей его соціальной системы.

Поразмыслите-ка надъ этимъ историческимъ фактомъ, и вы сами устыдитесь своихъ иллюзій. Вы сами поймете, какъ нелѣпо, какъ ребячески-глупо съ вашей стороны мечтать, будто мы — ничтожная горсточка революціонеровъ — можемъ поднять народъ, и въ особенности русскій народъ, одною силою *нашего* слова, —*нашею* пропагандою, *нашею* агитаціею.

Довольно намъ быть дѣтьми! пора перестать разъигрывать изъ себя Донъ-Кихотовъ! Пора взяться за умъ!

Однако, тутъ еще не конецъ нашимъ иллюзіямъ на счетъ народа. Мы не только воображаемъ, что народъ *самъ* можетъ начать соціальную революцію; мы вѣримъ даже, что онъ *самъ* въ состояніи и осуществить ее. Но... объ этой иллюзіи въ слѣдующій разъ.

НАРОДЪ И РЕВОЛЮЦІЯ *)

Мы говорили въ прошлый разъ, при какихъ условіяхъ народъ нашъ можетъ превратиться изъ *возможной* революціонной силы въ *дѣйствительную*, изъ *возможнаго* революціонера — въ революціонера *реальнаго*. Теперь является другой вопросъ, не менѣе существенный: какъ велика можетъ быть въ данное время эта дѣйствительная революціонная сила народа? Имѣемъ ли мы право возлагать на нее через чуръ большія надежды и упованія? Въ состояніи ли она, предоставленная сама себѣ, осуществить основные принципы соціальной революціи?

Отвѣты на эти вопросы должны опредѣлить, съ одной стороны, степень *возможнаго*, *желательнаго* участія народа въ революціи, съ другой—ту роль, которую будетъ обязано играть въ ней революціонное меньшинство.

Само собою понятно, что чѣмъ менѣе существуетъ въ народѣ революціонныхъ элементовъ, чѣмъ ничтожнѣе размѣры его революціонной силы, тѣмъ незначительнѣе должна быть его роль въ дѣлѣ осуществленія „соціальнаго переворота" и тѣмъ большимъ значеніемъ, тѣмъ большею властью и вліяніемъ дол-

*) Набатъ № 4, 1876 г.

жно пользоваться революціонное меньшинство. Точно также и наоборотъ: участіе народа въ революціи должно быть тѣмъ больше, чѣмъ большее количество революціонныхъ элементовъ онъ въ себѣ содержитъ.

Эта истина такъ же безспорна и очевидна, какъ и то, что дважды два четыре.

Чѣмъ же опредѣляется вообще революціонная сила той или другой общественной среды?

Она опредѣляется, главнымъ образомъ, двумя данными: съ одной стороны,—характеромъ идеаловъ этой среды, съ другой—ея отношеніями къ окружающей ее дѣйствительности.

Эти идеалы могутъ быть или *консервативны* (если они стремятся къ сохраненію всѣхъ или нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ изъ данныхъ формъ исторически сложившагося общежитія) или *революціонны* (если они стремятся къ устраненію, къ пересозданію этихъ формъ); эти отношенія могутъ быть или враждебны, или миролюбивы.

Каковы же общественные идеалы нашего народа? каковы его отношенія къ окружающей его дѣйствительности?

Его общественный идеалъ—самоуправляющаяся община, подчиненіе лица міру, право частнаго пользованія, но отнюдь не частнаго владѣнія землею, круговая порука, братская солидарность всѣхъ членовъ общины,—одцимъ словомъ, идеалъ съ ясно выраженнымъ коммунистическимъ оттѣнкомъ. *) Конс-

*) Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи общиннаго землевладѣнія уже не существуетъ,—однако и тамъ народ-

чно, отъ формъ жизни, обусловливающихъ этотъ идеалъ, еще очень далеко до полнаго коммунизма; коммунизмъ кроется въ нихъ, такъ сказать, въ зернѣ, въ зародышѣ. Это зерно можетъ разростись, но можетъ и заглохнуть,—все зависитъ отъ того, въ какомъ направленіи будетъ развиваться наша экономическая жизнь. Если она будетъ развиваться въ томъ направленіи, въ какомъ она развивается теперь, —въ направленіи буржуазнаго прогресса,—то нѣтъ сомнѣнія, что нашу общину (а слѣдовательно и наши народные идеалы) постигнетъ судьба западно-европейской общины: она погибнетъ, какъ погибла община въ Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи и Франціи. Но если революція поставитъ во время плотину быстро несущимся волнамъ буржуазнаго прогресса, если она остановитъ его теченіе и дастъ ему другое, совершенно противуположное направленіе, тогда, нѣтъ сомнѣнія, при благопріятномъ уходѣ, наша теперешняя община обратится, мало по малу, въ общину-коммуну.

Въ настоящее же время она стоитъ, такъ сказать, па перепутьи двухъ дорогъ: одна ведетъ къ царству коммунизма, другая—къ царству индивидуализма: куда толкнетъ ее жизнь—туда она и пойдетъ. Если же жизнь не толкнетъ ее ни въ ту, ни въ другую сторону, она такъ, навѣки, и останется на перепутьи. Въ ней самой нѣтъ ничего такого, что бы могло двинуть ее впередъ или назадъ; всѣ ея элементы

ный идеалъ ни вполнѣ еще утратилъ свой коммунистическій характеръ,—и тамъ въ народномъ сознаніи личное *я*, единичная воля стушевываются и теряются передъ представленіемъ о мірѣ, о громадѣ.

находятся въ устойчивомъ равновѣсіи. Вотъ почему она почти ни на волосъ не измѣнилась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, вотъ почему, она предоставленная самой себѣ, можетъ просуществовать in statu quo еще тысячи, милліоны лѣтъ *).

Каковы формы общежитія—таковы и идеалы, порождаемые ими. Если первыя консервативны, если въ нихъ не содержится никакого внутренняго стимула къ дальнѣйшему развитію, то точно такимъ же консервативнымъ характеромъ запечатлѣны будутъ и послѣдніе.

И дѣйствительно, общественный идеалъ нашего народа не идетъ далѣе окаменѣлыхъ формъ его быта. Дальше своей вѣками освѣщенной, обычной формы землевладѣнія, въѣвшагося въ плоть и кровь патріархальнаго чинопочитанія, пассивнаго подчиненія лица міру — дальше своихъ традиціонныхъ семейныхъ отношеній и т. п. онъ ничего не видитъ, ничего не знаетъ и знать ничего не хочетъ. Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной волѣ и вы увидите, что онъ не внесетъ въ нее ничего новаго,—онъ распространитъ формы своей жизни, свою общину, свой міръ, свою семью на тѣ

*) Дѣйствительно, изслѣдованія Мэна, Маурера, Левелэ и др. вполнѣ доказали ту истину, что подобная община представляетъ одну изъ самыхъ консервативныхъ, самыхъ устойчивыхъ формъ общежитія. Она способна пріурочиваться къ всевозможнымъ политическимъ переворотамъ. На островѣ Явѣ, на Алеутскихъ островахъ, у Индѣйцевъ Ориноко, у Авгановъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи она существуетъ, напр., безо всякихъ измѣненій съ незапамятныхъ временъ. Очевидно, въ ней самой не содержится никакого стимула къ прогрессу, къ развитію, этотъ стимулъ долженъ быть данъ ей извнѣ.

сферы, изъ которыхъ они теперь вытѣснены вліяніемъ буржуазнаго прогресса, но этимъ и ограничится его реформаторская дѣятельность, и передъ нами явится тотъ же старый крестьянскій міръ съ его закорузлыми, окаменѣвшими устоями, съ его неподвижнымъ консерватизмомъ.

Итакъ, положительные идеалы нашего крестьянства еще не революціонны; они не могутъ быть идеалами революціи. Самое полное и безпрепятственное примѣненіе ихъ къ жизни очень мало пододвинетъ насъ къ конечной цѣли соціальной революціи—къ торжеству коммунизма.

Для того, чтобы приблизиться къ этой цѣли, чтобы приготовить почву для коммунизма, мы должны внести новые элементы, новые факторы въ исторически-сложившійся строй народной общины, — такіе элементы, такіе факторы, которые вывели бы ее изъ ея устойчиваго равновѣсія, сдвинули бы ее съ ея насиженнаго мѣста, толкнули бы ее на дорогу коммунистическаго развитія. Но представленія объ этихъ новыхъ элементахъ, новыхъ факторахъ мы тщетно стали бы искать въ народномъ идеалѣ; онъ еще ихъ не знаетъ; они еще ему чужды; они присущи лишь соціалистическому міросозерцанію революціоннаго меньшинства. Вотъ почему идеалъ этого меньшинства, какъ болѣе широкій и болѣе революціонный, чѣмъ народный идеалъ, и долженъ во время революціи господствовать надъ послѣднимъ. Народъ безъ руководителей не въ состояніи построить на развалинахъ стараго міра такой новый міръ, который былъ бы способенъ прогрессировать, развиваться въ на-

правленіи коммунистическаго идеала. Эта роль и это значеніе принадлежать исключительно революціонному меньшинству.

Но если народъ не имѣетъ существеннаго значенія, какъ *положительная* революціонная сила (т. е. съ точки зрѣнія его положительныхъ идеаловъ), то может быть, онъ имѣетъ значеніе какъ сила отрицательная, революціонно-разрушительная?

Дѣйствительно, народъ нашъ исконный врагъ помѣщиковъ и властей. И тѣ и другіе грабятъ его, эксплуатируютъ, выжимаютъ изъ него лучшіе соки... и тѣхъ и другихъ онъ глубоко ненавидитъ... Дайте возможность этой ненависти свободно проявиться наружу — и онъ однимъ могучимъ порывомъ уничтожитъ теперешнихъ защитниковъ и охранителей даннаго status quo,—онъ возвратитъ себѣ отнятую у него землю, онъ разрушитъ все, что до сихъ поръ давило и гнетло его міръ, его общину, онъ жестоко отомститъ своимъ врагамъ.

Разрушивъ учрежденія, чуждыя, враждебныя привычнымъ ему формамъ общежитія, уничтоживъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ враговъ, захвативъ въ свои руки ихъ достояніе, онъ, болѣе свободный, болѣе довольный, болѣе обезпеченный, возвратится въ свою „святую святыхъ,“—въ свой „міръ“ въ свою общину, къ своей семьѣ. Его внутренній міръ, обветшалыя, традиціонныя формы его жизни останутся нетронутыми, онъ любитъ ихъ, онъ дорожитъ ими и онъ не прикоснется къ нимъ ни единымъ пальцемъ.

Такимъ образомъ даже и въ дѣлѣ разрушенія

революціонная сила нашего народа можетъ имѣть лишь относительное значеніе. Опираясь на нее, пользуясь ею, революціонное меньшинство уничтожитъ непосредственныхъ враговъ революціи и устранитъ первоначальныя препятствія, мѣшающія практическому осуществленію соціально-революціонныхъ идеаловъ. Но оно не можетъ на этомъ и успокоиться. Оно должно внести свою разрушительно-революціонную дѣятельность и въ нѣдра крестьянской жизни, —оно должно стремиться устранить изъ этой жизни ея обветшалыя, враждебныя коммунистическому прогрессу, формы, замѣняя ихъ формами наиболѣе приспособленными къ потребностямъ этого прогресса.

Но вотъ именно для того, чтобы имѣть возможность продолжать свою разрушительно-революціонную дѣятельность и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ она едва ли можетъ разсчитывать на живую поддержку и содѣйствіе большинства народа,—для этого-то революціонное меньшинство и должно обладать силою, властью и авторитетомъ. И чѣмъ больше будетъ эта сила, чѣмъ тверже и энергичнѣе будетъ эта власть, тѣмъ скорѣе, тѣмъ полнѣе и всестороннѣе осуществятся въ жизни идеи соціальной революціи и тѣмъ легче будетъ избѣжать столкновенія съ консервативными элементами народа.

Итакъ, отношеніе революціоннаго меньшинства къ народу и участіе послѣдняго въ революціи можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: революціонное меньшинство, освободивъ народъ изъ подъ ига гнетущаго его страха и ужаса передъ властью предержащею,—открываетъ ему возможность проя-

вить свою разрушительно-революціонную силу и, опираяся на эту силу, искусно направляя ее къ уничтоженію непосредственныхъ враговъ революціи, она разрушаетъ охраняющія ихъ твердыни и лишаетъ ихъ всякихъ средствъ къ сопротивленію и противудѣйствію. Затѣмъ, пользуясь своею силою и своимъ авторитетомъ, оно вноситъ новые прогрессивно-коммунистическіе элементы въ условія народной жизни.

Въ своей реформаторской дѣятельности революціонное меньшинство не должно разсчитывать на *активную* поддержку народа.

Революціонная роль послѣдняго кончается съ той минуты, когда онъ разрушитъ непосредственно гнетущія его учрежденія, уничтожитъ своихъ непосредственныхъ тирановъ-эксплуататоровъ.

Но такъ какъ, съ одной стороны, осуществленіе революціонныхъ идеаловъ не будетъ находиться въ противурѣчіи съ его насущными, реальными потребностями, а съ другой стороны—реформы, вводимыя меньшинствомъ, будутъ проникнуты тѣмъ же духомъ общинной солидарности, какимъ проникнутъ и весь строй народной жизни,—то нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы народъ отказалъ революціонерамъ въ своей *пассивной* поддержкѣ. Напротивъ, они имѣютъ полное право разсчитывать на нее: вѣдь ихъ революціонный идеалъ въ общихъ своихъ чертахъ есть тотъ же консервативный идеалъ народа, только полнѣе и всестороннѣе развитый въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи.

Слѣдовательно, проводя его въ жизнь, они будутъ мочь до извѣстной степени опираться на *консерва-*

тивную силу народа, какъ прежде они опирались на его *силу революцiонную*.

Такимъ образомъ, *революцiонное меньшинство, пользуясь разрушительно-революцiонною силою народа, уничтожитъ враговъ революцiи и, основываясь на общемъ духѣ положительнаго народнаго идеала, (т. е. на консервативныхъ силахъ народа) положитъ основанiе новому разумному порядку общежитiя.*

Вотъ общая формула, опредѣляющая относительную роль и участiе въ революцiи тѣхъ двухъ факторовъ, отъ совмѣстной дѣятельности которыхъ зависитъ ея успѣхъ. Формула эта съ логическою неизбѣжностью вытекаетъ изъ сдѣланной нами оцѣнки характера и объема дѣйствительной революцiонной силы, заключающейся въ *настоящее время* въ нашемъ народѣ.

Кто согласенъ съ этой оцѣнкой—для того обязательна и наша формула. А кто же не согласится съ нами, что разрушительно-революцiонная сила народа можетъ имѣть значенiе лишь для явленiй и фактовъ общественной жизни, стоящихъ внѣ сферы внутренняго крестьянскаго быта, внѣ сферы его патрiархально-общинныхъ отношенiй, — что самый этотъ „внутреннiй бытъ,“ что эти „патрiархально-общинныя“ отношенiя представляются народу чѣмъ-то священнымъ и неприкосновеннымъ? Кто не согласится съ нами, что исторически выработавшiяся формы народной жизни отличаются крайнею устойчивостью, неподвижностью и что, слѣдовательно, такимъ же свойствомъ долженъ отличаться и общественный иде-

алъ народа? Но согласиться съ этими двумя положеніями—значитъ согласиться и съ выведеннымъ изъ нихъ заключеніемъ объ общемъ характерѣ дѣйствительной революціонной силы народа.

Признавая же это заключеніе,—мы должны быть послѣдовательны. Мы не должны сами передъ собой лгать и лицемѣрить; мы должны прямо, не жмурясь и не конфузясь, взглянуть въ глаза грубой дѣйствительности.

Мы должны навсегда вычеркнуть изъ своего словаря пошлыя и безсмысленныя фразы о какомъ-то *народномъ геніи*, фразы, взятыя нами на прокатъ у реакціонеровъ-славянофиловъ. Мы не должны, мы не имѣемъ права возлагать на народъ черезъ чуръ большихъ надеждъ и упованій. Нечего говорить глупости, будто народъ, „предоставленный самому себѣ," можетъ осуществить соціальную революцію, можетъ самъ наилучшимъ образомъ устроить свою судьбу... Народъ—необходимый факторъ соціальной революціи... но только тогда, когда революціонное меньшинство возьметъ въ свои руки дѣло этой революціи, когда оно постоянно будетъ направлять и руководить, какъ революціонными, такъ и консервативными силами народа. Мы не должны этого скрывать. Истины не слѣдуетъ бояться. Только трусамъ свойственно льстить и вилять передъ ими же самими созданными кумирами. У насъ нѣтъ и не должно быть кумировъ. Намъ не зачѣмъ колѣнопреклоняться предъ народомъ, возводить его на пьедесталъ. Напротивъ, чѣмъ строже мы будемъ относиться къ нему, чѣмъ откровеннѣе мы будемъ высказывать наше о

немъ мнѣніе, тѣмъ болѣе мы докажемъ ему свое къ нему уваженіе, свою къ нему любовь. Тотъ не уважаетъ народъ, кто льститъ ему. Тотъ не любитъ его, тому не дорого его счастіе, кто съ фарисейскимъ лицемѣріемъ увѣряетъ его, будто онъ только *самъ себя* можетъ спасти, кто сваливаетъ исключительно на одни его плечи великое дѣло соціальной революціи.

Освобожденіе народа посредствомъ народа—это таже теорія *народной самопомощи*, подъ громкими фразами которой буржуазные экономисты стараются скрыть свое безсердечное, свое эгоистическое отношеніе къ народнымъ страданіямъ, къ народному горю. Люди, близко принимающіе къ сердцу это горе и эти страданія,—честные, преданные революціонеры,—они должны не только *понимать*, они должны *чувствовать* всю ея лживость. Они должны знать, что миѳъ народной самопомощи изобрѣтенъ врагами народа для того, чтобы какъ можно дольше удержать народъ въ его теперешнемъ безпомощномъ положеніи. Потому всякій, кто признаетъ и пропагандируетъ этотъ миѳъ—врагъ народа, другъ и союзникъ (сознательный или безсознательный) его эксплуататоровъ и грабителей.

Народъ *не можетъ* себя спасти, народъ, самъ себѣ предоставленный, не можетъ устроить своей судьбы сообразно своимъ реальнымъ постребностямъ, не можетъ провести и осуществить въ жизни идеи соціальной революціи. Съ этимъ согласны даже и защитники миѳа народной свмопомощи; но при этомъ они лицемѣрно прибавляютъ, будто народъ лишь *въ*

настоящее время не можетъ ничего для себя сдѣлать, но что въ ближайшемъ будущемъ, когда онъ просвѣтится и поумнѣетъ, этой невозможности для него не будетъ существовать.

Ложь, наглая, возмутительная ложь! Пока народъ будетъ находиться въ тѣхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, въ какихъ онъ находится теперь,—ни его идеалы, ни его отношенія къ окружающей его средѣ измѣниться не могутъ, слѣдовательно и въ будущемъ онъ останется на столько же безпомощнымъ, на сколько онъ безпомощенъ въ настоящемъ.

Потому людей, которые возлагають на фантастическое будущее какія бы то ни было надежды, которые ради его готовы откладывать дѣло революціи въ долгій ящикъ и проповѣдывать необходимость *выжиданія и терпѣнія*,—такихъ людей мы должны считать или лицемѣрными шарлатанами, замаскированными врагами народа, или же просто наивными дураками, вѣрующими въ чудеса.

Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ народъ, самъ себѣ предоставленный, не въ силахъ осуществить соціальную революцію. Только мы, революціонное меньшинство, можемъ это сдѣлать и мы *должны* это сдѣлать какъ можно скорѣе!

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ-РЕАКЦІОНЕРЫ

Возможна ли соціальная революція въ Россіи въ настоящее время, иными словами, имѣется ли въ современномъ русскомъ обществѣ такое количество революціонныхъ факторовъ, при наличности которыхъ становится возможнымъ ея практическое осуществленіе, — это самый насущный вопросъ для русской молодежи, не только для молодежи, но для всѣхъ честныхъ и мыслящихъ людей въ Россіи. Отъ того или другого его рѣшенія долженъ зависѣть выборъ ихъ дѣятельности. Если онъ рѣшается въ смыслѣ утвердительномъ, — они должны становиться въ ряды революціонеровъ, если въ смыслѣ отрицательномъ, — они должны оставить всякую мысль о революціи въ ближайшемъ настоящемъ и заняться медленнымъ и постепеннымъ созданіемъ и подготовленіемъ въ нашемъ обществѣ достаточнаго количества революціонныхъ факторовъ, при посредствѣ которыхъ революція *когда нибудь* можетъ осуществиться, они должны стать, однимъ словомъ, въ ряды „подготовителей" соціальнаго переворота въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Для человѣка, разъ вступившаго въ ряды революціонеровъ, вопроса этого, разумѣется, не можетъ

существовать; революціонеръ, подвергающій сомнѣнію существованіе въ обществѣ революціонныхъ элементовъ — это то же, что попъ, невѣрующій въ бога, — это фарисей или шарлатанъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ вообще состоитъ дѣятельность революціонера? Въ такой комбинаціи данныхъ революціонныхъ элементовъ, благодаря которой становится возможнымъ непосредственно-практическое осуществленіе революціи. Но если элементовъ нѣтъ, то и революціонная дѣятельность не мыслима, а, слѣдовательно, не мыслимо и самое существованіе революціонера. Это очевидно для всякаго человѣка, умѣющаго мало мальски логически разсуждать.

Къ несчастію, у насъ, въ средѣ нашей революціонной молодежи, до такой степени перепутаны всѣ понятія, что даже эта совершенно очевидная истина для нихъ далеко не ясна. Со словомъ „революціонеръ" она соединяетъ, напримѣръ, такія разнообразныя и нерѣдко противорѣчивыя представленія, что людямъ, не посвященнымъ въ тайны ея своеобразной терминологіи, можно просто сбиться съ толку. Этою спутанностію и неопредѣленностію терминовъ обусловливается безъ сомнѣнія большая часть волнующихъ ее нескончаемыхъ споровъ и пререканій, въ нихъ — одна изъ главныхъ причинъ тѣхъ фантастическихъ *партій*, на которыя она себя подѣлила, въ нихъ же мы должны видѣть причину и другого не менѣе прискорбнаго явленія: допущенія въ свою среду анти-революціонныхъ дѣятелей, — полнѣйшее смѣшеніе козлищъ съ овцами.

Всякая революціонная партія считаетъ и должна считать ренегатомъ и отступникомъ человѣка, который, принадлежа къ ней, въ то же время проповѣдуетъ невозможность и безполезность революціи въ настоящемъ, при данныхъ условіяхъ данной общественности; наша же революціонная партія не только не усматриваетъ въ подобной проповѣди никакого анахронизма, но, напротивъ, она, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ея, вполнѣ ей сочувствуетъ, и если бы нѣкоторые изъ ея членовъ стали поступать сообразно съ ея указаніями, т. е. если бы они явно и систематически *противодѣйствовали* осуществленію революціи въ настоящемъ, то и тогда ихъ бы все-таки продолжали называть революціонерами.

Это невѣроятно, а, между тѣмъ, это—фактъ.

Послѣ двухъ неудавшихся попытокъ осуществить революцію путемъ заговора, въ средѣ нашей революціонной молодежи начало проявляться нѣкоторое разочарованіе, скептическое, а подчасъ даже и прямо враждебное отношеніе къ практиковавшимся до тѣхъ поръ революціоннымъ средствамъ. Но такъ какъ средства эти, въ данный моментъ нашего общественнаго развитія, были единственно возможными, единственно практическими средствами немедленнаго осуществленія революціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что скептическое отношеніе къ нимъ логически привело къ скептицизму и относительно самой возможности революціи въ ближайшемъ настоящемъ. Этотъ скептицизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ реакціи, которая всегда слѣдуетъ за

неудачею. Скептики, представители реакціи, сначала только устранялись отъ непосредственно революціонной дѣятельности, затаивъ свой скептицизмъ въ глубинѣ души. Высказывать его открыто они еще не рѣшались. Они старались только, по возможности, парализировать дѣятельность революціонеровъ, оставшихся вѣрными старой традиціи. И это имъ удалось; скоро послѣдніе очутились въ меньшинствѣ. Тогда-то реакція гордо подняла голову и возвела свой скептицизмъ въ доктрину, — доктрину, которая въ настоящее время открыто пропагандируется среди молодежи, которая имѣетъ своихъ защитниковъ и сторонниковъ даже между людьми, пользующимися репутаціею честныхъ и преданныхъ революціонеровъ. Эти „честные и преданные" революціонеры, пропагандируя и отстаивая успокоительную *теорію выжиданія*, сами того не подозрѣвая и не желая, становятся пропагандистами реакціи и препятствуютъ успѣшному ходу революціоннаго дѣла, быть можетъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ реакціонеры сознательные.

„Въ настоящее время," поучаетъ эта революціонно-реакціонная доктрина, „революціонеры не имѣютъ еще никакихъ шансовъ произвести успѣшное возстаніе — и еще менѣе имѣютъ шансовъ, въ случаѣ успѣха, осуществить помощью его цѣли рабочаго соціализма. Ихъ организація не имѣетъ почти никакой вѣроятности просуществовать и не разлетѣться, какъ разлетѣлись всѣ организаціи ихъ предшественниковъ." Потому нечего и мечтать въ настоящее время о революціи. Она будетъ возможна

лишь тогда, когда самъ народъ приметъ участіе въ организаціи. Но теперь это не мыслимо: чтобы привлечь народъ къ революціонной организаціи, интеллигентная молодежь должна предварительно слиться съ народомъ. Она должна войти въ народную общину и артель, вести въ нихъ соціалистическую пропаганду и затѣмъ, когда эти общины и артели достаточно проникнутся идеями соціализма, убѣдить ихъ въ необходимости тѣсной взаимной организаціи. Разъ эта организація установилась, разъ она „на столько созрѣетъ и окрѣпнетъ, что случайности мѣстныхъ взрывовъ будутъ для нея не опасны и она будетъ мочь парализировать силы своихъ противниковъ, побѣда соціальной революціи станетъ *вѣроятною.*" Тогда-то, и только тогда, молодежь будетъ имѣть право призывать народъ къ революціи, тогда-то и только тогда она можетъ заниматься непосредственно революціонною дѣятельностью.

Такова сущность этой теоріи.

Ея скрытый смыслъ совершенно очевиденъ. „Бросьте пока всякія революціонныя затѣи, говоритъ она, у васъ подъ ногами нѣтъ никакой твердой почвы. Эту почву еще нужно создать. Вы, до извѣстной степени, можете содѣйствовать этому созданію. Содѣйствуйте; если вамъ это удастся — ну, тогда... тогда еще можно будетъ говорить о революціи." А можетъ ли это удаться и *когда* это можетъ удаться? — объ этомъ *теорія выжиданія* благоразумно умалчиваетъ. Скажи она, что проэктируемая ею почва можетъ сформироваться не рань-

ше, какъ лѣтъ черезъ сто, она мгновенно потеряла бы всякій кредитъ у молодежи. Въ дѣйствительности же — при данныхъ условіяхъ нашей экономической жизни — можетъ пройти не только сто лѣтъ, можетъ пройти тысяча лѣтъ, —и все таки никакой такой почвы не образуется.

Въ самомъ дѣлѣ, вникните-ка хорошенько, что подразумѣвается подъ этою *почвой?* Наши революціонеры-реакціонеры выражаются на этотъ счетъ весьма не двусмысленно. Подъ почвою они подразумѣваютъ организацію рабочихъ союзовъ, сельскихъ общинъ, фабричныхъ ремесленныхъ артелей въ болѣе или менѣе прочный федеративный союзъ, — всеобщую организацію рабочаго пролетаріата, и при томъ еще организацію *тайную*.

Но развѣ же это не утопія? Развѣ при данныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ Россіи мыслима подобная организація? Развѣ буржуазныя правительства, монархическія какъ республиканскія, допустятъ подобныя организаціи?

Напрасно наши революціонеры-реакціонеры ссылаются на русскую общину и артель, предвидя въ нихъ *зерно* будущей организаціи сельскихъ и городскихъ рабочихъ. Можетъ быть, при особомъ тепличномъ уходѣ за этимъ зерномъ изъ него и выросла бы подобная организація; но на уходъ этотъ можно было бы разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если бы власть находилась въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ соціалистовъ - революціонеровъ. Въ настоящее же время всѣ силы правящихъ, господствующихъ классовъ направлены лишь къ тому, чтобы

расчистить торную дорогу буржуазному прогрессу. Буржуазный же прогрессъ, повсюду вытѣсняя и уничтожая мелкое производство, неизбѣжно ведетъ къ упраздненію рабочихъ артелей; онъ уже и теперь постоянно ограничиваетъ сферу ихъ дѣятельности, лишаетъ ихъ всякаго raison d'êtr. Нужно быть крайне наивнымъ или крайне ограниченнымъ, чтобы воображать, будто „пропаганда“ или „агитація“ при существующемъ порядкѣ вещей можетъ поддержать и развить учрежденіе, которое ежеминутно теряетъ подъ собою экономическую почву, которое идетъ въ разрѣзъ съ потребностями и условіями буржуазнаго хозяйства, противорѣчитъ общему духу и направленію экономическаго прогресса.

То же можно сказать и объ нашей общинѣ. Теперь ни для кого не тайна, что въ высшихъ правящихъ и администрирующихъ сферахъ надъ нею уже произнесенъ смертный приговоръ. Смертный приговоръ уже начинаетъ приводиться въ исполненіе. Дворянство либерально-конституціонное и консервативно-охранительное, бюрократія, кулаки-міроѣды, однимъ словомъ, все, что живетъ разбоемъ, грабежемъ и эксплуатаціею, все, что питается плотью и кровью „мужика,“ — все вступило противъ нея въ заговоръ. Теперь не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать въ ближайшемъ будущемъ ея окончательное раззореніе и распаденіе, если только мы, революціонеры-соціалисты, не съумѣемъ во время остановить мирное теченіе буржуазнаго прогресса.

Исторія западно-европейскаго земледѣльческаго класса представляетъ намъ въ этомъ отношеніи весь-

ма поучительный урокъ. Нѣсколько сотенъ лѣтъ тому назадъ подобныя же общины существовали въ Англіи, онѣ существуютъ и до сихъ поръ въ современной Швейцаріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, и однако же, ни въ Англіи, ни въ Швейцаріи, ни въ Германіи онѣ не приводили и не приводятъ къ объединенію сельскихъ рабочихъ. Напротивъ, онѣ скорѣе препятствовали этому объединенію. Все это весьма понятно. Сельская община, въ томъ первобытномъ состояніи, въ какомъ она существуетъ у насъ, въ Россіи, въ Швейцаріи, въ Германіи, въ какомъ она существовала въ Англіи и другихъ частяхъ Европы, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе элементовъ для разъединенія, чѣмъ для объединенія. Она изолируетъ, обособляетъ мѣстные интересы; общинники, замкнутые въ ихъ тѣсномъ кругѣ, не видятъ никакой надобности, не чувствуютъ ни малѣйшей потребности вступать въ какія нибудь близкія сношенія съ сосѣдними общинами. Разнообразіе естественныхъ условій почвы, разнообразіе условій сбыта, однообразіе производства и относительная экономическая самостоятельность каждой общины благопріятствуютъ скорѣе развитію духа соперничества и конкуренціи, чѣмъ духа солидарности и братскаго единства.

Присоедините къ этимъ коренныхъ экономическимъ причинамъ разъединенія сельскихъ общинъ причины чисто мѣстныя, какъ то: обширность территоріи, трудность путей сообщенія, крайнюю ограниченность умственнаго и нравственнаго кругозора нашего крестьянства, отсутствіе всякой потребности

во взаимномъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, и вы безъ труда поймете, почему наша община никогда не представляла и никогда не можетъ представлять никакой твердой почвы ни для какихъ объединительно-организаторскихъ попытокъ.

Когда наша община лишена была всякой экономической самостоятельности, когда она задыхалась и изнывала подъ гнетомъ крѣпостнаго права, тогда еще возможно было, въ виду общаго гнета, объединить сельскихъ рабочихъ въ одну организацію. Но *теперь*—это чистая утопія. Мы говоримъ *теперь*, потому что пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и эта утопія перестанетъ быть утопіею. Когда буржуазный прогрессъ сдѣлаетъ свое дѣло, когда онъ разрушитъ нашу общину и поставитъ земледѣльческій трудъ въ условія, однородныя съ условіями труда фабричнаго, тогда и у насъ (какъ теперь въ Англіи) явится возможность организовать земледѣльческіе классы, но для этого нужно ожидать сотни лѣтъ, а можетъ и болѣе. Но пока буржуазный прогрессъ не пройдетъ того цикла развитія, который онъ, въ силу неизбѣжныхъ экономическихъ законовъ, долженъ пройти, чтобы уравнять условія фабричной и земледѣльческой промышленности, до тѣхъ поръ въ массахъ немыслима даже организація мирная, и единичныя усилія отдѣльныхъ личностей пересадить на русскую почву мирную организацію западно-европейскаго пролетаріата (о чемъ именно и мечтаютъ революціонеры-реакціонеры) никогда не приведутъ и не могутъ привести ни къ какому положительному результату; это будутъ попытки без-

смысленныя, химерическія, равносильныя безплодному толченію воды въ ступѣ.

Нужно быть человѣкомъ крайне невѣжественнымъ или сознательнымъ лицемѣромъ, чтобы не понять этой на столько же очевидной, на сколько и непреложной соціологической истины. И безъ сомнѣнія, всѣ сколько нибудь умные реакціонеры-революціонеры очень хорошо ее понимаютъ. Но это ихъ нисколько не смущаетъ. Ну что же? они подождутъ; терпѣнія имъ не занимать стать! Народное горе, народныя слезы— не ихъ горе, не ихъ слезы! Зачѣмъ же имъ компрометировать себя въ рискованныхъ предпріятіяхъ? Они хотятъ дѣйствовать только на вѣрняка. Теперь дѣйствовать на вѣрняка невозможно, мы всѣ революціонеры очень хорошо это понимаемъ, а они понимаютъ это еще лучше насъ. Но мы не боимся рыску,—ни намъ, ни народу нечего жалѣть, нечего терять! Пораженные разъ, мы подкимаемся въ другой разъ, мы будемъ подниматься и рисковать до тѣхъ поръ, пока не побѣдимъ. И мы побѣдимъ, потому что съ нами наша вѣра. У реакціонеровъ нѣтъ этой вѣры,—вотъ почему они и возлагаютъ всѣ свои надежды на будущее, отказываются отъ всякой непосредственно-революціонной дѣятельности въ настоящемъ.

Но когда наступитъ это будущее и наступитъ ли оно когда нибудь? Если они дѣйствительно хотятъ, чтобы оно наступило скорѣе, чтобы скорѣе нашъ рабочій очутился въ условіяхъ, тождественныхъ съ тѣми, въ которыхъ стоятъ въ настоящее время англійскій, нѣмецкій и вообще западно-европейскій

рабочій, если они этого хотятъ, то имъ слѣдуетъ снять съ себя революціонную маску и записаться въ ряды кулаковъ, биржевиковъ, концессіонеровъ и т. п. „героевъ дня.“ Эти герои, и только они одни, могутъ ускорить и дѣйствительно ускоряютъ ходъ буржуазнаго прогресса, они дѣйствительно подготовляютъ почву для той организаціи рабочаго класса, о которой наши революціонеры-реакціонеры только платонически мечтаютъ. Пожелай они приложить свои платоническія мечтанія къ практической дѣйствительности и они сами убѣдятся въ химеричности своихъ реакціонныхъ прожектцевъ. Впрочемъ, они-то, можетъ быть, и теперь убѣждены, а между ихъ сторонниками есть много и не убѣжденныхъ, много такихъ, вполнѣ честныхъ, но наивныхъ людей, которые готовы имъ вѣрить на слово. На нихъ-то и разсчитываютъ, ихъ-то они и надѣются отвлечь отъ непосредственной революціонной дѣятельности. Жаль, если эти наивные люди попадутъ въ эту ловушку; тѣмъ болѣе жаль, что, испытавъ неудачу на поприщѣ „подготовленія“ организаціи рабочихъ союзовъ, они, пожалуй, разочаруются во всякой революціонной дѣятельности вообще. Реакціонеры постоянно увѣряютъ ихъ, что только на этомъ поприщѣ и можно съ пользою работать, что внѣ этого подготовленія никакая другая дѣятельность не мыслима, что пока рабочія группы не объединятся въ одинъ крѣпко связанный союзъ, до тѣхъ поръ никакая революція удасться не можетъ. Эти ихъ увѣренія должны дѣйствовать на молодежь самымъ деморализирующимъ образомъ; они подрываютъ ея

вѣру въ возможность революціи (конечно мы говоримъ о возможности революціи въ настоящемъ, а не въ отдаленномъ будущемъ, въ послѣднюю возможность даже и жандармы вѣруютъ), и заставляетъ ее опускать руки прежде еще, чѣмъ она успѣетъ серьезно взяться за дѣло. Потому-то мы и не можемъ проходить ихъ молчаніемъ. Мы должны подвергнуть ихъ самому строгому анализу, чтобы для всѣхъ стала очевидна вся ихъ лживость и нелѣпость.

Это мы и сдѣлаемъ въ слѣдующій разъ.

ВОЗМОЖНА ЛИ СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

Революціонеры-реакціонеры даютъ на этотъ вопросъ, какъ мы уже говорили, отрицательный отвѣтъ. Они употребляютъ всѣ свои старанія, они изъ кожи лѣзутъ, чтобы, во что бы то ни стало, убѣдить молодежь въ несвоевременности а потому и совершеннѣйшей безполезности и даже вредности всякой революціонной попытки, всякаго взрыва при данныхъ условіяхъ нашего общественнаго развитія. „Мы еще не *созрѣли*, мы еще не *созрѣли*, — надо ждать, надо ждать!“ — поютъ они на разные тоны и лады. И если бы III Отдѣл. Соб. Е. И. В. Канцеляріи назначило премію за лучшее разсужденіе на тему „о невозможности въ настоящее время соціальной революціи въ Россіи,“ то, конечно, эту премію получили бы не писатели буржуазно-крѣпостнической прессы, — не г.г. Катковы, Краевскіе, Мещерскіе и т. п., а они, они — революціонеры-реакціонеры. Они заслужили бы ее не убѣдительностью доказательствъ, которыя у нихъ вообще не отличаются ни особенною основательностью, ни здравымъ смысломъ, ни логикою, — а тѣмъ „рвеніемъ не по разуму,“ тою „змѣиною хитростью,“ которыя они въ нихъ обна-

руживаютъ. О, да они очень хитры! Гораздо хитрѣе реакціонеровъ-буржуа. Послѣдніе въ доказательство невозможности революціи приводятъ обыкновенно аргументы, противорѣчащіе всякой очевидности, аргументы, надъ которыми они сами же въ душѣ смѣются и которымъ въ настоящее время никто не придаетъ никакого значенія. Они говорятъ напр., будто народъ одержимъ какою-то безпредѣльною любовью и преданностью къ царю, будто наше государство могучая, живая сила, будто оно глубоко вросло своими корнями въ нѣдра нашего общественнаго организма, будто мы, революціонеры, витаемъ гдѣ-то въ облакахъ и не имѣемъ подъ ногами никакой твердой почвы, будто нашъ голосъ—голосъ вопіющаго въ пустынѣ и т. д. Исходя изъ этихъ безусловно ложныхъ посылокъ,—они приходятъ къ тому заключенію, что при данныхъ условіяхъ, въ Россіи просто не мыслима никакая революціонная дѣятельность, что если бы даже она была мыслима, то все таки не можетъ привести ни къ какому практическому результату и, что потому заниматься ею могутъ лишь ограниченные и ослѣпленные фанатики.

Революціонеры-реакціонеры очень хорошо понимаютъ всю несостоятельность подобныхъ аргументовъ, они понимаютъ, что молодежь, вѣрующую въ свои силы,—молодежь, готовую на всякія жертвы ради народнаго блага, что ее не остановишь и не охладишь тѣмъ, что будешь нелѣпо преувеличивать важность и значеніе ея враговъ, что ее не запугаешь никакими опасностями, что она не отступитъ ни

передъ какимъ рискомъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, если только онъ представляетъ хоть одинъ шансъ на успѣхъ. Они понимаютъ все это и потому они держатся относительно ея совершенно другой тактики, чѣмъ реакціонеры-буржуа. Они, видите ли, вполнѣ согласны съ нами, что „внезапный революціонный взрывъ несравненно болѣе удобенъ въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ современномъ цивилизованномъ мірѣ.“ Вмѣстѣ съ нами они признаютъ, что „строй Россійской имперіи—чисто механическій; въ ней органической связи между элементами государства не существуетъ; какъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія возможны были, при полномъ равнодушіи общества, нѣсколько послѣдовательныхъ дворцовыхъ революцій, такъ невозможность ихъ и теперь доказать трудно.“

„Представимъ себѣ,—продолжаютъ они далѣе,—человѣкъ тысячу (или даже менѣе) энергическихъ революціонеровъ, которые въ данную минуту захватываютъ и устраняютъ всѣхъ высочайшихъ лицъ и главныхъ начальниковъ въ четырехъ, пяти главныхъ пунктахъ Россіи; эта горсть людей сдѣлается временно властью. Дѣйствіе войскъ будетъ парализировано захватомъ начальниковъ. Всѣ войска захваченныхъ мѣстностей будутъ немедленно переформированы, при чемъ изъ надежныхъ личностей составятся новые полки съ новыми начальниками. Общество, лишенное всякой политической инипіативы и не посмѣетъ протестовать въ думахъ, въ земскихъ собраніяхъ, или въ какой бы то ни было коллективной формѣ. Можно будетъ издать какіе угодно декреты,

и если дѣло будетъ сдѣлано умѣючи, сопротивленіе никогда не можетъ быть значительно. И такъ революція будетъ совершена...“

Видите ли, какъ счастіе близко и какъ оно возможно! Тысячу,—только тысячу, „или даже менѣе,“ энергическихъ революціонеровъ—и революція сдѣлана. Но, вѣдь тысячу энергичныхъ людей не богъ знаетъ какъ трудно найти среди нашей революціонной молодежи. Она доказала это: сколько энергическихъ людей она поставила въ царскія тюрьмы, остроги, крѣпости и заводы,—сколько энергическихъ людей она выслала *въ народъ*! Посчитайте-ка: наберется болѣе тысячи. И никогда еще и ни въ какомъ дѣлѣ она не чувствовла недостатка въ преданныхъ, самоотверженныхъ, энергическихъ людяхъ. Значитъ за людьми дѣло не станетъ. А если такъ, —нечего и медлить. За работу, товарищи, скорѣе за работу! Работа не трудная, она не потребуетъ отъ васъ никакихъ геркулесовскихъ усилій; дѣйствуйте только дружно—и вы заранѣе можете разсчитывать на вѣрный и несомнѣнный успѣхъ.

И это говоримъ не мы, которыхъ, пожалуй, можно было бы заподозрить въ пристрастіи и увлеченіи, —это говорятъ самые трусливые и самые осторожные изъ насъ, это говорятъ люди, желающіе дѣйствовать только *на вѣрняка*, избѣгающіе всякаго риска,—люди не способные къ юношескимъ увлеченіямъ, „умудренные опытомъ,“ разочарованные, холодные резонеры, — это говорятъ революціонеры-реакціонеры.

Что-же? Неужели вы окажетесь людьми, болѣе

малодушными и трусливыми, чѣмъ реакціонеры? Неужели вы боязливо отступите передъ дѣломъ,— которое даже *они* не считаютъ особенно рискованнымъ? Неужели вы будете сомнѣваться и колебаться тамъ, гдѣ даже они не сомнѣваются и не колеблятся?

Но, какъ же это такъ? революціонеры-реакціонеры оказываются совсѣмъ не реакціонерами. Вмѣсто того, чтобы охлаждать и удерживать революціонные порывы молодежи,—они, напротивъ, подзадориваютъ ее, весьма убѣдительно доказывая ей, что „при данныхъ условіяхъ нашего общественнаго развитія" нѣтъ ничего легче, какъ *совершить революцію*, вырвать власть изъ рукъ деспотовъ и народныхъ эксплуататоровъ и передать ее въ руки соціалистовъ-революціонеровъ. Но, вотъ тутъ-то и обнаруживается все ихъ „ехидное лукавство," вся ихъ „змѣиная хитрость."

Безъ сомнѣнія, говорятъ они, революцію при данныхъ условіяхъ, совершить очень не трудно, но что же изъ этого? Революція эта не улучшитъ, а скорѣе ухудшитъ положеніе дѣлъ; изъ за нее не стоитъ хлопотать, какъ бы ни были малы эти хлопоты. Въ доказательство этого смѣлаго положенія они приводятъ цѣлый рядъ соображеній и гипотезъ, одна другой остроумнѣе, одна другой удивительнѣе.

Большая часть этихъ гипотезъ лишена всякаго правдоподобія и потому мы пройдемъ ихъ тѣмъ молчаніемъ, котораго онѣ заслуживаютъ. Остановимся на гипотезахъ наиболѣе правдоподобныхъ.

Что будутъ дѣлать революціонеры-соціалисты,

захвативъ власть въ свои руки,—спрашиваютъ себя реакціонеры. И сами же отвѣчаютъ: „Захвативъ диктатуру, они могутъ издать рядъ декретовъ, обращающихъ все частное и государственное имущество въ общую собственность... Разсадить по губерніямъ соціально-революціонныхъ воеводъ-диктаторовъ и имъ поручить устроить всеобщій трудъ на общую пользу... Издать декреты не богъ знаетъ какъ трудно, но привести ихъ въ дѣйствіе не такъ ужъ будетъ легко, потому что, прежде всего, декретъ объ отмѣнѣ частной собственности и общемъ владѣніи нельзя приравнять къ указу о замѣнѣ императора Ивана Антоновича—императрицею Елизаветою Петровною (еще бы!)... Здѣсь апатія и индиферентизмъ не могутъ имѣть мѣста. За частную собственность встанутъ не только крупные собственники и купцы, но и многочисленные деревенскіе кулаки. Наконецъ, при неподготовленности крестьянства вообще къ соціальной революціи,—за частную, *движимую* собственность встанутъ самые бѣдные хозяева. Горсть диктаторовъ и ихъ приверженцевъ окажется безсильною передъ всѣми этими врагами и не будетъ въ состояніи подавить ихъ.“

Опровергнувъ столь побѣдоносно эту первую гипотезу, революціонеры-реакціонеры сознаются, однако же, что сама по себѣ она совершенно нелѣпа и невозможна: „Совершенно безспорно,—говорятъ они, — что соціалисты-революціонеры, захвативъ диктатуру въ свои руки, не станутъ на другой же день вводить декретами отмѣну частной собственности и

устройство общаго труда, они отложатъ эти декреты до удобнѣйшаго времени.“

Но, если они отложатъ эти декреты до „удобнѣйшаго времени, то значитъ,“ замѣчаютъ глубокомысленно реакціонеры.—„они совершатъ только *политическую* революцію, *соціальная* же революція будетъ откладываться да откладываться, пока она произойдетъ независимо отъ воли диктаторовъ и *противъ* нихъ, совсѣмъ уже иначе.“

Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, что при этой гипотезѣ соціальная революція хотя и можетъ произойти *противъ воли* соціалистовъ диктаторовъ и „совсѣмъ иначе,“ чѣмъ они предполагаютъ, но, что во всякомъ случаѣ она не можетъ произойти *независимо* отъ нихъ. Въ какой бы долгій ящикъ они не откладывали дѣло соціальной революціи, но тотъ фактъ, что они существуютъ, что власть находится въ ихъ рукахъ, въ рукахъ соціалистовъ-революціонеровъ, этотъ одинъ фактъ неизбѣжно долженъ будетъ приблизить и ускорить ея побѣду. Слѣдовательно, нельзя сказать, что побѣда эта совершится *независимо* отъ нихъ. Быть можетъ, сами даже того не желая (какъ это и предполагаютъ реакціонеры), диктаторы-соціалисты логически, неизбѣжно должны будутъ вызвать соціальную революцію, а такъ какъ этой революціи не придется уже тогда считаться съ теперешнею, традиціонною, самодержавною властью государства, такъ какъ всѣ ея враги будутъ разъединены, разрознены, обезоружены, такъ какъ соціалистическому правительству, въ интересахъ самосохраненія, не будетъ никакого другаго выбора,

какъ открыто стать на ея сторону и поддерживать ее своимъ авторитетомъ, то успѣхъ ея является почти несомнѣннымъ,—торжество ея заранѣе обезпечено и, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе обезпечено, чѣмъ при теперешнемъ порядкѣ вещей, когда вся политическая власть и вся матеріальная сила находятся въ рукахъ враговъ народа. Это настолько очевидно, что останавливаться на немъ долѣе не стоитъ.

Возвратимся опять къ гипотезѣ нашихъ реакціонеровъ.

Они утверждаютъ, что если соціалисты-диктаторы не осуществятъ соціальнаго переворота на другой же день послѣ революціи, то они и совсѣмъ его не осуществятъ и ограничатся одною лишь политической реформою. Но, почему же это такъ?

А видите ли почему: они представляютъ себѣ соціальную революцію, какъ какую-то удивительную штуку, долженствующую свалиться на землю подобно театральному deus ex machina. По ихъ мнѣнію, она должна *за одинъ разъ* и *въ одно мгновеніе* выскочить изъ обломковъ стараго порядка, какъ фениксъ изъ пепла, какъ Минерва изъ головы бога. Они не понимаютъ (или лучше сказать, они это очень хорошо понимаютъ, но, въ порывѣ своего реакціоннаго усердія, благоразумно объ этомъ забываютъ), что соціальный переворотъ,—что перестройка заново всѣхъ нашихъ экономическихъ, юридическихъ,—всѣхъ нашихъ общественныхъ, частныхъ, семейныхъ отношеній, всѣхъ нашихъ воззрѣній и понятій, нашихъ идеаловъ и нашей нравственности, что такой

переворотъ не совершается ни въ одинъ, ни въ два года, что онъ потребуетъ работы цѣлаго поколѣнія, что онъ является не ex abrupto, а подгодовляется и проводится въ жизнь медленно, постепенно шагъ за шагомъ. И никогда мы, соціалисты-революціонеры, не обманывали себя на этотъ счетъ, никогда мы не воображали, будто достаточно намъ захватить власть въ свои руки—какъ на другой же день мы осчастливимъ все общество, установимъ общность имуществъ, организуемъ общій трудъ на общую пользу, уничтожимъ семью, вырвемъ съ корнемъ всѣ дурные, порочные, эгоистическіе инстинкты и привычки людей, пересоздадимъ всѣ ихъ чувства и мысли, разобьемъ сковывающіе ихъ умъ предразсудки и суевѣрія и т. п. Нѣтъ, мы не утописты и не доктринеры, мы очень хорошо понимаемъ размѣры нашихъ силъ, мы очень хорошо понимаемъ, что мы *должны* и что мы *можемъ* сдѣлать.

Захвативъ власть въ свои руки, мы не станемъ (какъ вы наивно предполагаете) уничтожать декретами семью, религію, мы не станемъ насильственно навязывать нашей, исторически выработавшейся общинѣ—готовый идеалъ коммуны; но, мы уничтожимъ ту юридическую санкцію, которая охраняетъ и поддерживаетъ учрежденія, враждебныя нашему соціалистическому идеалу (*), мы поставимъ нашу

*) Уничтожить извѣстное учрежденіе и уничтожить юридическую санкцію, охраняющую его,—это двѣ вещи совершенно различныя, и каждый, конечно, очень хорошо это понимаетъ. Но такъ какъ наши реакціонеры, въ интересахъ самозащиты, очень часто прикидываются ничего не пони-

сельскую общину, нашу торговлю и промышленность въ такія условія, которыя неизбѣжно, хотя и постепенно, должны будутъ привести къ общности имуществъ и общности труда, къ уничтоженію всякой собственности, къ полному практическому осуществленію въ сферѣ экономическихъ и политическихъ отношеній началъ коммунизма. Мы установимъ разумную систему воспитанія — въ духѣ братства и любви, — мы устранимъ всѣ тѣ вліянія и преграды, которыя въ настоящее время задерживаютъ развитіе въ людяхъ симпатическихъ чувствъ и т. д., и т. д. Вотъ что мы можемъ сдѣлать, — что мы должны сдѣлать; отъ нашего умѣнія и такта будетъ зависѣть, чтобы вводимыя нами экономическія и юридическія реформы не поставили насъ въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ интересами и потребностями народа, — народа, который, во всякомъ случаѣ, будетъ составлятъ нашу главную силу, нашу наибо-

мающими дурачками, — то, ради нихъ, мы пояснимъ здѣсь эту разницу нагляднымъ примѣромъ.

Уничтожить посредствомъ декрета институтъ брака, конечно, невозможно, но нѣтъ ничего невозможнаго отнять у него освящающую его юридическую санкцію. Представьте себѣ, что въ одно прекрасное утро государство объявляетъ, что оно не беретъ подъ свою защиту *брачныхъ* договоровъ, какъ договоровъ противуестественныхъ и безнравственныхъ. Конечно, этимъ оно еще не уничтожитъ самаго договора (т. е. брака), люди будутъ вступать въ него, покоряясь давленію рутины, унаслѣдованныхъ привычекъ и извращенныхъ нравственныхъ понятій. Но договоръ этотъ потеряетъ уже всякую устойчивость и возможность безнаказанно нарушать его, — очень скоро выведетъ его изъ употребленія. Такимъ образомъ, бракъ въ той формѣ, въ какой существуетъ нынѣ, уничтожится, какъ бы самъ собою, безъ всякаго насилія со стороны государства.

лѣе существенную опору. Но, о нашемъ умѣніи и тактѣ невозможно теперь дѣлать никакихъ даже гадательныхъ предположеній по той простой причинѣ, что въ настоящее время никто не въ состояніи предвидѣть, какихъ новыхъ *людей*, какія скрытыя силы и таланты можетъ выдвинуть наша интелегенція въ рѣшительную минуту революціоннаго взрыва. Мы знаемъ только, что въ эту минуту съ нами и подъ нашимъ знаменемъ будутъ всѣ честные, всѣ мыслящіе, всѣ *лучшіе* люди Россіи.

Слѣдовательно, мнѣніе, будто наши предварительныя реформы неизбѣжно должны будутъ вооружить противъ насъ весь народъ рѣшительно ни на чемъ не основано и всецѣло принадлежитъ къ безпредѣльной области реакціонныхъ фантазій.

Столько же, какъ видите, неосновательно и другое положеніе реакціонеровъ, утверждающихъ, что если мы не декретируемъ на другой же день послѣ революціи уничтоженіе собственности, общность имущества и труда, то это значитъ, что дальше *политической революціи* мы не пойдемъ. Напротивъ, —ничуть не замыкаясь въ исключительно политическую сферу дѣятельности и не становясь въ рѣзкое противорѣчіе съ насущными интересами массы, мы будемъ имѣть полную возможность провести въ жизнь цѣлый рядъ общественныхъ реформъ,—реформъ, которыя подготовятъ почву для торжества коммунизма, которыя логически обусловятъ собою практическое осуществленіе всѣхъ великихъ принциповъ соціальной революціи.

Такимъ образомъ, гипотезы революціонеровъ-ре-

акціонеровъ падаютъ сами собою. Оказывается, что, захвативъ власть, мы совсѣмъ не очутимся въ томъ безвыходно-комическомъ положеніи, въ которое имъ угодно насъ ставить. По всей вѣроятности, въ глубинѣ души своей, они и сами сознаютъ, что измышленныя ими затрудненія существуютъ лишь въ ихъ воображеніи и что устранить ихъ, пожалуй, даже легче, чѣмъ ихъ выдумать. И вотъ они хватаются, какъ утопающій хватается за соломинку, за свой послѣдній, излюбленный аргументъ. „Допустимъ, — говорятъ они, — что все это такъ, но всетаки вамъ ничего не удастся сдѣлать, потому что... потому что вы перессорились!... „Тѣ, которые боролись вмѣстѣ противъ общаго врага, будутъ *неизбѣжно* бороться между собою за личное преобладаніе... какъ только у нихъ другихъ враговъ не будетъ, на другой же день установленія соціалистической диктатуры начнется споръ за диктатуру, а разъ онъ начнется, соціальная революція отодвинется на второй планъ.“

О пророки реакціи! зачѣмъ вы не подражаете кликушамъ, ясновидящимъ и инымъ „боговдохновеннымъ“ прорицателямъ? Тѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не стараются *логически* доказывать своихъ прорицаній, потому имъ можно вѣрить или не вѣрить, но возражать имъ невозможно и, разумѣется, для нихъ это очень выгодно. Вы же, напротивъ,— вы не довольствуетесь одною только вѣрою; вамъ непремѣнно хочется *логически* доказать, убѣдить— и тутъ-то вы и попадаетесь. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ смѣшны ваши доказательства! Вы говорите: „на другой день установленія соціалистиче-

ской диктатуры" соціалисты-революціонеры *неизбѣжно* начнутъ драться другъ съ другомъ,—такъ какъ у нихъ болѣе не будетъ общихъ враговъ.

Ну развѣ же это не глупо?

Неужели они серьезно думаютъ, что „на другой день установленія соціалистической диктатуры" всѣ враги соціальной революціи провалятся сквозь землю и соціалистамъ нечего будетъ болѣе дѣлать, какъ только заняться самопоѣденіемъ. Неужели они не понимаютъ, что *общій* врагъ, *общая* опасность будутъ существовать еще очень долго послѣ того, какъ соціалисты-революціонеры захватятъ власть въ свои руки и что въ тотъ день, когда этотъ врагъ будетъ окончательно раздавленъ, когда эта опасность минетъ,—что тогда уже никакіе личные раздоры и пререканія въ средѣ интеллигентныхъ соціалистовъ не въ состояніи будутъ помѣшать торжеству соціальной революціи?

Но, допустимъ даже невѣроятное,—допустимъ, что „на другой дань послѣ установленія соціалистической диктатуры" у соціалистовъ не будетъ никакихъ общихъ враговъ,—что никакая *общая* опасность не будетъ объединять ихъ въ одно солидарное цѣлое,—почему же они *неизбѣжно* должны будутъ передраться?

Почему? Реакціонеры увѣряютъ насъ, будто въ силу какого-то закона наслѣдственности, наша интеллигенція всякое *общее* дѣло непремѣнно должна обратить въ дѣло *личное*. Однако, вѣдь эту гипотезу еще нужно доказать; а доказать ее не только трудно, но, какъ мы полагаемъ, даже и невозможно; она

противорѣчитъ и историческому опыту и психологическому наблюденію. Индивидуальное, своекорыстное, мелко эгоистическое выступаетъ обыкновенно на первый планъ лишь въ такихъ дѣлахъ, которыя не затрогиваютъ общихъ интересовъ дѣйствующихъ лицъ; но разъ дѣло близко касается общаго интереса даннаго класса, кружка, партіи, школы—личный элементъ никогда не играетъ въ немъ и никогда не можетъ играть никакой выдающейся роли. Каждый понимаетъ, а если и не понимаетъ, то хоть инстинктивно чувствуетъ, что, дѣйствуя въ ущербъ общему интересу того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ, онъ дѣйствуетъ *противъ* своей *личной выгоды*. Но кто же станетъ дѣйствовать противъ своей выгоды? *Выгодѣ* люди всегда приносятъ въ жертву не только свое самолюбіе, тщеславіе, но даже и другія несравненно болѣе благородныя побужденія. Это общее правило. Бываютъ, конечно, исключенія, но объ нихъ мы не имѣемъ права говорить; они могутъ быть, могутъ и не быть. Да и вообще гипотеза, разсчитанная лишь на исключительные случаи, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. А такова-то именно гипотеза реакціонеровъ. Имѣя въ виду частное, случайное, исключительное, она совершенно забываетъ объ *общемъ правилѣ*, объ *общемъ*, если такъ можно выразиться, *психологическомъ законѣ* человѣческой дѣятельности.

Исходя же изъ этого закона,—закона, который находитъ себѣ подтвержденіе на каждой страницѣ исторіи, мы должны признать, что, какъ бы ни были велики индивидуальныя, теоретическія разногла-

сія, какъ бы ни было сильно развито тщеславіе и себялюбіе въ средѣ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ, какъ бы ни были они нравственно испорчены, во всякомъ случаѣ, ихъ общій интересъ заставитъ ихъ на другой день послѣ революціи сплотиться еще сильнѣе, чѣмъ они сплочены теперь, заставитъ ихъ дѣйствовать солидарно и единодушно, отложивъ въ сторону всякія личныя дрязги и пререканія. Каждый изъ нихъ будетъ видѣть свою личную выгоду въ томъ, чтобы удержать власть какъ можно долѣе въ рукахъ своей партіи, партіи соціалистовъ-революціонеровъ, чтобы сдѣлать эту власть какъ можно тверже и могущественнѣе. Вѣдъ отъ этого будетъ зависѣть ихъ личная безопасность. А гдѣ говоритъ инстинктъ самосохраненія, тамъ умолкаютъ обыкновенно и тщеславіе, и самолюбіе и т. п. побужденія человѣческой природы.

Не бойтесь же ихъ; они не создадутъ намъ тѣхъ затрудненій, которыя вамъ грезятся. Мы съумѣемъ подчинить ихъ требованіямъ общаго интереса, общаго дѣла, если не во имя отвлеченной идеи, теоретическаго принципа, если не подъ вліяніемъ благороднаго и безкорыстнаго увлеченія (на которое, однако же, въ минуты сильныхъ общественныхъ движеній всегда можно и должно разсчитывать), то, по крайней мѣрѣ, ради нашей личной выгоды.

Но допустимъ даже, что между нами могутъ найтись и такія личности, которыя готовы будутъ пожертвовать общимъ интересомъ и слѣдовательно личною выгодою своему тщеславію, славолюбію, мелкимъ, корыстнымъ побужденіямъ и т. п., допустимъ воз-

можность и злоупотребленія властью,—ну, что же изъ этого? Неужели ради подобныхъ возможностей мы должны откладывать дѣло революціи? Но вѣдь въ такомъ случаѣ намъ придется откладывать его до тѣхъ поръ, пока всѣ люди не обратятся въ ангеловъ, или пока небеса, сжалившись надъ нашею безпомощностью, не пошлютъ къ намъ легіонъ непорочныхъ духовъ для осуществленія соціальной революціи.

ОРГАНИЗАЦІЯ

Соціально - Революціонной партіи

Организація соціально - революціонной партіи, объединеніе и координированіе ея дѣятельности — это безспорно первый и существенно необходимый шагъ для практическаго осуществленія соціальной революціи. Пока онъ не будетъ сдѣланъ, мы вѣчно будемъ толкаться на одномъ мѣстѣ, переливать изъ пустаго въ порожнее и никогда не приступимъ къ *настоящему* дѣлу, никогда не только не уничтожимъ, но даже и попытки-то серьезной не сдѣлаемъ овладѣть вѣковою твердынею эксплоататорства, деспотизма и безсмысленнаго произвола. Какъ бы многочисленна не была армія,—но она непремѣнно спасуетъ передъ самою ничтожною крѣпостцею, если, идя въ аттаку, она предварительно не построится, не внесетъ порядка въ свои ряды, если ея движенія не будутъ подчинены никакому общему плану, если каждый солдатъ станетъ дѣйствовать *особнякомъ*, не слушаяся никакой общей команды. Тоже самое можно сказать и о всякой общественной партіи, выступающей на арену практической борьбы. Какъ бы ни была она многочисленна, но если она дѣйствуетъ въ разбродъ, безъ порядка, дисциплины и общаго плана, — она неизбѣжно будетъ разбита

на голову при первой же серьезной попыткѣ къ борьбѣ. Только уклоняясь постоянно отъ борьбы, только не выходя ни на минуту изъ чисто *выжидательнаго* положенія и вѣчно занимаясь толченіемъ воды въ ступѣ—она еще можетъ на нѣкоторое время продлить свое существованіе. Но, кому будетъ отъ этого какая польза?

Обладай она цѣлою массою живыхъ силъ, находись въ ея распоряженіи огромныя матеріальныя средства, преслѣдуй она даже самыя достижимыя, *ближайшія цѣли*, она всетаки не достигнетъ никакихъ прочныхъ, положительныхъ результатовъ. Распредѣленіе этихъ силъ и средствъ, зависящее отъ чистаго случая, всегда будетъ безпорядочно и неравномѣрно: единичныя усилія ея отдѣльныхъ членовъ, не связанныя съ общею, непрерывно продолжающеюся т. е. коллективною дѣятельностію, будутъ пропадать безслѣдно.

Однимъ словомъ, неорганизованная партія—это несчастная Пенелопа, каждую ночь собственными руками уничтожающая все, что она сработала днемъ.

Нечего и говорить, что если организація необходима для партіи многочисленной и сильной, то она еще въ большей степени необходима для партіи слабой и малочисленной, дла партіи только что начинающей образовываться. А такова именно наша соціально-революціонная партія. Для нея вопросъ объединенія и организаціи является вопросомъ жизни или смерти, такъ какъ каждая задаромъ потраченная сила, каждое безплодно пропавшее единичное усиліе, ничѣмъ уже для нея не могутъ быть

вознаградимы. А между тѣмъ, при отсутствіи организаціи эти ненужныя затраты, эти безплодныя потери зло неизбѣжное, необходимое, слѣдовательно, также неизбѣжно и необходимо постепенное истощеніе и, въ концѣ концовъ, полная смерть партіи.

Значитъ, откладывая дѣло организаціи, партія сама себѣ подписываетъ смертный приговоръ. И это до такой степени очевидно, что мы не хотимъ даже допустить мысли, что бы въ Россіи могъ найтися хоть одинъ здравомыслящій и честный революціонеръ, который бы не сознавалъ, что вопросъ объ организаціи партіи есть вопросъ о ея существованіи.

Но, къ несчастію, у большинства нашихъ революціонеровъ соціалистовъ сознаніе необходимости этой организаціи въ значительной степени стушевывается и затемняется представленіями о тѣхъ, *якобы* реальныхъ, но въ сущности совершенно фантастическихъ фракціяхъ, на которыя они себя подѣлили. Вообразивъ, будто эти фракціи должны отдѣляться одна отъ другой не только въ теоріи, но и на практикѣ,— они подъ *организаціею* подразумѣваютъ обыкновенно не общую организацію всей соціально-революціонной партіи, а организацію частную, чисто-кружковую, организацію отдѣльныхъ фракцій. „Впередъ“, напр. очень много толковало въ послѣднее время о пользѣ организаціи. „Организуйтесь, организуйтесь, друзья,—умолялъ онъ своихъ читателей,—только организація дастъ

намъ силу, только она одна обезпечитъ успѣхъ нашему дѣлу.“

Но, каково же должно было быть удивленіе его читателей, когда въ № 34 онъ категорически заявилъ, что, говоря объ организаціи, онъ имѣлъ въ виду лишь организацію *Между своими*, т. е. между людьми, сочувствующими одному лишь *Впереду*, а отнюдь, напр: не *Набату*? Почему же это такъ?

По мнѣнію *Впереда*, видите ли,—въ средѣ нашихъ соціалистовъ - революціонеровъ существуетъ „разногласіе, въ основѣ котораго лежатъ два настолько противурѣчивыя начала,“ что люди, держащіеся одного изъ этихъ началъ, не могутъ имѣть никакого *общаго дѣла* и людьми, держащимися другого начала. Одно начало—*анархія*, другое—*революціонное государство*; приверженцевъ перваго *Впередъ* называетъ „народниками“, приверженцевъ второго—„якобинцами“(?!). Пусть же, говоритъ *Впередъ*, якобинцы организуются сами по себѣ, а народники сами по себѣ. Совмѣстное же дѣйствіе народниковъ съ якобинцами *невозможно*, по причинѣ *противурѣчія* практическихъ программъ.

И это мнѣніе, насколько мы знаемъ, раздѣляется весьма многими изъ этихъ, такъ называемыхъ народниковъ. Но, что же будетъ, если оно станетъ господствующимъ, если, дѣйствительно, наши революціонныя фракціи начнутъ организоваться каждая на свой ладъ и образецъ, если онѣ серьезно повѣрятъ, будто „противурѣчія ихъ практическихъ про-

граммъ" настолько велики, что между ними не можетъ быть никакой совмѣстной дѣятельности!

Соціально-революціонная партія погибнетъ. Разорвавшись на мелкіе кусочки, раздѣлившись на отдѣльныя, самостоятельно дѣйствующія группы, она потеряетъ всякую силу, всякое дѣйствительно-революціонное значеніе.

Замкнутые кружки постоянно будутъ стараться подставить одинъ другому ножку (чему много есть примѣровъ и теперь) и вмѣсто взаимной помощи, явятся лишь вредное соперничество и зависть. Теоретическія разногласія, перенесенныя на почву практической дѣятельности, обособившись въ кружковой организаціи, еще болѣе обострятся и въ результатѣ могутъ привести къ окончательному распаденію, къ полной деморализаціи нашей только что начавшейся оперяться соціально-революціонной партіи.

Нашимъ врагамъ только этого и нужно. Они не преминутъ воспользоваться нашими раздорами и, раздувая ихъ все сильнѣе и сильнѣе, уничтожатъ насъ по одиночкѣ.

Неужели же мы такъ наивны, что не понимаемъ этого? Неужели же мы захотимъ собственными руками вить веревку на свою шею?

Обособляяся въ кружковыя, *фракціонныя* организаціи, мы выдаемъ себя съ головою и ногами III-му отдѣленію, мы губимъ дѣло революціи!

Если мы хотимъ жить, если мы хотимъ дѣйствовать, если мы искренно любимъ народъ и ненавидимъ гнетущій его произволъ, мы должны стараться по

скорѣе смести раздѣляющіе насъ барьеры, мы должны соединиться въ одну общую тѣсную организацію, обхватывающую всѣ существующіе революціонные кружки, всѣ существующія революціонныя фракціи. На почвѣ практической дѣятельности не должно быть различія между Эллинами и Іудеями, между Якобинцами и Народниками. На почвѣ практической дѣятельности мы всѣ должны идти рука объ руку, взаимно поддерживая другъ друга, взаимно другъ другу помогая.

„Но, вѣдь это невозможно,“ увѣряютъ наши *народники-подготовители*,“ что есть общаго между вами, якобинцами, государственниками и нами, анархистами? Мы еще, пожалуй, можемъ сойтися съ *народниками-экспериментаторами* *), у насъ еще можетъ быть съ ними что нибудь общее. Они, какъ и мы, возлагаютъ всѣ свои надежды на *народную революцію*; они, какъ и мы, хотятъ ждать осуществленія насильственнаго переворота до той минуты, пока *самъ народъ* не сознаетъ или не почувствуетъ его необходимости, пока *самъ* онъ не возстанетъ на своихъ утѣснителей, *самъ*, собственными силами не разобьетъ своихъ цѣпей, пока, наконецъ, онъ не будетъ готовъ къ принятію и проведенію въ жизнь началъ рабо-

(*) Мы заимствуемъ эту оригинальную терминологію изъ журнала „Впередъ,“ который дѣлитъ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ из три группы: на *якобинцевъ-соціалистовъ* (группа, имѣющая свой органъ въ нашемъ журналѣ), на *народниковъ-экспериментаторовъ* (извѣстныхъ также подъ именемъ Бакунистовъ) и на *народниковъ-подготовителей* (программа которыхъ есть программа журнала „Впередъ“).

чаго соціализма. Вся разница между нами и ими лишь въ томъ состоитъ, что они хотятъ подготовлять народъ къ революціи мѣстными бунтами, а мы—устною и печатною пропагандою.

„Но что можетъ быть общаго между нами и якобинцами?

„Правда, они тоже стремятся къ соціальному перевороту, но они хотятъ осуществить его не путемъ повсемѣстнаго бунта, а съ помощію государства. Мы же отрицаемъ всякое государство, всякую власть. Они мечтаютъ о революціи въ ближайшемъ настоящемъ, а мы о революціи—когда нибудь... Наша практическая программа—пропаганда среди народа истинъ рабочаго соціализма, ихъ—организація заговора съ цѣлью низверженія существующаго правительства и захвата власти въ свои руки.

Нѣтъ, „съ якобинцами, какъ и съ легалистами, совмѣстное дѣйствіе для народниковъ—*невозможно*“ (*Впередъ* № 34).

Такъ говорятъ народники-подготовители; почти тоже утверждаютъ народники-экспериментаторы. Но совсѣмъ иначе смотрятъ на это дѣло наши такъ называемые якобинцы-соціалисты. Для нихъ „совмѣстное дѣйствіе съ народниками“ не представляетъ ничего невозможнаго. Напротивъ того, они убѣждены, что прочная организація всѣхъ фракцій нашей соціально-революціонной партіи, что возможно полное объединеніе ихъ практическихъ программъ—существенно, безусловно необходимо для скорѣйшаго осуществленія соціальной революціи въ Россіи.

Они не скрываютъ и не умаляютъ тѣхъ теорети-

ческихъ и принципіальныхъ разногласій, которыя отдѣляютъ ихъ строго-реалистическое міросозераніе отъ мистико-идеалистическаго міросозрцанія народниковъ. Но они полагаютъ, что эти разногласія не могутъ и не должны мѣшать совмѣстной практической работѣ тѣхъ и другихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у тѣхъ и другихъ, у народниковъ и государственниковъ цѣль одна и та же—соціальный переворотъ. Съ понятіемъ о соціальномъ переворотѣ у тѣхъ и другихъ связаны совершенно тождественныя представленія. Вся разница только въ *средствахъ*, въ *путяхъ* осуществленія этой общей цѣли. Разумѣется, если мы станемъ анализировать эти средства совершенно абстрактно, съ точки зрѣнія отвлеченныхъ принциповъ, лежащихъ въ ихъ основѣ,—то намъ трудно будетъ найти между ними что нибудь общее. Но, если, оставя въ сторонѣ отвлеченные принципы, мы будемъ разсматривать ихъ лишь по отношенію къ обусловливаемой ими практической дѣятельности, то между ними не окажется никакого противурѣчія.

Развѣ дисциплинированная централизованная организація, какъ главное практическое средство якобинцевъ, развѣ пропаганда среди народа, какъ главное практическое средство соціалистовъ - подготовителей, развѣ эти два средства взаимно исключаютъ одно другое, развѣ между ними существуетъ какой нибуть антагонизмъ? Развѣ удачное примѣненіе одного изъ нихъ не будетъ содѣйствовать удачному примѣненію и другого? Развѣ пропаганда

не помагаетъ успѣху заговора и организаціи, а удавшійся заговоръ, не облегчитъ пропаганду?

Но, если практическія программы якобинцевъ и народниковъ такъ тѣсно связаны между собою, если проводя ихъ одновременно въ жизнь, соціалисты-революціонеры взаимно другъ другу помогаютъ, то почему же не дѣйствовать имъ совмѣстно, почему не слить своихъ программъ въ одну общую, для всей партіи обязательную, программу?

„Невозможно, говорятъ народники: „якобинцы стоятъ за революціонное государство, тогда какъ мы отрицаемъ всякое государство.“

Вы отрицаете государство. Положимъ, хотя отрицаніе ваше, какъ это доказали ваши же собственные учителя, западно-европейскіе народники, анархисты —совсѣмъ не такъ глубоко и радикально, какъ это вамъ кажется: вы отрицаете совсѣмъ не принципъ, а лишь его частныя, исторически выработавшіяся формы,—формы, къ которымъ и якобинцы относятся отрицательно. Но дѣло не въ томъ: сколько бы вы ни отрицали государство, но вы должны же допустить, что государство государству рознь если не въ принципѣ, то по крайней мѣрѣ въ своихъ отношеніяхъ къ соціализму. Государство консервативное, буржуазное или военно-феодальное гонитъ и преслѣдуетъ соціалистовъ, обращаетъ противъ нихъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы, затрудняетъ всѣми зависящими отъ него средствами проповѣдь соціализма и нерѣдко дѣлаетъ ее буквально невозможною.

Государство революціонное, вышедшее изъ среды

враждебной буржуазному и феодальному обществу, напротивъ, по необходимости, должно предоставить соціалистамъ большую свободу дѣйствія и не можетъ, не занося само на себя руку, серьезно противудѣйствовать ихъ пропагандѣ. Отсюда само собою очевидно, что соціалисты-народники, соціалисты-анархисты, если они понимаютъ свои интересы, должны предпочесть послѣднее государство первому. Пускай они признаютъ его, со своей точки зрѣнія, *зломъ*, но все же это зло меньшее, чѣмъ зло существующаго государства. А изъ двухъ золъ всякій разсудительный человѣкъ выбираетъ зло меньшее. Слѣдовательно, якобинцы, стремящіеся замѣнить государство консервативное государствомъ революціоннымъ, дѣйствуютъ не во вредъ, а въ пользу народникамъ.

Но народники говорятъ, что они могутъ обойтися и безъ этого зла, что и при существующемъ государствѣ они могутъ подготовить народъ къ соціалистической революціи...

Ну, что же и прекрасно. Если они могутъ—тѣмъ лучше. Якобинцы не могутъ имъ въ этомъ помѣшать. И если имъ дѣйствительно удастся осуществить народную соціалистическую революцію раньше, чѣмъ якобинцы вырвутъ политическую власть изъ рукъ народныхъ эксплуататоровъ, то тогда, понятно, никому и на умъ не взбредетъ хлопотать объ устроеніи революціоннаго государства.

Но, если имъ этого не удастся, если революціонное государство устроится раньше, чѣмъ они осуществятъ народно-соціальную революцію, то опять

таки имъ объ этомъ жалѣть нечего. Положимъ, они съумѣли бы (что, однако, мы отрицаемъ) и при настоящемъ политическомъ режимѣ подготовитъ массы къ соціальной революціи, но вѣдь при революціонномъ государствѣ они сдѣлаютъ это вдвое, втрое, можетъ быть, въ десять разъ скорѣе. Если теперь по ихъ вычисленіямъ, черезъ 6 лѣтъ, они въ состояніи приготовить 36,000 чел. народныхъ пропагандистовъ, то тогда въ 6 лѣтъ они приготовятъ, конечно, уже не меньше 360,000.

Отсюда логически вытекаетъ такой практическій выводъ: *для народниковъ, для анархистовъ скорѣйшее осуществленіе революціоннаго государства можетъ быть только выгодно.* Слѣдовательно, съ точки зрѣнія интересовъ своей партіи, они не только могутъ, но должны содѣйствовать якобинцамъ въ ихъ стремленіяхъ замѣнить существующее консервативное государство государствомъ комунистически революціоннымъ, что, однако же, ихъ нисколько не обязываетъ уклоняться или пренебрегать своею главною дѣятельностію—пропагандою. Точно также съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ якобинской партіи, соціалистическая пропаганда и агитація среди народа и революціонизированіе его при помощи мѣстныхъ бунтовъ въ извѣстный моментъ не только не вредны, но, напротивъ, въ высшей степени полезны и даже необходимы. Потому, конечно, если пропаганда и агитація дѣлается во время, якобинцы, съ своей стороны, могутъ и даже обязаны содѣствовать народникамъ въ ихъ пропагандической и агитаціонной дѣятельности, не забы-

вая, однако, ни на минуту своей главной, непосредственно практической задачи—ниспроверженіе существующей политической власти и установленіе революціоннаго государства.

Гдѣ же то „противурѣчіе практическихъ программъ“ нашихъ соціально-революціонныхъ фракцій, которое, по мнѣнію народниковъ, дѣлаетъ *невозможнымъ* совмѣстную дѣятельность?

Его не только нѣтъ, но напротивъ, между ними существуетъ скорѣе полнѣйшая солидарность: онѣ взаимно другъ друга пополняютъ: при дружномъ, стройномъ и согласномъ проведеніи ихъ въ жизнь, революціонная работа пойдетъ въ десять разъ скорѣе и успѣшнѣе.

Вотъ почему мы, якобинцы, не смотря на наше вполнѣ отрицательное отношеніе къ теоретическому міросозерцанію народниковъ-анархистовъ, не смотря на то, что мы считаемъ *анархію* утопіею, безсмыслицею, не смотря на это, мы братски протягиваемъ имъ руку,—мы признаемъ возможность дѣйствовать съ ними *за одно* на практическомъ поприщѣ подготовленія революціи; мы заклинаемъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ во имя нашей любви къ страждущему народу, во имя ненависти къ его тиранамъ, во имя скорѣйшаго освобожденія массъ отъ давящихъ ихъ оковъ, во имя, наконецъ, нашихъ несчастныхъ товарищей, томящихся въ ссылкахъ, казематахъ, въ Сибири и на каторгѣ, товарищей, которымъ только мы одни можемъ открыть двери темницы,—мы заклинаемъ ихъ сплотиться въ одинъ

дружный, тѣсный союзъ, слиться въ одну общую революціонную организацію!

Каковы могутъ быть тѣ формы, въ которыя должна на практикѣ воплотиться эта организація, — объ этомъ говорить въ печати, разумѣется, неудобно. Можно установить только тѣ общіе принципы, которымъ она должна удовлетворять. Несомнѣнно, что эта общая организація должна объединять революціонную дѣятельность всѣхъ входящихъ въ ея составъ революціонныхъ фракцій, давать ей *общее* направленіе.

РЕВОЛЮЦІЯ И ГОСУДАРСТВО

Наша программа — какъ мы этого и ожидали — вызвала рѣзкіе нападки и возраженія со стороны той группы нашей революціонной молодежи, которая называетъ себя анархическою, хотя, говоря по правдѣ, она очень плохо понимаетъ истинный смыслъ этого, почему-то излюбленнаго ею, словечка. Ей показалось, что наши воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ ея міросозерцаніемъ, и что между ею и нами лежитъ пропасть. Отчасти она права. Да, наши воззрѣнія противурѣчатъ ея міросозерцанію, но противурѣчатъ ему лишь настолько, насколько само это міросозерцаніе преисполнено ложью, лицемѣріемъ, безсмысленной непослѣдовательностью и ребяческимъ идеализмомъ. Да, между ею и нами лежитъ пропасть, но пропасть эта сама собою уничтожится, какъ только изъ него будетъ выброшено все нелогичное и нелѣпо метафизическое.

Доказать намъ это очень не трудно: стоитъ только разобрать мнѣнія нашихъ „противниковъ,“ какъ они себя называютъ (хотя мы за таковыхъ ихъ и не считаемъ), выраженныя ими по поводу нашей программы. Мы остановимся, разумѣется, лишь на главныхъ и, съ ихъ точки зрѣнія, наиболѣе существенныхъ возраженіяхъ.

Прежде всего насъ упрекаютъ въ высокомѣрномъ отношеніи къ народу. „Вы хотите — говорятъ намъ — сдѣлать революцію можетъ быть и для народа, но безъ народа. Вы хотите, чтобы мыслящее, интеллигентное *меньшинство* насильственно навязало ему свои идеалы, распяло бы его на прокустово ложе своихъ *книжныхъ* теорій, однимъ словомъ, вы стремитесь не къ революціи *народной*, не къ революціи, идущей *снизу вверхъ*, а къ революціи *барской*, революціи сверху внизъ; потому-то для вашей революціи и необходимо государство во всеоружіи власти, необходимо именно то, противъ чего мы боремся, что мы считаемъ одною изъ основныхъ причинъ существующаго соціальнаго зла."

Противурѣчіе, повидимому радикальное; но вглядитесь въ него попристальнѣе, сопоставьте то, что мы говоримъ, съ тѣмъ, что говорятъ такъ называемые анархисты, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что въ основѣ его лежитъ одно недоразумѣніе, обусловливаемое двоякаго рода непониманіемъ. Съ одной стороны, анархисты не понимаютъ, чего мы хотимъ, съ другой, они не понимаютъ, чего они сами хотятъ.

Мы говоримъ: революція можетъ быть осуществлена, болѣе или менѣе, революціонно настроеннымъ меньшинствомъ и руководить которой должна революціонная интеллигенція. А вы, наши мнимые противники, что вы говорите? Говорите ли вы, что революція должна быть осуществлена *большинствомъ*, иными словами, что мы должны ждать ея пришествія до тѣхъ поръ, покуда большинство народа не будетъ стоять на томъ уровнѣ умственнаго и

нравственнаго развитія, на которомъ теперь стоитъ лишь его меньшинство? Нѣтъ, этого вы не осмѣлитесь сказать! Даже редакторъ журнала *Впередъ*, отрицающій возможность революціи въ данное время, долженъ былъ наконецъ торжественно сознаться, что революцію дѣлаетъ меньшинство*) и что нелѣпо ждать, пока большинство народа сознаетъ ея необходимость.

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Вы, какъ и мы, возлагаете всѣ свои надежды на меньшинство; вы, какъ и мы, убѣждены, что это меньшинство можетъ и должно сдѣлать революцію.

Въ чемъ же вы съ нами расходитесь?

Вы утверждаете, будто то меньшинство, на кото-

*) См. *Впередъ*, N° 21, статья „Отвѣтъ русскому конституціоналисту." Редакторъ журнала *Впередъ*, утверждавшій въ своей программѣ, что „съ революціей слѣдуетъ повременить до тѣхъ поръ, покуда самъ народъ не дойдетъ до *сознанія ея* необходимости и не уяснитъ себѣ ея цѣли и задачи,— настаивавшій на той же мысли и въ своей полемической брошюрѣ: „Къ русской соціально-революціонной молодежи" (см. стр. 21) — въ „Отвѣтѣ русскому конституціоналисту" торжественно сознается въ своемъ заблужденіи. „Въ цѣлой исторіи, говоритъ онъ, не происходило ни одного вполнѣ сознательнаго движенія. Полное сознаніе цѣлей и средствъ существовало въ небольшихъ группахъ и отдѣльныхъ единицахъ", т. е. въ меньшинствѣ. „Это-то меньшинство, продолжаетъ онъ далѣе, выставляетъ свое знамя, опираясь на большинство, „страдающее отъ стараго порядка и способное его ненавидѣть," хотя и не сознающее ни необходимости, ни условій соціальной революціи, не помышляющее объ ихъ коренномъ уничтоженіи, — опираясь на это безсознательное большинство, меньшинство „ведетъ его на борьбу со старымъ порядкомъ," иными словами, *дѣлаетъ революцію*. Авторъ находитъ, что такъ всегда бываетъ въ исторіи и что такъ и должно быть. Затѣмъ онъ называетъ *утопической* надежду довести народъ пропагандою до яснаго сознанія необходимости революціи, ея задачъ и средствъ.

рое вы надѣетесь, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ меньшинствомъ, на которое мы надѣемся, что будто ваше меньшинство должно выйти изъ народа, а наше изъ привиллегированной среды.

Но гдѣ и когда мы говорили что нибудь подобное? Какъ, неужели вы воображаете, что мы основываемъ всѣ свои надежды на „еще не успѣвшихъ раскаяться дворянчикахъ,“ — на васъ больные, лимфатическіе потомки выродившагося, износившагося, опошлѣвшаго и охолопѣвшаго барства! О, какъ вы жестоко ошибаетесь! Вы люди честные, искренніе, способные на всякія благородныя увлеченія, вы люди хорошіе, но... вы очень непостоянны и слабохарактерны, притомъ же вы черезчуръ много любите резонировать. Не вашимъ изнѣженнымъ и барскимъ ручкамъ расковать народныя цѣпи, не вы будете составлять ядро того *меньшинства*, которое вынесетъ революцію на своихъ мощныхъ плечахъ. Вы только *часть* его; въ его формированіи ваша „привиллегированная среда“ принимаетъ такое же участіе, какъ и среда непривиллегированная, — среда мѣщанства, крестьянства, среда такъ называемыхъ разночинцевъ.

Какое же право имѣете вы утверждать, будто революція, произведенная этимъ меньшинствомъ, не будетъ революціею народною, что это будетъ революція сверху внизъ? Понимаете ли вы, что значитъ сдѣлать революцію сверху внизъ? Это значитъ измѣнить данный строй общественныхъ отношеній, во имя идеаловъ, выражающихъ собою интересы *верхнихъ*, болѣе или менѣе, привиллегированныхъ слоевъ общества, т. е. во имя идеаловъ по существу своему все-

гда буржуазныхъ, капиталистическихъ, анти-народныхъ. Эти идеалы могутъ, въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ, совпадать съ идеалами чисто народными. Вотъ этими-то пунктами совпаденія и пользуются верхніе слои общества. Они напираютъ на нихъ съ особенною силою; они съ умысломъ преувеличиваютъ ихъ значеніе, и народъ, не понимая истиннаго смысла буржуазнаго идеала, видя только тѣ его стороны, которыя гармонируютъ съ его интересами, становится подъ его знамя и съ полною вѣрою отдаетъ въ распоряженіе эксплуататоровъ свои руки, свое тѣло, свою кровь. Пользуясь его поддержкою, прячась за его спину, буржуазные классы общества устраиваютъ, когда это имъ выгодно, насильственные перевороты и, овладѣвъ властью, проводятъ въ жизнь свои идеалы и видоизмѣняютъ данный строй исторически сложившихся соціальныхъ отношеній, сообразно со своими интересами. А такъ какъ ихъ интересы всегда находятся и всегда должны находиться въ непримиримомъ противурѣчіи съ интересами эксплуатируемаго ими народа, то отсюда само собою слѣдуетъ, что отъ *ихъ* революціи, отъ революціи *сверху внизъ*, народъ никогда ничего не выигрываетъ, а напротивъ всегда что нибудь да проигрываетъ.

Такимъ образомъ, анти-народный характеръ революціи сверху внизъ обусловливается совсѣмъ не тѣмъ, что меньшинство захватываетъ политическую власть въ свои руки и при помощи этой власти переустраиваетъ общественныя отношенія, а единственно только тѣмъ, что это меньшинство преслѣдуетъ буржуазные идеалы и что его экономическіе интересы

противурѣчатъ экономическимъ интересамъ народа.

Но развѣ то меньшинство, о которомъ мы говоримъ и которое должно, по нашему мнѣнію, для осуществленія своихъ идеаловъ, захватить власть въ свои руки, развѣ это меньшинство есть меньшинство буржуазное? Развѣ оно преслѣдуетъ буржуазные идеалы? Развѣ его интересы враждебны интересамъ народа?

Вы сами знаете, что нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что значительный процентъ этого меньшинства состоитъ изъ такъ называемыхъ разночинцевъ, т. е. людей, вышедшихъ изъ эксплуатируемыхъ, раззоренныхъ и задавленныхъ классовъ общества, даже и тѣ революціонеры, которые, по рожденію своему, принадлежатъ къ привиллегированной, дворянской средѣ, развѣ ихъ можно назвать буржуазными революціонерами? Правда, между ними есть буржуа, но они считаются революціонерами лишь по недоразумѣнію, лишь потому только, что у насъ всякая дѣятельность, неодобряемая правительствомъ, считается революціонною. Обучаетъ ли человѣкъ деревенскихъ ребятишекъ грамотѣ по учебникамъ, неодобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія — онъ революціонеръ; читаетъ ли крестьянамъ не прошедшія черезъ цензуру сказки, знакомитъ ли ихъ съ основными ученіями экономической науки — онъ опасный агитаторъ, а если онъ вздумаетъ распространять книжки, въ которыхъ популярно описывается данный механизмъ государственнаго управленія, господствующей системы податей и сборовъ — онъ считается уже такимъ отчаяннымъ бунтовщикомъ.

для котораго и Сибири мало. Учить народъ — значитъ подготовлять революцію, устроивать слесарныя, столярныя, кузнечныя и иныя мастерскія, заводить бакалейныя лавочки людямъ, принадлежащимъ къ привиллегированной средѣ — равносильно подкапыванію подъ священныя основы существующаго порядка. Однимъ словомъ, стоитъ плюнуть не въ ту сторону, въ которую принято плевать, и сейчасъ же прослывешь революціонеромъ, бунтовщикомъ, агитаторомъ.

При такомъ представленіи о революціи и революціонерахъ, нѣтъ ничего мудренаго, что подъ категорію революціонныхъ дѣйствій подводятся дѣйствія совершенно невинныя и по существу своему анти-революціонныя, а въ число революціонеровъ попадаютъ люди, преслѣдующіе чисто буржуазные идеалы, благонамѣренные рыцари „историческаго прогресса“ и „народнаго просвѣщенія“.

Разумѣется, мы здѣсь не говоримъ объ этихъ „революціонерахъ по недоразумѣнію.“ Мы имѣемъ въ виду лишь дѣйствительныхъ революціонеровъ, тѣхъ, которые всецѣло посвящаютъ себя великому дѣлу освобожденія народныхъ массъ, которые борятся во имя чисто народныхъ (т. е. соотвѣтствующихъ истиннымъ потребностямъ народа) идеаловъ, для которыхъ революція — единственная цѣль жизни, которые нетолько не входятъ ни въ какіе компромиссы съ существующимъ порядкомъ, но и изыскиваютъ средства для борьбы и борятся съ нимъ.

Эти революціонеры, жертвующіе ради идеи всѣмъ —своимъ положеніемъ, своей семьей, своею свободою,

своею жизнью; революціонеры, отождествляющіе свое счастіе съ счастіемъ народа, неужели вы скажете, что они обманщики народа, лицемѣрные буржуа? О, даже III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, даже Паленъ съ Жихаревымъ и Слезкинымъ не осмѣливаются взводить на нихъ подобной клеветы!

Чего же вы боитесь? Какое право имѣете вы думать, что это меньшинство — меньшинство, отчасти по своему общественному положенію, отчасти по своимъ идеямъ, беззавѣтно преданное народнымъ интересамъ, что оно, захвативъ власть въ свои руки, внезапно превратится въ народнаго тирана?

Вы говорите: всякая власть портитъ человѣка. Но на чемъ вы основываете это странное умозаключеніе? На примѣрахъ исторіи? Но откуда вы знаете, что люди, захватывавшіе власть во время революціи, до захвата власти были лучше, чѣмъ они стали послѣ захвата? Читайте ихъ біографіи и вы убѣдитесь въ противномъ. Робеспьеръ, членъ Конвента, полновластный рѣшитель судебъ Франціи, Робеспьеръ, неизвѣстный провинціальный адвокатъ, это одно и тоже лицо. Власть ни на волосъ не измѣнила ни его нравственный характеръ, ни его идеалы и стремленія, ни даже его домашнія привычки. Тоже можно сказать и о Маратѣ, и о С-Жюстѣ, и о всѣхъ сколько нибудь выдающихся дѣятеляхъ великой французской революціи. Вспомните Кромвеля, вспомните Вашингтона и скажите, развѣ власть ихъ испортила? Развѣ Кромвель, диктаторъ Англіи, былъ чѣмъ нибудь хуже Кромвеля работника? Развѣ Вашингтонъ, президентъ американской республики, былъ порочнѣе и

властолюбивѣе Вашингтона, скромнаго землевладѣльца? Развѣ адвокатъ Гамбетта не былъ и прежде такимъ же буржуа шарлатаномъ, какимъ онъ есть теперь на президентскомъ креслѣ?

Наконецъ, развѣ Наполеоновъ и Цезарей развратила императорская порфира? Развѣ прежде, когда они еще были простыми частными людьми, они проявляли какія нибудь нравственныя доблести, отличались какими нибудь возвышенными идеями, какими нибудь благородными стремленіями?

Но какъ жаль, что вы такъ плохо знаете исторію, на которую такъ любите ссылаться. Знай вы ее лучше, вы знали бы также и то, что честныхъ и хорошихъ людей властъ еще никогда не портила, но что, къ несчастію, она почти всегда находилась въ рукахъ безчестныхъ эгоистовъ, развратныхъ буржуа, потому то вамъ и кажется, будто она обладаетъ таинственнымъ свойствомъ дѣлать людей безчестными и развратными эгоистами. Вы впадаете въ очень грубую, хотя и весьма обыкновенную логическую ошибку: post hoc (послѣ этого) и cum hoc (съ этимъ) вы принимаете за propter hoc (по причинѣ этого).

Вы спрашиваете: почему же люди честные и хорошіе, добившись власти, никогда ничего не дѣлали для осуществленія народо-соціалистическаго идеала? Очень просто: оттого, что у этихъ людей были совсѣмъ другіе идеалы, и они этого не скрывали, они никого не обманывали, и никогда не прикидывались ни соціалистами, ни коммунистами. Власть же тутъ ни при чемъ, она не оказывала на ихъ идеи ни малѣйшаго вліянія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, проч-

тите еще и еще разъ біографіи С-Жюста, Робеспьера и другихъ дѣятелей англійской и великой французской революцій.

Впрочемъ, всѣ ваши возраженія, построенныя на фантастическомъ предположеніи, будто всякая власть непремѣнно должна портить всякаго человѣка, всѣ эти возраженія не только не существенны, но просто даже нелѣпы. Портитъ ли власть или не портитъ людей, вопросъ не въ этомъ*), вопросъ въ томъ, какъ возможно осуществить соціальную революцію безъ власти.

Разъ вы признаете, что революцію должно сдѣлать меньшинство, вы этимъ самымъ признали, что оно должно быть сдѣлано *властью*. Только обладая властью, меньшинство можетъ заставить большинство, то косное, рутинное большинство, которое не доросло еще до пониманія необходимости революціи и не уяснило себѣ ея цѣли и задачи, заставить это большинство переустраивать свою жизнь сообразно съ его истинными потребностями, сообразно съ идеаломъ наилучшаго и наисправедливѣйшаго общежитія.

Лишенное власти, оно будетъ лишено и всякаго вліянія. Неумѣлое и неразвитое большинство, предоставленное само себѣ, возстановитъ старый порядокъ подъ новою формою. Оно устранитъ пожалуй нѣко-

*) Авторъ статьи: „Кто наши друзья и кто наши враги, помѣщенной въ № 1 „Набата," замѣчаетъ, что еслибы наши революціонеры-коммунисты, добившись власти, превратились бы въ такихъ же нравственныхъ уродовъ, какими были французскіе Меровинги, то и тогда они, въ силу своего положенія, не могли бы помѣшать дѣлу осуществленія народно-коммунистическихъ идеаловъ.

торыя частныя, единичныя проявленія общаго зла, тѣ проявленія, отъ которыхъ ему болѣе приходится страдать, но коренной причины зла оно не въ состояніи будетъ уничтожить. Чтобы ее уничтожить, нужно ее знать, нужно имѣть передъ глазами выработанный идеалъ того будущаго общественнаго строя, съ которымъ данный историческій строй не имѣетъ ничего общаго. Никто не рѣшится этого отвергать. Но въ такомъ случаѣ стоитъ ли дѣлать революцію? Изъ за чего же вы бьетесь? Чего хотите?

Неужели вы хотите для того только разбить двери народной темницы, чтобы потомъ бросить народъ у ея порога, народъ, отвыкшій отъ свѣта, истомленный тюремной діетой, обезсиленный оковами рабства? Неужели вы съ равнодушнымъ безсердечіемъ отстранитесь отъ него въ тотъ именно моментъ, когда онъ всего болѣе будетъ нуждаться въ вашей помощи и поддержкѣ? Неужели вы рѣшитесь сказать этому истомленному, истерзанному, облитому кровью мученику: „теперь ты свободенъ, живи какъ знаешь, иди куда хочешь.“ Но онъ только знаетъ одну жизнь — жизнь въ тюрьмѣ, ноги его давно уже отвыкли ходить, у него нѣтъ силъ сдвинуться съ темничнаго порога. Что онъ станетъ дѣлать, куда онъ пойдетъ. Онъ вернется въ свой могильный склепъ. Этого ли хотите?

Нѣтъ, вы конечно оставляете право за меньшинствомъ, сдѣлавшимъ революцію, руководить большинствомъ, не вполнѣ сознавшимъ, чѣмъ и какъ слѣдуетъ замѣнить разрушенный, до-революціонный строй общественныхъ отношеній; вы не хотите, чтобы это

меньшинство сошло со сцены, чтобы оно улетучилось тотчасъ послѣ освобожденія народа изъ подъ гнетущаго его ига, данной экономической и политической эксплуатаціи; вы согласны съ тѣмъ, что оно должно принимать дѣятельное участіе не только въ разрушеніи *стараго*, но и въ созданіи *новаго*. Прекрасно, но вѣдь степень его участія будетъ зависѣть отъ степени того вліянія, того авторитета, которымъ оно будетъ пользоваться на другой день послѣ революціи. Чѣмъ же можетъ обусловливаться это вліяніе, этотъ авторитетъ?

Единственно только *силою*. Чтобы имѣть вліяніе, чтобы пользоваться авторитетомъ, меньшинство должно обладать *силою*. И первые будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе будетъ послѣдняя. Это такъ же очевидно и неопровержимо, какъ и то, что дважды два — четыре.

Вы не можете съ этимъ не согласиться.

Будьте же логичны, не играйте словами. Всякая сила есть власть, хотя не всякая власть — сила. Отсюда само собою слѣдуетъ, что если меньшинство, для осуществленія идеаловъ соціальной революціи, должно обладать силою, то это значитъ, что оно должно имѣть въ своихъ рукахъ *власть*. Очевидно также, что чѣмъ могущественнѣе будетъ эта сила, т. е. власть, тѣмъ скорѣе и легче ему удастся провести въ жизнь тѣ идеалы, во имя которыхъ оно борется.

Чѣмъ же обусловливается могущество власти?

О, на этотъ счетъ всѣ, и теоретики и практики, согласны между собою. Всѣ они, въ одинъ голосъ,

утверждаютъ, что прочность и могущество власти зависятъ отъ совершенства ея организаціи. Совершенство же всякой организаціи обусловливается съ одной стороны объединеніемъ, централизаціею каждой ея отдѣльной функціи, съ другой — возможно большимъ диференцированіемъ этихъ функцій.

Но власть, организованная такимъ образомъ и есть то, что принято называть *государствомъ*, иными словами, *государственная власть* есть высшій типъ организованной власти, т. е. власти наиболѣе прочной и могущественной.

Чего вы такъ боитесь слова *государство*? Бояться словъ это признакъ дѣтства. Вѣдь сущность-то его вы признаете, вѣдь вы признаете, что меньшинство должно обладать силою, т. е. властью. Государство же это только одна изъ наиболѣе совершенныхъ формъ проявленія власти, слѣдовательно, оно составляетъ логическій, неизбѣжный выводъ изъ вашихъ собственныхъ посылокъ. Какъ можете вы избѣжать его, не впадая въ явную непослѣдовательность, не оскорбляя самымъ грубымъ образомъ здраваго человѣческаго смысла?

Вы скажете, быть можетъ, что вы стоите за власть не матеріальную, а, такъ сказать, духовную, за власть, обусловливаемую нравственнымъ вліяніемъ. О, если это такъ, то вы или просто лицемѣрите, или же черезчуръ наивны.

Неужели вы серьезно думаете, что для того, чтобы пересоздать данныя частныя, семейныя и общественныя отношенія,— отношенія, сложившіяся вѣками и поддерживаемыя всѣми привычками, инстинк-

тами и симпатіями людей, что для этого достаточно одного нравственнаго вліянія? одной духовной власти? Неужели вы воображаете, что сила убѣжденія больше значитъ, чѣмъ сила рутины?...

Да притомъ же всякая духовная власть всегда стремится и необходимо должна стремиться воплотиться во власть матеріальную; мало того, она даже немыслима безъ послѣдней. Кто обладаетъ душою человѣка, тотъ обладаетъ и его тѣломъ. Это такъ же очевидно, какъ и любая изъ геометрическихъ аксіомъ.

Такимъ образомъ, вы гоните чорта въ дверь, а онъ лѣзетъ въ окно. Но въ дверь вы гоните чорта, сравнительно невиннаго (государственную власть), а въ окно лѣзетъ чортъ дѣйствительно страшный. Государственная власть подчиняетъ себѣ лишь внѣшнія обнаруженія человѣческой дѣятельности. Та же власть, которой вы хотите (если только вы ее хотите), подчиняетъ себѣ не только дѣйствія человѣка, но его внутреннія убѣжденія, его самыя сокровенныя, интимныя чувства, его умъ, его волю, его сердце. Это — безусловно деспотическая, автократическая власть по истинѣ чудовищна. Это — власть церкви, это — та власть, при помощи которой іезуиты устраивали въ Америкѣ свои фантастическія коммуны.

Неужели вы мечтаете о *такой* власти, неужели *ею* вы хотите облечь меньшинство? Но въ такомъ случаѣ, какое право имѣете вы обвинять насъ въ высокомѣрномъ отношеніи къ народу? Вѣдь вы относитесь къ нему еще хуже, еще высокомѣрнѣе, вы относитесь къ нему такъ, какъ относились благочестивые патеры-іезуиты къ американскимъ дикарямъ.

Гдѣ же ваша послѣдовательность, ваша логика? Чтобы хоть сколько нибудь спасти ее, вамъ нужно, отказываясь отъ власти государственной, отказаться и отъ власти духовной, т. е. вы должны написать на вашемъ знамени пресловутый буржуазный принципъ политической экономіи и лавочнической морали: „laissez faire, laissez aller“ и затѣмъ съ олимпійскимъ величіемъ взирать на послѣ революціонный хаосъ.

Другого выхода для васъ не можетъ быть: на другой день послѣ революціи вы должны выбрать одно изъ двухъ: или сидѣть сложа руки въ меланхолическомъ уединеніи, или добиваться вліянія, силы, т. е. власти, т. е. того, отъ чего теперь вы открещиваетесь. Только обладая послѣднею, вы будете способны что нибудь сдѣлать, безъ нея, осудите себя на печальное и постыдное бездѣйствіе.

Нѣкоторые изъ васъ хотятъ, впрочемъ, найти какой-то примиряющій терминъ, какую-то *золотую середину* между полнымъ безвластіемъ и государственною властью. Они разсуждаютъ приблизительно такимъ образомъ: послѣ революціи теперешнее механически сплоченное государственное тѣло распадется на свои составныя единицы; каждая единица, каждая деревня, община, городъ станутъ самостоятельно управлять своими дѣлами, устраивать свои отношенія по взаимному согласію. Революціонное меньшинство разсѣется по всѣмъ этимъ маленькимъ группамъ, постарается захватить въ нихъ власть (духовную или матеріальную) и будетъ такимъ образомъ постоянно руководить ихъ дѣятельностью, направляя ее къ осу-

ществленію идеаловъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ народнымъ потребностямъ.

Такимъ образомъ, власть остается, но только она децентрализуется: вмѣто одного государства, вмѣсто одного центра власти, ихъ явятся цѣлыя тысячи.

Что же выигрываетъ отъ этого компромисса теорія анархистовъ? Ничего! Ея основной принципъ будетъ нарушенъ и нарушенъ самымъ грубымъ образомъ: вмѣсто безвластія установится многовластіе,— многовластіе, изъ котораго въ силу неизбѣжной логики жизни само собою выработается единое федеративное государство.

Что же выиграетъ революціонное дѣло? Еще того менѣе. Чѣмъ болѣе разобщена, чѣмъ болѣе разрозненa и децентрализована власть, тѣмъ она консервативнѣе. Это азбучная истина государственныхъ наукъ. Децентрализированная власть всегда находится и неизбѣжно должна находиться подъ гнетомъ мѣстныхъ вліяній, мѣстныхъ обычаевъ, подъ гнетомъ исторически выработавшихся традицій. Потому она весьма пригодна для сохраненія существующаго status quo, но она совершенно неспособна ни на какую революціонно - реформаторскую дѣятельность. Революціонное государство должно стремиться къ обобщенію мѣстныхъ интересовъ, къ внесенію въ практическую рутину единообразныхъ руководящихъ началъ. Между тѣмъ децентрализированная власть, по самой природѣ своей, должна противудѣйствовать всякому единообразію, всякому подчиненію частнаго общему, единичнаго цѣлому; она всегда будетъ и

должна быть анти-революціонною, въ какихъ бы рукихъ не находилась.

И это-то анти-революціонное орудіе предлагается для осуществленія соціальной революціи! Добро бы предлагали сыщики или чиновники III отдѣленія, и то нѣтъ, сами же революціонеры! Что за святая наивность, или выражаясь правильнѣе, что за возмутительное невѣжество!

Революціонное меньшинство, распавшись по отдѣльнымъ, самостоятельно дѣйствующимъ общинамъ и городамъ, волею неволею и почти непримѣтно для себя, должно будетъ подчиняться мѣстнымъ вліяніямъ, т. е. тому самому большинству, которое насквозь пропитано рутинными традиціями, которое чувствуетъ инстинктивное уваженіе къ *старинѣ* и, постоянно обращая свои взоры на прошлое, ищетъ въ немъ руководящихъ идеаловъ и образцовъ для настоящаго.

Можно себѣ представить, какъ быстро и какъ удачно пойдетъ дѣло осуществленія соціалистическихъ идеаловъ, если оно будетъ поставлено въ зависимость отъ мѣстныхъ единичныхъ желаній, отъ капризнаго произвола рутиннаго большинства! При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ оно будетъ двигаться черепашьимъ шагомъ, постоянно путаясь въ напрасномъ желаніи примирить старое съ новымъ, постоянно сворачивая съ прямого логическаго пути общественныхъ реформъ въ сторону историческихъ традицій. Нѣкоторые, притомъ наиболѣе важные вопросы народной жизни, напр., вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ, по всей вѣроятности, останутся нетро-

нутыми. Рутина оберегаетъ эти отношенія съ особеннымъ упорствомъ и измѣнить ихъ въ духѣ коммунистическаго идеала возможно лишь при томъ единственномъ условіи, когда реформирующая власть будетъ стоять внѣ всякихъ мѣстныхъ вліяній, внѣ всякихъ историческихъ традицій; отрицать эту очевидную истину могутъ только люди, лишенные всякаго практическаго смысла. Неудивительно поэтому, что ее отрицаютъ наши противники анархисты. Но вотъ что удивительно: рекомендуя для осуществленія идей соціальной революціи такіе пути, которые гораздо скорѣе могутъ привести къ реставрированію *стараго*, чѣмъ къ утвержденію *новаго*, —пути, идя по которымъ, мы будемъ не приближаться, а постоянно удаляться отъ нашего идеала, — эти господа упрекаютъ насъ, зачѣмъ мы ввели въ нашу программу слово *постепенно*. Вотъ упрекъ для насъ поистинѣ неожиданный. Какъ они, истые представители самой постепенной постепеновщины, они, желающіе подчинить революціонную власть гнету историческихъ традицій и мѣстныхъ интересовъ, они упрекаютъ насъ за то, что мы откровенно заявляемъ, что искоренить изъ историческаго общества традиціи личной собственности, вырвать съ корнемъ принципъ обмѣна, переустроить семейныя отношенія, перевоспитать людей, что всего этого можно достигнуть лишь путемъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ реформъ!

Еслибы еще насъ упрекали люди, слѣпо вѣрующіе въ чудодѣйственную силу правительственныхъ приказовъ, люди наивно воображающіе, что для про-

веденія какого нибудь теоретическаго начала въ практическую жизнь, достаточно только его декретировать, о, тогда бы этотъ упрекъ былъ для насъ понятенъ. Но намъ его дѣлаютъ люди, не придающіе никакого значенія никакимъ декретамъ, исходящимъ отъ какой бы то ни было власти, люди, отрицающіе всякое насильственное вмѣшательство развитаго *меньшинства* въ дѣло переустройки общественныхъ и семейныхъ отношеній неразвитаго *большинства*.

Возможно ли представить себѣ людей, болѣе непослѣдовательныхъ?... Попробуйте, но я сомнѣваюсь, чтобы это было возможно.

„МИНУТА НАСТАЛА"

Революціонное движеніе въ Россіи за послѣдніе два года значительно подвинулось впередъ. Никакія усилія обезумѣвшаго отъ страха правительства, ни трогательное обращеніе его къ обществу съ мольбою о помощи, ни поголовное преслѣдованіе молодежи, ни хроническіе обыски, ни аресты, ни тюрьмы съ удивительными замками, ни слѣдственныя коммиссіи съ ихъ холопскимъ цинизмомъ, ни чемадуровскія судбища, ни пытки, ни каторга, ничто не могло ни остановить, ни парализировать быстро ростущей революціонной силы. Само правительство *оффиціально* засвидѣтельствовало этотъ фактъ. Конечно, это свидѣтельство, само по себѣ, не можетъ еще имѣть для насъ особенно существеннаго значенія: оно легко могло быть навѣяно просто трусостью (извѣстно, что „у страха глаза велики") или гнуснымъ желаніемъ напугать общество для того, чтобы затѣмъ покрѣпче прибрать его къ рукамъ. Важность и достовѣрность правительственнаго сознанія исключительно зависитъ отъ того, „сообразно ли оно съ обстоятельствами дѣла или нѣтъ," соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительному положенію нашей революціонной партіи или нѣтъ. Послѣднее время представило массу дан-

ныхъ, дающихъ намъ право отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно.

Данныя эти двоякаго рода: однѣ указываютъ на постоянно расширяющійся контингентъ революціонной арміи, на *количественный* прогрессъ революціоннаго движенія; другія — на прогрессъ *качественный*. Послѣднія, разумѣется, для насъ всего важнѣе, и на нихъ-то мы и намѣрены остановить въ настоящую минуту вниманіе читателя.

Въ одной изъ прежнихъ статей мы говорили о реакціи, начавшейся среди нашей революціонной молодежи, послѣ неудачнаго исхода заговора 1869 г. Реакція эта выразилась главнымъ образомъ въ томъ, что нѣкоторая часть молодежи, отчасти раздраженная, отчасти напуганная и обезкураженная печальнымъ концомъ такъ называемыхъ Каракозовскаго и Нечаевскаго дѣла, впала въ полнѣйшій скептицизмъ относительно не только возможности, но даже разумности осуществленія революціи въ Россіи и стала открыто проповѣдывать необходимость „терпѣнія,“ „выжиданія,“ „подготовленія.“ Особенно много говорилось о *подготовленіи*, „о подготовленіи успѣха народной революціи, *когда приспѣетъ для нея время, когда она будетъ вызвана теченіемъ историческихъ событій.*“

Это *когда* отодвигалось, разумѣется, въ болѣе или менѣе отдаленное *будущее*, въ *настоящемъ* же вся дѣятельность революціонера сводилась, по мнѣнію реакціонеровъ, къ мирной пропагандѣ, къ изученію соціологіи и нравственному самоперевоспитанію.

Понятно, что подобная теорія, дававшая возмож-

ность въ одно и то же время служить и Революціи и Мамонѣ, примирявшая требованія *идеи* съ вожделѣніями личнаго эгоизма, должна была встрѣтить большое сочувствіе въ той части молодежи, которая находится въ болѣе или менѣе сносномъ матеріальномъ положеніи, не испытала на собственной шкурѣ всѣхъ прелестей современнаго порядка вещей. „Выжидательная позиція“ пришлась ей по вкусу: она не требовала черезчуръ непосильныхъ жертвъ, не была сопряжена съ большимъ рискомъ, и въ то же время доставляла нѣкоторое успокоеніе совѣсти.

Очень вѣроятно, что, благодаря этой-то соблазнительной теоріи, въ ряды революціонеровъ попало много такихъ людей, которымъ бы тамъ никогда не слѣдовало быть. Такимъ образомъ реакція повліяла до извѣстной степени на расширеніе кадръ революціонной арміи, т. е. *количественно* усилила ее; но, само собою разумѣется, что все это количественное усиленіе должно было ослабить ее въ качественномъ отношеніи: оно парализировало единство дѣйствій партіи и внесло въ ея среду вредные раздоры. Люди, отрицающіе возможность революціи въ настоящемъ, не могли чувствовать себя солидарными съ людьми, признававшими эту возможность; они упрекали послѣднихъ въ „мальчишеской“ торопливости, въ безсмысленномъ „провокаторствѣ,“ смѣялись надъ ихъ, какъ они говорили, „революціоннымъ зудомъ,“ и при практическихъ столкновеніяхъ не только отказывались отъ совмѣстной съ ними работы, но нерѣдко даже явно и открыто противудѣйствовали имъ. Но, съ другой стороны, и на ихъ собственныя голо-

вы постоянно сыпались обвиненія: въ трусости, въ малодушіи, въ неискренности, а подчасъ даже и въ предательствѣ. При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ нечего было и говорить о внесеніи единства и солидарности въ практическую дѣятельность партій. Между революціонерами, отодвигавшими минуту осуществленія революціи въ отдаленное будущее и революціонерами убѣжденными, что минута эта настала, лежала пропасть несравненно болѣе глубокая, болѣе реальная, чѣмъ тѣ фиктивныя пропасти, которыя будто бы раздѣляли такъ называемыхъ якобинцевъ отъ такъ называемыхъ народниковъ. Потому, на практикѣ народники-бунтовщики, признававшіе, подобно якобинцамъ, возможность и необходимость революціоннаго взрыва въ ближайшемъ настоящемъ, гораздо охотнѣе сходились съ послѣдними, чѣмъ, напр., съ народниками-пропагандистами, отрицавшими эту возможность, а между тѣмъ теоретическая программа „бунтовщиковъ" гораздо ближе подходила къ теоретической программѣ пропагандистовъ, чѣмъ къ теоретической программѣ якобинцевъ. Вѣра въ близость революціи и страстное желаніе ее осуществить какъ можно скорѣе, сближали людей, не смотря на всѣ разногласія ихъ теоретическихъ программъ, и наоборотъ, люди, державшіеся одной и той же программы, стоявшіе подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, поворачивали другъ другу спины и расходились, чуть только вѣра однихъ сталкивалась съ резонерскимъ скептицизмомъ другихъ. Потому-то мы и утверждаемъ, что главнымъ препятствіемъ къ объединенію нашей революціонной партіи служили со-

всѣмъ не разногласія въ ихъ теоретическомъ credo, а различіе во взглядахъ на возможность осуществленія революціи въ *данный моментъ;* чѣмъ больше это различіе, тѣмъ труднѣе революціонерамъ сойтись въ ихъ практической дѣятельности, чѣмъ меньше — тѣмъ легче. А различіе это, въ свою очередь, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе реакція, тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ она слабѣе.

Годъ, два тому назадъ, она была еще въ полной силѣ. Она открыто заявляла, что ни народъ, ни интеллигентные революціонеры не готовы для осуществленія революціи, что о революціи пока и мечтать нечего, она въ будущемъ, въ *будущемъ,* которое мы пожалуй и можемъ приблизить, но все же не настолько, чтобы оно совпало съ настоящимъ.

Изъ этого общаго основного положенія революціонной реакціи логически вытекало такое практическое заключеніе: молодежь не должна торопиться вызовомъ революціонныхъ вспышекъ, напротивъ, она должна имъ противудѣйствовать; бросаясь теперь въ непосредственно-революціонную дѣятельность, она будетъ работать въ пользу „искуственной революціи“ и отдалять торжество „естественной,“ народной. Все, что она можетъ теперь дѣлать, это заниматься мирной пропагандой въ народѣ истинъ рабочаго соціализма.

Такъ еще очень недавно говорили люди, служившіе отголоскомъ мнѣній, господствовавшихъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской революціонной молодежи. Тѣ же люди, оставаясь выразителями мнѣній тѣхъ же кружковъ, говорятъ уже теперь совсѣмъ

другое. „Мы сознаемся, говорятъ они, что прежде считали эпоху народнаго возстанія въ Россіи несравненно болѣе отдаленною, чѣмъ находимъ ее теперь. Враги казались сильнѣе, убѣжденные соціалисты — малочисленнѣе, народъ менѣе воспріимчивымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; сложные историческіе процессы, казалось, требовали болѣе продолжительнаго подготовленія и лицъ, и событій; о минутѣ наступленія народной революціи, когда она будетъ вызвана теченіемъ историческихъ событій и дѣйствіями правительства, казалось, можно было говорить въ неопредѣленномъ лишь будущемъ. Но теперь мы признаемъ, что тогда ошибались. Сложные процессы совершились, и данная минута должна вскорѣ наступить... Естественнымъ и фатальнымъ путемъ приближается моментъ, когда попытки взрывовъ произойдутъ, *должны* произойти. Они стали „необходимы“... *Революціонное движеніе уже вызывается положеніемъ Россіи въ настоящую историческую минуту.*“

Итакъ, революціонеры-выжидатели, апостолы мирной пропаганды и *постепеннаго, вѣчнаго подготовленія*, сознаются, что „минута“ революціоннаго взрыва „настала.“ Сложные историческіе процессы совершились!“ Народъ готовъ, и намъ остается только „сплотиться, организоваться,“ чтобы обезпечить успѣхъ народной революціи!

Возникновеніе теоріи „выжиданія и постепеннаго подготовленія,“ теоріи, отодвигавшей моментъ осуществленія революціи въ неопредѣленное будущее, можетъ быть объяснено лишь ослабленіемъ въ извѣ-

стной части молодежи революціонной вѣры и революціонной страсти, малодушіемъ, нерѣшительностью, скептическимъ отношеніемъ къ практическимъ средствамъ революціи, разочарованіемъ и т. п. Слѣдовательно, если мы видимъ, что эта теорія начинаетъ терять кредитъ даже среди своихъ изобрѣтателей и самыхъ преданныхъ сторонниковъ, то не имѣемъ ли мы право вывести заключеніе о поворотѣ къ лучшему въ *чувствахъ* молодежи: невѣрующіе и сомнѣвающіеся начинаютъ вѣрить, робость и нерѣшительность проходятъ, наступаетъ конецъ царству резонерства, скептицизма и разочарованія.

Мы полагаемъ, что заключеніе это совершенно вѣрно, потому что чѣмъ же инымъ можно объяснить тотъ фактъ, что люди, которые два-три года тому назадъ были убѣждены, что революція въ Россіи возможна лишь въ неопредѣленно-отдаленномъ будущемъ, теперь, напротивъ, утверждаютъ, что „минута“ ея осуществленія уже наступила. За этотъ промежутокъ времени не случилось ничего такого, чтобы могло оправдать подобное радикальное измѣненіе во взглядахъ.

Экономическія, политическія и вообще соціальныя условія нашего отечества въ нынѣшнемъ году совершенно таковы же, какими они были въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. То же народное горе, тѣ же страданія массы, та же безсовѣстная эксплуатація, тотъ же деспотизмъ и произволъ, та же разобщенность, безсиліе, эгоизмъ, безнравственность въ высшихъ классахъ общества, то же недовольство и озлобленіе въ низшихъ.

Почему въ 1873 г. „воровство всюду, начиная отъ великихъ князей до земства, было менѣе колоссально и беззастѣнчиво,“ чѣмъ теперь? Почему въ 1873 г. „адвокатура была болѣе привлекательнымъ болотомъ,“ чѣмъ въ настоящую минуту? Почему, наконецъ, „убѣжденные соціалисты“ возбуждали къ себѣ тогда меньшее довѣріе, чѣмъ нынче? и т. д.

Очевидно, на всѣ эти и подобные вопросы невозможно пріискать сколько нибудь разумнаго отвѣта. Нельзя также сказать, не впадая въ самый грубый оптимизмъ, будто революціонная партія сдѣлала за эти два года больше, чѣмъ это можно было предполагать въ 1873 г. Напротивъ, она гораздо больше надѣялась сдѣлать... Дѣйствуя въ разбродъ, сбиваемая съ толку реакціонными теоріями, обуреваемая всякими сомнѣніями, съ ожесточеніемъ преслѣдуемая правительствомъ, она, при всемъ своемъ добромъ желаніи, не добилась и не могла добиться никакихъ серьезныхъ, осязательныхъ успѣховъ. На этотъ счетъ нечего себя обманывать, нечего утѣшаться иллюзіями: сдѣлано очень мало, вся главная и существенная работа еще впереди. Искренніе революціонеры сами очень хорошо это знаютъ и нисколько этого не скрываютъ; напротивъ, большинство ихъ приходитъ теперь къ тому убѣжденію, что *такъ* дѣйствовать, какъ они дѣйствовали до сихъ поръ, дѣйствовать не слѣдуетъ. И, быть можетъ, въ этомъ-то именно убѣжденіи и заключается наиболѣе полезный, наиболѣе практическій результатъ ихъ двухгодичной опытности.

Потому, повторяемъ снова: если теперь наиболѣе умѣренные изъ нашихъ революціонеровъ радикально

измѣнили свой взглядъ относительно той „минуты,“ въ которую долженъ осуществиться революціонный взрывъ, то причину этого измѣненія нужно видѣть не въ измѣнившихся факторахъ нашей общественной жизни и не въ быстромъ и успѣшномъ распространеніи революціонныхъ идей среди народа, а просто въ ослабленіи революціонной реакціи и въ перемѣнѣ, происшедшей въ революціонномъ настроеніи нѣкоторой части нашей молодежи. Вотъ эта-то перемѣна и радуетъ насъ. Она устраняетъ самую существенную преграду, мѣшавшую практическому объединенію дѣятельности революціонной партіи. Въ самомъ дѣлѣ. пока такъ называемые „народники-подготовители“ относились отрицательно къ возможности осуществить революцію въ ближайшемъ настоящемъ, пока они говорили: „минута еще не настала, надо ждать,“ они очевидно не могли идти рука объ руку съ тѣми, которые *не хотѣли ждать*, которые вѣрили, что „минута настала.“ Они должны были воздерживаться отъ всякой непосредственно-революціонной дѣятельности, противудѣйствовать вызову народныхъ вспышекъ и ограничиваться мирною и безмятежною пропагандою „истинъ рабочаго соціализма.“ Но теперь этого уже не можетъ быть. Если „минута настала,“ значитъ о медленномъ подготовленіи и просвѣщеніи народа, о мирной пропагандѣ не можетъ быть и рѣчи. Когда пришло время идти войску въ аттаку, тогда уже нечего думать объ обученіи его военному искусству, нечего спорить о выгодахъ или невыгодахъ той или другой системы вооруженія, о преимуществахъ того или другого плана кампаніи,

нужно брать то, что есть, пользоваться тѣмъ, что готово; нужно бить скорѣе сборъ, строить солдатъ въ ряды и вести ихъ на бой. Никакія колебанія, сомнѣнія, никакія пререканія тутъ уже не допускаются, каждый подчиняетъ свою личную волю общей волѣ, у всѣхъ одинъ mot d'odre, одна ближайшая цѣль: во чтобы то ни стало и какъ можно скорѣе овладѣть непріятельской позиціей.

Признавая, что минута революціоннаго взрыва настала, мы ставимъ себя точно въ такое же положеніе и, слѣдовательно, должны подчиниться всѣмъ условіямъ, логически вытекающимъ изъ него. Мы должны тѣснѣе сомкнуть свои ряды, внести строгое единство въ свою дѣятельность, отложить въ сторону всякія теоретическія пререканія, всякія личныя разногласія и раздоры; одушевленные одною и тою же вѣрою, имѣя передъ глазами одну и ту же ближайшую цѣль: обезпечить успѣхъ революціи въ настоящемъ, мы уже не можемъ спорить о практическихъ средствахъ. Да и о чемъ тутъ теперь спорить?

„Попытки взрывовъ *должны* произойти. Они необходимы," говорятъ сами народники-подготовители (см. „Впередъ" № 37, стр. 431). Слѣдовательно тѣ, которыхъ „подготовители" называютъ „народниками-экспериментаторами," содѣйствуя мѣстнымъ бунтамъ, поступаютъ вполнѣ разумно и цѣлесообразно съ точки зрѣнія самихъ же подготовителей. Подготовители не имѣютъ теперь права упрекать ихъ въ желаніи вызвать бунтъ искуственно, такъ какъ они сами утверждаютъ, что „объ искуственномъ взрывѣ теперь не можетъ быть и рѣчи" (ib), иными словами,

что каждый мѣстный бунтъ въ настоящую минуту есть явленіе вполнѣ *необходимое* и *естественное*. Точно также, они согласились съ нами и съ „экспериментаторами,“ что „сложные историческіе процессы совершились“ и что теперь совсѣмъ уже не требуется того „продолжительнаго подготовленія лицъ и событій,“ о которомъ они говорили прежде.

Наконецъ, гораздо раньше, когда они еще увѣряли, будто „сложные процессы“ еще „не совершились,“ они допускали и оправдывали возможность и даже необходимость, „въ виду осуществленія соціальной революціи, прямаго заговора противъ правительства,“ „удара, ловко нанесеннаго власти, для разрушенія ея сопротивленія въ *данную минуту*“ революціонному взрыву (см. „Къ русской соціально-революціонной молодежи,“ стран. 35). А такъ какъ „данная минута,“ по ихъ собственнымъ словамъ, теперь уже наступаетъ, такъ какъ „приспѣло время“ для осуществленія соціальной революціи, то, слѣдовательно, они должны вмѣстѣ съ нами признать, что въ настоящее время „заговоръ противъ правительства“ является однимъ изъ существенно необходимыхъ средствъ революціонной дѣятельности и что это средство должно быть включено въ практическую программу революціонной партіи.

Такимъ образомъ, объединеніе практическихъ программъ различныхъ нашихъ революціонныхъ фракцій логически и неизбѣжно вытекаетъ изъ признанія возможности осуществить революцію въ настоящую минуту. Заговоръ становится необходимостью, мирная пропаганда и „подготовленія“ отодвигаются на зад-

ній планъ, агитація въ народѣ получаетъ бунтовской характеръ, мѣстные бунты дѣлаются „фатально неизбѣжными.“

Въ виду всего этого, что можетъ теперь разъединять насъ въ сферѣ практической дѣятельности, направленной къ вызову революціоннаго взрыва, отъ народниковъ подготовителей и экспериментаторовъ? Что можетъ отдѣлять ихъ отъ насъ?

Ничего, рѣшительно ничего! Соединимся же всѣ въ одинъ общій и крѣпкій союзъ, выработаемъ одну общую программу дѣятельности! Выработка такой программы не представляетъ теперь, какъ мы видимъ, ни малѣйшихъ трудностей; а между тѣмъ, въ виду близости революціоннаго взрыва, она обязательно необходима. Она внесетъ стройность въ наши ряды, единство въ наши частныя разрозненныя попытки, взаимную солидарность въ нашу революціонную дѣятельность, она сдѣлаетъ насъ силою. Медлить нельзя. Скорѣе нужно перейти отъ словъ къ дѣлу. Время ли ждать? Нужно торопиться. Революціонный взрывъ неминуемъ, неминуемъ въ ближайшемъ настоящемъ „Минута настала“! Горе намъ будетъ, если мы упустимъ эту минуту, горе намъ будетъ, если возстаніе, о которомъ мы мечтали, которое мы съ такимъ нетерпѣніемъ призывали, если оно застанетъ насъ не готовыми и безоружными, слабыми и разъединенными!

НОВЫЙ ФАЗИСЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ

Публичная казнь, совершенная 4 августа революціонерами, надъ шефомъ россійскихъ жандармовъ и главою царскихъ шпіоновъ, навела, какъ и слѣдовало ожидать, паническій страхъ на всѣ консервативные элементы нашего общества; и, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого паническаго страха у нихъ вырвалось роковое признаніе... они признали, что мы — *сила*, сила страшная, сила, съ которою нужно считаться. До сихъ поръ они не переставали увѣрять и себя, и другихъ, что въ крѣпостной вотчинѣ русскаго царя никакой революціонной партіи не существуетъ и существовать не можетъ, что въ ней все обстоитъ благополучно, всѣ счастливы и довольны, всюду тишь да гладь, да божья благодать. Если въ ней и попадаются иногда *безумцы*, — извѣстно, въ семьѣ не безъ урода — занимающіеся разными „превратными толкованіями" и играющіе въ конспираціи, то они ни для кого и ни для чего не могутъ быть опасны, серьезнымъ людямъ не стоитъ даже обращать на нихъ вниманія: это какіе-то несчастные, недоучившіеся недоросли, безвредные мечтатели, глупые мальчишки, жалкія, микроскопическія „моськи," лающія на несокрушимаго слона самодержавія. Слону достаточно

только захотѣть и онъ однимъ поворотомъ своего хобота смететъ ихъ съ лица земли.

Такъ смотрѣли на насъ еще вчера россійскіе консерваторы изъ либераловъ. Сегодня, — сегодня вы ихъ не узнаете: куда дѣлось ихъ олимпійское спокойствіе, ихъ самонадѣянная увѣренность въ силу и несокрушимость охраняющаго ихъ слона самодержавія? Они совершенно потеряли голову, они перепуганы, они трепещутъ и передъ кѣмъ же? Передъ вчерашними мальчишками, передъ вчерашними „моськами,“ передъ горстью недоучившихся недорослей и шалопаевъ!

„Отечество въ опасности!“ восклицаютъ они; подъ ногами нашими клокочетъ огненная лава, нужно принять мѣры, нужно вырвать зло съ корнемъ, и они съ мольбою обращаютъ свои испуганные взоры къ будочникамъ и инымъ блюстителямъ общественной тишины и спокойствія. Будочники и иные „блюстители,“ чувствуя на своей груди холодное лезвіе революціоннаго кинжала, перепуганы не меньше ихъ. они мечутся какъ угорѣлые. Усугубляются мѣры полицейской бдительности; сотни, тысячи людей обшариваются, заарестовываются, замуравливаются въ каменные мѣшки императорскихъ тюремъ, устанавливаются повсюду военные суды, чуть не вся вѣрноподданная Россія объявляется на военномъ положеніи и предается во власть обезумѣвшихъ отъ страха третье-отдѣленскихъ и жандармскихъ баши-бузуковъ. Воскресаются „*Муравьевскіе времена*, снова воцаряется „бѣлый терроръ“...

Разумѣется, для насъ, революціонеровъ, онъ ни-

сколько не опасенъ. Напротивъ, мы съ радостью привѣтствуемъ его, какъ нашего желаннаго друга и союзника. Возбуждая повсюду ненависть и недовольство, онъ создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для нашей дѣятельности, онъ подготовляетъ почву для торжества нашихъ идей. Правда, онъ грозитъ намъ въ то же время висѣлицей и разстрѣломъ, онъ объявляетъ насъ внѣ покровительства законовъ, охраняющихъ жизнь и свободу царскихъ вѣрноподданныхъ... Но тѣмъ для насъ лучше. До сихъ поръ насъ томили по нѣскольку лѣтъ въ разныхъ „предварительныхъ" тюрьмахъ, въ крѣпостныхъ казематахъ и острогахъ, въ ожиданіи *праваго* сенатскаго суда; теперь же намъ обѣщаютъ столь же *правый*, но несравненно болѣе *быстрый* военно-полевой судъ. Что же? Намъ остается только поблагодарить царя за его царскую милость. Прежде насъ замучивали медленною смертью въ Сибирскихъ шахтахъ, въ Шлюссельбургскихъ подземельяхъ, въ Виленскихъ и Харьковскихъ *централкахъ*,— теперь насъ хотятъ безъ дальнѣйшихъ пытокъ вѣшать и разстрѣливать. Царскіе палачи очевидно предупреждаютъ наши желанія; большаго снисхожденія къ себѣ мы никогда и не требовали. Послѣ всего этого, что они заставляли и заставляютъ насъ испытывать, развѣ мы можемъ страшиться смерти? Нашъ дорогой товарищъ и нашъ славный мученикъ Ковальскій *) показалъ имъ, *какъ* мы умѣемъ умирать. И они знаютъ, что Ковальскій — не исключеніе. Знаютъ это и господа либералы, и ихъ начинаютъ уже мучить тяжелыя

*) Ковальскій былъ членомъ Общества Народнаго Освобожденія.

предчувствія; они смутно понимаютъ, что мы не уязвимы для громовъ и молній бѣлаго террора, что эти громы и молніи цѣликомъ обрушатся на ихъ же собственныя вѣрноподданническія спины. Науськавъ на насъ царскихъ палачей, они сами же первые и начинаютъ ихъ трусить. „Нѣтъ, поютъ они теперь на разные тоны и лады, мѣрами строгости ничего съ ними не подѣлаешь, — чѣмъ больше ихъ давятъ и преслѣдуютъ, тѣмъ сильнѣе и отважнѣе они становятся!“...

На силу-то догадались! Только не слишкомъ ли поздно? Теперь уже никакими мѣрами, въ томъ числѣ и тѣми, о которыхъ вы платонически мечтаете въ ночной тиши своихъ спалень, но о которыхъ вы никогда даже не рѣшитесь намекнуть при свѣтѣ дня, вы не остановите революціоннаго движенія. Оно вступаетъ теперь уже въ свой конечный высшій фазисъ развитія. Посмотрите, съ какою поразительною, съ какою неудержимою быстротою разросталось оно за эти послѣдніе годы.

Послѣ неудачнаго исхода Нечаевскаго заговора оно на минуту какъ будто пріостановилось, наступила временная реакція. Начались толки о невозможности революціи въ настоящемъ, о необходимости постепенной подготовительной работы, о мирной, словесной пропагандѣ, о выжиданіи того счастливаго момента, когда *самъ народъ* сознаетъ свои права и обязанности и т. д. Вы радовались, вы съ удовольствіемъ потирали себѣ руки. „Ну, думали вы, дѣло революціи откладывается въ долгій ящикъ, мы можемъ, значитъ, спокойно почивать на нашихъ ли-

беральныхъ лаврахъ. Революціонеры сворачиваютъ на дорогу *мирнаго* прогресса, они становятся подъ наше знамя. Вмѣстѣ съ нами они затягиваютъ достолюбезную пѣсню о *годеньи* и *выжиданьи*... Мы побѣдили!"...

Но вы радовались слишкомъ рано. Прошло какихъ нибудь два-три года и отъ прежнихъ, пришедшихся вамъ такъ по вкусу революціонно-реакціонныхъ программъ, не осталось и клочка. Они всѣми забыты, они сданы въ архивъ, если о нихъ теперь и вспоминаютъ, то развѣ для того только, чтобы посмѣяться надъ ними. Кто теперь изъ искреннихъ революціонеровъ рѣшится говорить о *выжиданіи*, о развитіи и революціонизированіи народа путемъ мирной, словесной пропаганды, о томъ, что *меньшинство* не имѣетъ права призывать народъ къ революціи, если *большинство* народа не доросло еще до сознанія своихъ правъ и обязанностей и т. п. Жизнь на первыхъ же порахъ убѣдила насъ въ практической неосуществимости теоріи *выжиданія*, и не только въ ея практической неосуществимости, но и въ ея глубокой безнравственности. *Выжидать* въ то время, какъ насъ и нашихъ братій мучатъ, преслѣдуютъ, убиваютъ; *безмолвно смотрѣть*, какъ повсюду дикое самоуправство и грубый произволъ топчатъ въ грязь человѣческія права, и ругаются надъ человѣческою личностью, заниматься *разговорами* и робкими *внушеніями* изъ подъ тишка, когда кругомъ вампиры-эксплуататоры жадно упиваются народною кровью и вырываютъ изъ его рта послѣдніе куски черстваго хлѣба, смиренно принимать заушенія пала-

чей, утѣшая себя мыслью, что рано или поздно наступитъ минута, когда народъ сознаетъ свои права и по собственной инціативѣ возстанетъ на своихъ тирановъ; голодному, ограбленному, забитому непосильнымъ трудомъ рабочему совѣтовать терпѣніе и покорность, да можетъ ли быть что нибудь гнуснѣе, безчестнѣе, возмутительнѣе?

Благоразумные люди говорятъ, что „*силу соломой* не сломишь,“ что единичные протесты не приводятъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, что они задаромъ только губятъ протестантовъ, что пока нѣтъ силы сломить врага, нужно ему покорятъся, нужно дѣлать видъ, будто ничего не видишь и не слышишь, и когда онъ бьетъ въ одну щеку, съ кротостью агнца подставлять ему другую. По ихъ мнѣнію въ этомъ-то именно умѣньи *сдерживать себя* и заключается вся суть благоразумной нравственности. Но благоразумные люди забываютъ, что они имѣютъ дѣло съ живыми людьми, и что живой человѣкъ лишь тогда только и можетъ сдѣлаться „благоразумнымъ“ по ихъ рецепту, когда въ немъ окончательно будетъ забито и вытравлено всякое непосредственное, нравственное чувство. Но люди съ окончательно забитымъ и вытравленнымъ нравственнымъ чувствомъ и не пошли бы никогда „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви,“ т. е. они не могли бы быть революціонерами.

Революціонеры, выразители передовой общественной мысли, воплотители высшихъ нравственныхъ идеаловъ, перестали бы быть революціонерами, измѣнили бы своему призванію, пошли бы наперекоръ своей

природы, еслибы они, увлекшись совѣтами „благоразумныхъ" людей, сносили бы съ кроткимъ безмолвіемъ и смиренно мудрымъ терпѣніемъ дикія расправы, наглое самоуправство надъ ними и кругомъ нихъ ежедневно, ежечасно совершаемыя самодержавнымъ произволомъ. Они должны были протестовать, и они протестовали. Среди повальнаго раболѣпія, среди гробовой тишины обширной россійской темницы раздался ихъ теплый и энергичный голосъ: „Тираны, эксплуататоры, народные палачи, ненавистные тюремщики, вы богаты, могущественны и сильны; вы сильны народнымъ невѣжествомъ, народною нищетою, раболѣпіемъ общества; вы опираетесь на милліоны штыковъ, въ вашемъ распоряженіи милліоны преданныхъ вамъ слугъ и клевретовъ; мы — ваши невольники, мы скованы по рукамъ и ногамъ, у насъ нѣтъ ни вашихъ богатствъ, ни вашей власти, ни войска, ни полиціи, ни жандармовъ; у насъ есть только безграничная любовь къ народу, безграничное уваженіе къ человѣческой личности и къ человѣческимъ правамъ. И во имя этой любви, во имя поруганныхъ вами правъ человѣка мы не дозволимъ вамъ больше безнаказанно пить кровь народа, безнаказанно давить и мучить нашихъ братьевъ. Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь! Наши матеріальныя силы далеко не равны: васъ много, насъ мало; вы вооружены съ головы до ногъ, мы же выходимъ противъ васъ почти съ голыми руками, какъ Давидъ противъ Голіаѳа. Но за нами великая нравственная сила, исторіи нѣтъ у васъ. Эта нравственная сила — глубокое сознаніе правоты и святости нашего дѣла —

поддержитъ и укрѣпитъ нашу руку, обезпечитъ намъ побѣду въ нашей неравной борьбѣ. Довольно было протестовъ на *словахъ*, мы будемъ протестовать *фактами*. Никакія убѣжденія здраваго смысла не могли васъ образумить, вы были глухи къ самымъ справедливѣйшимъ и естественнѣйшимъ требованіямъ народа, своими казнями, своими насиліями, своими преслѣдованіями, вы убѣдили насъ, что съ вами нельзя говорить разумнымъ человѣческимъ языкомъ, мы будемъ теперь говорить съ вами кинжаломъ и револьверомъ. Насилія можно обуздывать только насиліемъ же. Можетъ быть и кинжалы и револьверы васъ не образумятъ, но по крайней мѣрѣ они отомстятъ намъ за проливаемую вами кровь народа, кровь нашихъ братій! “

Рядъ казней, совершенныхъ надъ шпіонами въ Одессѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ. Ростовѣ на Дону, казнь Гейкинга, Мезенцева, выстрѣлъ въ Трепова и Котляревскаго, вооруженное сопротивленіе при арестахъ въ Москвѣ и Одессѣ, геройская битва на Садовой улицѣ, всѣ эти и многіе другіе въ этомъ родѣ факты доказали нашимъ врагамъ, что у насъ, революціонеровъ, *слово* не расходится съ *дѣломъ*, они доказали также, насколько наша нравственность выше и чище нравственности буржуазнаго общества. Въ то время, какъ это жалкое, дряблое, раболѣпное общество съ подобострастнымъ трепетомъ лизало и лобзало душившую его руку, когда оно съ кротостью агнца само обнажило свою изъязвленную спину и добровольно подставляло ее подъ новые и новые удары жандармской нагайки; въ то время, когда они съ

трусливымъ равнодушіемъ взирали на эти муки и пытки, которымъ предавались его собственные дѣти, въ это время всеобщаго нравственнаго растлѣнія, унизительнаго холопства и невольнаго трепета, мы и одни только мы явились мстителями за поруганную личность, за втоптанныя въ грязь человѣческія права.

„Что побудило васъ стрѣлять въ Трепова?“ спрашивали судьи Вѣру Засуличъ. „Я не могла допустить, отвѣчала она, чтобы надругательство надъ человѣческое личностью осталось безнаказаннымъ!“

Въ этихъ простыхъ и искреннихъ словахъ торжественно былъ высказанъ тотъ высокій нравственный мотивъ, который побуждаетъ насъ, въ интересахъ общественной самозащиты, взяться за кинжалъ и револьверъ. Во имя этого мотива совершены были казни надъ шпіонами предателями, во имя этого мотива казнены были Гейкингъ и Мезенцевъ. Какой же нравственный уродъ осмѣлится послѣ этого называть эти казни гнусными убійствами, въ родѣ, напр., убійства Ковальскаго? Кто можетъ быть настолько тупоуменъ, чтобы не понять, что люди, дѣйствующіе подъ вліяніемъ подобнаго мотива, не простые заурядные убійцы изъ-за угла, что они воплотители и исполнители требованій высшей народной справедливости, чистѣйшей, истинно-человѣчной нравственности?

Но оставимъ въ сторонѣ чисто нравственный характеръ совершенныхъ нами казней. Помимо своего нравственнаго значенія, онѣ имѣютъ еще и другое и съ нашей точки зрѣнія еще болѣе важное значеніе. Указывая на высокое развитіе нравственнаго чувства въ средѣ нашихъ революціонеровъ, они въ то же вре-

мя указываютъ и на пробужденія среди нихъ сознанія въ необходимости прямой, непосредственно-революціонной практической дѣятельности. *Подготовлять, развивать, мирно пропагандировать* и *выжидать*, пока большинство народа доростетъ до пониманія своихъ правъ и обязанностей, всѣ эти и ему подобные символы революціонно-реакціонныхъ программъ прошлыхъ лѣтъ перестали очевидно удовлетворять современному настроенію революціонной молодежи. Она стремится встать теперь на чисто революціонный путь и своимъ примѣромъ, своею смѣлостью увлечь за собою по этому пути и народъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы заниматься *подготовленіемъ* средствъ для подготовленія революціи, они стараются вызвать непосредственный протестъ: иными словами, они снова возвращаются къ нашимъ старымъ революціоннымъ традиціямъ, — тѣмъ традиціямъ, которыя на минуту были какъ будто забыты, и на которыя постоянно указывалъ нашъ журналъ, традиціи, съ точки зрѣнія которыхъ задача революціонера должна заключаться не въ подготовленіи, а въ непосредственномъ осуществленіи революціи. Подъ непосредственнымъ осуществленіемъ революціи подразумѣвается, обыкновенно, уничтоженіе всѣхъ органовъ государственной власти, упраздненіе современнаго государства, установленіе на мѣсто самодержавнаго, эксплуататорскаго *самоуправства*, широкаго, свободнаго *народоправства*. Само собою разумѣется, что эта конечная, высшая задача революціонной дѣятельности можетъ быть поставлена и съ успѣхомъ разрѣшена лишь совокупными усиліями всѣхъ налич-

ныхъ силъ революціонной партіи, дѣйствующихъ по одному общему плану, другъ друга взаимно поддерживающихъ, другъ другу взаимно помогающихъ, однимъ словомъ, она можетъ быть поставлена и разрѣшена лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ отдѣльные, изолированно стоящіе революціонные кружки и группы сомкнутся въ одну стройную дисциплинированную организацію. Отдѣльному, изолированному кружку, изъ какихъ бы смѣлыхъ и энергическихъ личностей онъ не состоялъ, такая задача не подъ силу; еще менѣе оно подъ силу той или другой отдѣльной личности, стоящей внѣ кружковой организаціи. Подготовленіе и осуществленіе государственнаго переворота требуетъ широкой и разнообразной дѣятельности въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ мѣстностяхъ; между тѣмъ, каждый единичный кружокъ пріурочиваетъ обыкновенно свою дѣятельность къ одной какой нибудь мѣстности, либо къ одному какому нибудь соціальному дѣлу. Вотъ почему революціонная дѣятельность, ставящая своею цѣлью непосредственное осуществленіе общественнаго переворота, только и возможно при полномъ объединеніи дѣятельностей всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства единичныхъ революціонныхъ кружковъ. И дѣйствительно исторія всѣхъ революцій показываетъ намъ, что такое объединеніе дѣятельностей единичныхъ кружковъ всегда и повсюду предшествовали непосредственному насильственному перевороту.

Въ подготовительный періодъ кружки, разъединенные своими программами или какими нибудь своими личными отношеніями, ревниво оберегаютъ свою

самостоятельность и дѣйствуютъ каждый по собственной инициативѣ и подъ собственною отвѣтственностью. Но чуть только у нихъ является сознаніе въ необходимости непосредственно-революціонной дѣятельности; чуть только они начинаютъ сходить съ пути *подготовленія* на путь *осуществленія* революціи, они сейчасъ же чувствуютъ потребность въ взаимномъ сплоченіи, въ дисциплинированіи своихъ единичныхъ дѣятельностей, въ подчиненіи ихъ одному общему плану и руководству. Такъ было и въ Россіи передъ возстаніемъ Декабристовъ, такъ было въ Польшѣ передъ революціями 31 года и 1863 г.; такъ было во Франціи передъ революціями 30-го и 48 года, тотъ же фактъ повторялся нѣсколько разъ и въ исторіи революціонныхъ движеній въ Италіи и Испаніи. Онъ необходимо долженъ повториться теперь и у насъ, разъ наши революціонеры сознаютъ необходимость непосредственно революціонерной дѣятельности. Казни, совершенныя въ послѣднее время надъ шпіонами и ихъ шефами, вооруженное сопротивленіе, оказываемое при арестахъ, уличныя демонстраціи и т. п., всѣ эти факты, какъ мы сказали выше, несомнѣнно доказываютъ, что сознаніе это уже пробудилось среди нашихъ революціонеровъ. Бокъ о бокъ съ его пробужденіемъ должна идти организація революціонныхъ кружковъ, должно начаться объединеніе и дисциплинированіе ихъ единичныхъ дѣятельностей. Въ противномъ случаѣ оно никогда не въ состояніи осуществиться на практикѣ, силы революціонеровъ будутъ тратиться на мелочи, и революціонеры, не смотря на все свое желаніе непосредственно

революціонной дѣятельности, по прежнему будутъ заниматься лишь чисто подготовительною работою. дѣло по прежнему будутъ откладывать въ долгій ящикъ. Вотъ почему, признавая вполнѣ все великое, нравственное и агитаторское значеніе такихъ явленій, какъ казнь Гейкинга, Мезенцева, вооруженное сопротивленіе въ Одессѣ и т. п., мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что на подобныя казни и демонстраціи слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на одно изъ *средствъ*. а совсѣмъ не какъ на *цѣль* и главную задачу революціонной дѣятельности. Для развитія революціоннаго дѣла въ Россіи будетъ въ высшей степени вредно, если и это *средство* будетъ возведено въ *цѣль*, какъ раньше были возведены въ цѣль: распространеніе запрещенныхъ книжекъ, хожденіе въ народъ, мѣстные бунты и другія, болѣе или менѣе, частныя революціонныя средства. Кто забываетъ за средствомъ цѣль, тотъ тѣмъ самымъ удаляется отъ осуществленія этой цѣли. Къ несчастію, однако, при отсутствіи сильной дисциплинированной организаціи, при отсутствіи единства и солидарности въ дѣятельностяхъ единичныхъ революціонныхъ группъ и кружковъ иначе и быть не можетъ. Каждый отдѣльный кружокъ, пріурочивая свою дѣятельность къ осуществленію какой нибудь частной спеціальной задачи, соотвѣтствующей вкусамъ, развитію и потребностямъ его членовъ. до такой степени увлекается ею, что въ концѣ концовъ начинаетъ смотрѣть на нее, какъ на главную и единственную задачу революціонной дѣятельности вообще. Казни нашихъ враговъ, мѣстные бунты, вооруженныя сопротивленія нашимъ палачамъ

— все это вещи въ высшей степени полезныя и необходимыя, какъ для удовлетворенія нашего нравственнаго чувства, такъ и для революціонизированія общества, но не они составляютъ конечную цѣль нашей дѣятельности. Мы стремимся не къ уничтоженію того или другого *лица*, воплощающаго въ себѣ тѣ или другія функціи современной государственной власти, мы стремимся къ уничтоженію самой этой *власти*, къ освобожденію народа не отъ гнета того или другого изъ слугъ даннаго государства, а отъ гнета самаго государства. Революціонеры ни на секунду не должны упускать изъ виду этой своей основной задачи. Но для того, чтобы съ успѣхомъ осуществить ее, они должны сомкнуться въ тѣсную, солидарную, строго дисциплинированную организацію. Только объединеніе дѣятельностей единичныхъ кружковъ, только подчиненіе ихъ общему плану и руководству предохранитъ насъ отъ смѣшенія частныхъ средствъ революціонной дѣятельности съ ея главною цѣлью, только при такомъ объединеніи и подчиненіи мы приходимъ теперь къ сознанію въ необходимости въ непосредственно революціонной дѣятельности, вполнѣ, всецѣло осуществится на практикѣ.

Потому нынче, болѣе чѣмъ когда либо, каждый искренній, каждый честный революціонеръ долженъ употреблять всѣ свои усилія къ упроченію и расширенію революціонной организаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда большинство революціонеровъ не сознавало еще необходимости непосредственно ...люціонной дѣятельности, потребность въ органи... не могла чувствоваться съ такою силою, съ т...

настоятельностью, съ какою она чувствуется теперь. Теперь же, когда это сознаніе пробудилось, на всѣхъ на насъ лежитъ обязанность утилизировать его въ интересахъ скорѣйшаго осуществленія революціи, иными словами, мы всѣ обязаны стараться о такой комбинаціи революціонныхъ силъ, при которой оно всецѣло могло бы быть направлено на непосредственное произведеніе государственно-соціальнаго переворота. Слѣдовательно, вопросъ о революціонной организаціи является въ настоящее время насущнымъ вопросомъ минуты.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ УРОКЪ

Смѣлыя, героическія, хотя къ несчастію, слишкомъ единичныя, попытки энергическихъ людей, искренне преданныхъ дѣлу народнаго освобожденія, попытки покарать коронованныхъ палачей и ихъ клевретовъ-кровопійцъ, отомстить имъ за попранныя ими человѣческія права, за народное горе, народную кровь и народныя муки, обуздать ихъ безумный произволъ, положить предѣлъ ихъ безумнымъ злодѣйствамъ, ихъ кровожадному хищничеству,— эти попытки, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали во всѣхъ углахъ Европы цѣлую бурю реакціонныхъ преслѣдованій и гоненій противъ соціалистовъ-революціонеровъ; соціалисты-революціонеры не только у насъ въ Россіи, но почти на всемъ европейскомъ континентѣ объявлены какъ бы стоящими *внѣ закона*. Повсюду проповѣдуется противъ нихъ кровавый крестовый походъ. Новѣйшія Петро-Аміенскія реакціи не уступаютъ, повидимому, жестокости и фанатизму средневѣковыхъ аскетовъ-монаховъ. Стереть соціализмъ съ лица земли, перерѣзать, перестрѣлять, передушить, перемучить всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ — таковъ ихъ лозунгъ, таковъ девизъ, кровавыми буквами начертанный на ихъ бѣломъ знамени. Вся Европа—-нѣтъ, мало Европы —весь міръ долженъ (*они* хотятъ этого)

превратиться для революціонеровъ въ одну сплошную тюрьму или, лучше сказать, въ одну *могильную яму*. *Медовый мѣсяцъ* соціально-революціонной пропаганды, тотъ медовый мѣсяцъ, когда можно было (не только въ Швейцаріи, Бельгіи, Германіи, но даже и Италіи) открыто проповѣдывать соціально-революціонныя идеи, устроивать соціально-рабочіе конгрессы, митинги и комитеты, издавать соціально-революціонныя газеты и брошюры, когда можно было писать и во всеуслышаніе выражать химерическія надежды на какой то *легальный* переворотъ, на какую-то легальную, безкровную революцію, когда даже среди вожаковъ движенія, старыхъ и опытныхъ бойцовъ, находились люди, которые искренно вѣрили и другихъ старались увѣрить въ возможности бороться съ существующимъ порядкомъ вещей, подкапываться подъ его коренныя основы, не сходя съ *легальной почвы*, не нарушая ни одной изъ статей уголовныхъ кодексовъ буржуазно-военно-полицейскихъ государствъ,— этотъ медовый мѣсяцъ фантастическихъ иллюзій и ребяческихъ восторговъ прошелъ и прошелъ, едвали не безвозвратно. Буржуазно-военно-полицейское государство объявило соціализму войну, войну на жизнь или смерть, безъ пощады и снисхожденія. Теперь на этотъ счетъ никакія сомнѣнія и недоразумѣнія уже невозможны. Положеніе воюющихъ сторонъ вполнѣ опредѣлилось, ни о какихъ сдѣлкахъ, компромиссахъ и полумѣрахъ не можетъ быть и рѣчи. Теперь, съ наглядною для всѣхъ очевидностью, выяснилась та несомнѣнная истина, которую никогда не переставалъ указывать нашъ журналъ и которую на минуту забы-

ли наивные социалисты, увлекшіеся мнимыми успѣхами своей *легальной* пропаганды, та истина, что бороться съ существующимъ порядкомъ вещей можно. лишь стоя на анти-легальной, чисто-революціонной почвѣ, дѣйствуя подъ покровомъ тайны и мрака, то есть путемъ *заговора*. Нѣмецкимъ соціалистамъ, такъ кичившимся своею основательностью и практичностью. такъ наивно восторгавшимся плодами своей легально-мирной пропагандической дѣятельности, пришлось на собственной шкурѣ убѣдиться, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ привести и привело на практикѣ уклоненіе отъ этой истины.

Нѣмецкая соціалистическая партія имѣла свою офиціальную литературу. и литературу довольно обширную,*) свою офиціальную организацію, своихъ офиціальныхъ представителей даже въ парламентѣ: она насчитывала своихъ членовъ сотнями тысячъ: она воображала себя *силою*, достаточно могучею. чтобъ открыто, на *легальной почвѣ* бороться съ полицейскимъ государствомъ „желѣзнаго графа." И что же? Достаточно было одного почерка пера „желѣзнаго графа," и эта „сила" оказалась полнѣйшимъ ничтожествомъ. Соціалистическая литература въ нѣсколько дней была цѣликомъ упразднена; рабочіе союзы распались, комитеты, одинъ за другимъ, позакрывались; вожаки партіи очутились въ тюрьмахъ: ея парламентскіе представители подверглись административнымъ высылкамъ и судебному преслѣдованію: вся офиціальная организація, воздвигнутая на *легальной почвѣ*, разлетѣлась въ прахъ при первомъ

*) Число соціалистическихъ газетъ доходило въ Германіи до 60.

дуновенія реакціи, подобно зданію, построенному на пескѣ. И все это совершилось совершенно мирно, спокойно, вполнѣ на *законномъ основаніи*, и ни одинъ изъ сотенъ тысячъ „внесенныхъ въ списки“ членовъ партіи не рѣшился протестовать *насиліемъ незаконнымъ* противъ *насилія законнаго*, ни одинъ не поднялъ рукъ въ защиту тѣхъ правъ, которыми онъ такъ гордился, которыя были пріобрѣтены съ такимъ трудомъ и такими усиліями и ради которыхъ было принесено столько жертвъ, сдѣлано столько постыдныхъ уступокъ! И зачѣмъ, и для чего былъ потраченъ весь этотъ трудъ, всѣ эти силы, къ чему были всѣ эти жертвы и уступки? Чтобы завоевать себѣ легальную почву. И дѣйствительно, почва была завоевана; но увы! едва она была завоевана, какъ сейчасъ же и обнаружилось, что это завоеваніе не имѣетъ рѣшительно никакого серьезнаго значенія, что за него нельзя дать даже — какъ говорится — и мѣднаго гроша! Оказалось, что нѣтъ ничего легче и проще, какъ вытащить, на законномъ основаніи, эту легальную почву изъ подъ ногъ соціалистовъ: стоитъ только прибавить или вычеркнуть два-три слова, двѣ-три фразы въ конституціонной хартіи да въ уголовно-полицейскомъ кодексѣ, и дѣло въ шляпѣ. Нѣмецкій *крестоносецъ* реакціи доказалъ это самымъ безспорнымъ и для всѣхъ очевиднымъ образомъ; впрочемъ, это было доказано и гораздо раньше его другими *крестоносцами*, и притомъ крестоносцами, далеко не отличавшимися свойствами „желѣзнаго графа“..... Никогда и нигдѣ легальные подмостки не представляли никакой на-

дежной опоры партіямъ, стремящимся къ уничтоженію легальнаго, закономъ освященнаго, порядка вещей. Чуть только эти партіи рѣшались выйти изъ пассивнаго состоянія, чуть только онѣ начинали обнаруживать хоть какіе нибудь признаки жизни, подмостки рушились подъ ихъ ногами и скрывали ихъ подъ своими развалинами. Да и могло ли быть иначе? Вѣдь подмостки-то эти принадлежали хозяевамъ того зданія, которое они хотѣли разрушить: эти хозяева, во всякое время, могли ихъ снять и разрушить; и, разумѣется, едва только они замѣчали, что люди, взобравшіеся на нихъ, своими позами и жестами, начинали нарушать его красоту или грозили его безопасности, они, не медля ни минуты, сбрасывали ихъ на землю и даже не на землю, а подъ землю. И сброшенные съ подмостковъ враги „общественнаго порядка“ почти никогда не находили въ себѣ ни силы, ни мужества, ни охоты, открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, протестовать противъ такого безцеремоннаго обращенія съ ними. Они смиренно покорялись своей участи, такъ какъ чувствовали и понимали, что эта участь постигла ихъ на *вполнѣ законномъ* основаніи. Въ самомъ дѣлѣ, имъ постоянно внушали, что успѣхъ, что побѣда возможны лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ строго и неуклонно держаться на *законной почвѣ*, что существующій порядокъ можетъ быть уничтоженъ только при помощи тѣхъ самыхъ законовъ, которые освящены и санкціонированы этимъ порядкомъ; что потому законы эти слѣдуетъ уважатъ и почитать, что всякая незаконная, анти-легальная дѣятельность должна быть, разъ на всегда, исключе-

на изъ програмы соціалистической партіи. Нечего и говорить, что подобныя внушенія какъ нельзя болѣе гармонировали съ интересами личной безопасности и самосохраненія; потому нѣтъ ничего удивительнаго, что большинству, съ одной стороны, недовольному существующимъ порядкомъ и вполнѣ сочувствующему теоріямъ соціализма, а съ другой, слишкомъ трусливому, запуганному и нерѣшительному для того, чтобы открыто протестовать противъ этихъ порядковъ, чтобы *силою* добиваться осуществленія этихъ теорій, — нѣтъ ничего удивительнаго, что этому большинству пришлись подобныя внушенія какъ нельзя болѣе по вкусу. Оно усвоило ихъ себѣ очень быстро. Онѣ глубоко запали въ его душу и совершенно парализировали его энергію. Когда наступила необходимость защищать свои легальныя права съ оружіемъ въ рукахъ, оно оказалось совершенно неспособнымъ къ борьбѣ, совершенно неподготовленнымъ къ защитѣ. Лучше, разсудило оно, на время подчиниться и сократиться, чѣмъ сойти съ легальной почвы, чѣмъ нарушить ту или другую статью легальною властью санктированнаго кодекса. „Чувство уваженія къ *законности*, отвращеніе къ анти-легальнымъ мѣрамъ, воспитанныя въ сердцахъ нѣмецкихъ соціалистовъ проповѣдью *легальной* революціи, взяли верхъ надъ всѣми другими соображеніями, и офиціальное упраздненіе соціализма въ Германіи совершилось не только безъ пролитія капли крови, но даже не вызвало нигдѣ никакихъ безпорядковъ и недоразумѣній." Все обошлось, какъ нельзя болѣе мирно, тихо и спокойно.

Фактъ въ высшей степени поучительный. Мы об-

ращаемъ на него особенное вниманіе всѣхъ нашихъ сотоварищей-революціонеровъ. Не служитъ ли онъ самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ той теоріи революціонной дѣятельности и революціонной организаціи, которую мы постоянно проводили и развивали на страницахъ нашего журнала?*) Не служитъ ли онъ наилучшимъ опроверженіемъ теорій тѣхъ революціонеровъ-софистовъ-консерваторовъ, которые еще такъ недавно заклинали русскую молодежь идти по слѣдамъ нѣмецкихъ соціалистовъ, которые съ такою импонирующею самоувѣренностью увѣряли ее, что, будто, самый вѣрный, самый прямой и надежный путь, ведущій къ осуществленію соціальной революціи — это путь мирной, легальной соціалистической пропаганды? Не доказываетъ ли онъ,

*) Три года тому назадъ (см. «Набатъ», май, 1876 г.), въ то время, когда иллюзіи на счетъ силы и тактичности нѣмецкой соціалистической партіи были особенно сильно распространены и въ русской, и въ нѣмецкой соціалистической прессѣ, нашъ журналъ старался разоблачать лживость этихъ иллюзій и предсказывалъ нѣмецкимъ соціалистамъ неизбѣжность того погрома, который разразился теперь надъ ихъ головами, если они не сойдутъ съ легальной почвы и не постараются создать *подъ нею* сильную, дисциплинированную, боевую организацію рабочихъ. По поводу репрессивныхъ мѣръ противъ соціалистической партіи, предложенныхъ въ мартѣ 1876 прокуроромъ Тиссендорфомъ, мы писали: «Неужели же и теперь нѣмецкіе соціалисты не убѣдятся, что никакой легальной почвы подъ ихъ ногами не существуетъ, что они стоятъ «внѣ закона», что никакими легальными средствами существующаго порядка уничтожить нельзя, что разрушиться онъ можетъ лишь тогда, когда подъ него будутъ подведены *подземныя мины*, и что, слѣдовательно, всѣ ихъ усилія должны быть исключительно направлены на эту тайную, подземную работу. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы, дѣйствительно, они направили тогда всѣ свои усилія на «эту тайную, подземную работу», то Бисмарку не легко было бы теперь съ ними справиться и во всякомъ случаѣ онъ не могъ бы *безкровно* упразднить нѣмецкій соціализмъ, какъ это ему удалось сдѣлать нынче.

наконецъ, что, во 1), легальная почва, даже при хорошей, дисциплинированной, централистической организаціи партіи (какова и была организація рабочей партіи въ Германіи), не представляетъ этой партіи никакихъ шансовъ для сколько нибудь усиленной борьбы съ существующимъ порядкомъ, и что соціалисты-революціонеры могутъ держаться на ней лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣятельность ограничивается одними лишь фразами и словоизверженіемъ; во 2), легальная почва деморализируетъ революціонеровъ и дѣлаетъ ихъ совершенно неспособными къ активному протесту, къ революціонной борьбѣ.

Но кромѣ всего этого, *безкровный* погромъ нѣмецкой соціалистической партіи фактически, неопровержимо доказываетъ полнѣйшую несостоятельность мирной, словесно-литературной пропаганды въ дѣлѣ революціонизированія народныхъ массъ. Въ теченіи болѣе чѣмъ десяти лѣтъ нѣмецкимъ соціалистамъ было предоставлено право пропагандировать ихъ идеи среди рабочихъ, и они пользовались этимъ правомъ въ предѣлахъ возможности. Ни въ матеріальныхъ средствахъ, ни въ организаторскихъ способностяхъ, ни въ ораторскихъ и литературныхъ талантахъ, у нихъ никогда не было недостатка. Ихъ журналы и брошюры свободно распространялись во всей Германіи и съ жадностью читались сотнями тысячъ рабочихъ; ихъ ораторы и вожаки, не таясь и не скрываясь, переѣзжали изъ округа въ округъ, изъ города въ городъ, созывали рабочія собранія, устраивали митинги, читали лекціи и конференціи и на эти лекціи, на эти митинги сходились тысячи, десят-

ки тысячъ народа. По заявленію самой соціалистической прессы соціалистическая партія считала число своихъ приверженцевъ среди рабочихъ сотнями тысячъ, число постоянныхъ абонентовъ, т. е. постоянныхъ читателей соціалистическихъ газетъ превышало сотни тысячъ. Сто тысячъ, возьмемъ даже половину этого числа — 50 тысячъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ систематически, послѣдовательно обучаются соціализму, *пропагандируются*. Принимая во вниманіе средній уровень развитія нѣмецкаго рабочаго который, конечно, несравненно выше средняго уровня развитія русскаго рабочаго), принимая во вниманіе, что идеи соціализма вполнѣ гармонируютъ съ насущными интересами народныхъ массъ и потому вообще довольно легко и быстро усвоиваются ими, невозможно допустить, чтобѣ нѣмецкимъ пропагандистамъ не удалось, въ теченіи десяти лѣтъ, *спропагандировать*, т. е. обучить истинамъ соціализма, если не половину, то хоть треть, хоть четверть ихъ постоянныхъ слушателей и читателей. Десять, двадцать тысячъ рабочихъ, сознательно усвоившихъ себѣ соціалистическіе идеалы, вполнѣ уяснившихъ себѣ, какъ причины бѣдствій и страданій рабочаго класса, такъ и средства къ ихъ устраненію, это вѣдь *сила*, грозная, опасная *сила*: двадцать тысячъ безъ труда могутъ поднять 200, 300 тысячъ менѣе убѣжденныхъ, не вполнѣ еще спропагандированныхъ, но все таки кое-что уже знающихъ и понимающихъ товарищей рабочихъ. Имѣя сзади себя такую массу рабочей силы, нѣмецкіе соціалисты считали себя неуязвимыми. „Насъ — разсуждали они — не посмѣютъ тронуть!“

Однако, ихъ не только тронули, но просто выбросили изъ Германіи. И среди десятковъ тысячъ спропагандированныхъ рабочихъ ни одинъ не поднялъ рукъ въ ихъ защиту. Наиболѣе непримиримые среди нихъ поспѣшили эмигрировать, а тѣ, которые остались на мѣстѣ, сочли болѣе благоразумнымъ спрятать свой соціализмъ въ карманъ и, въ терпѣливомъ молчаніи, выжидать лучшихъ временъ.

Очевидно, соціалистическая пропаганда ни на одну іоту не революціонизировала ихъ чувствъ. Они сдѣлались соціалистами, но соціалистами-мечтателями, теоретиками, доктринерами, а не соціалистами-практиками - революціонерами. Внушая имъ извѣстныя идеи, они не въ состояніи были выработать въ нихъ способности защищать эти идеи, бороться за нихъ, не щадить, во имя ихъ, ни своей крови, ни своей жизни; иными словами, пропаганда, съ чисто революціонной точки зрѣнія, оказалась вполнѣ и безусловно несостоятельной. А между тѣмъ, она велась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить въ буржуазно-военно-полицейскомъ, конституціонномъ государствѣ. Представьте же теперь, къ какимъ бы результатамъ она могла привести въ странѣ, гдѣ существуютъ условія менѣе благопріятныя или гдѣ, какъ напр. въ Россіи, не существуетъ даже никакихъ благопріятныхъ условій?

И такъ, въ концѣ концовъ, къ чему привелъ *опытъ*, предпринятый нѣмецкими соціалистами, въ такихъ широкихъ размѣрахъ и при такихъ благопріятныхъ условіяхъ,—опытъ подготовленія соціальной революціи путемъ мирной соціалистической про-

паганды на легальной почвѣ? Онъ доказалъ, что устно-литературная пропаганда — средство совершенно недостаточное и непригодное для революціонизированія народныхъ массъ, и что организація, опирающаяся на легальную почву и ставящая своею задачею легальную борьбу съ существующимъ порядкомъ, не представляетъ никакихъ шансовъ на долговѣчность и оказываетъ на своихъ членовъ крайне вредное, деморализирующее вліяніе. Слѣдовательно, революціонеры, вполнѣ преданные дѣлу народнаго освобожденія, если они искренне желаютъ успѣха этому дѣлу, не только не должны идти по слѣдамъ нѣмецкихъ соціалистовъ, но, напротивъ, должны обставить свою дѣятельность условіями прямо противуположными условіямъ дѣятельности послѣднихъ. Они должны направить всѣ свои усилія къ укрѣпленію и развитію тайной, подпольной организаціи, организаціи, ставящей своею задачею борьбу съ существующимъ порядкомъ на почвѣ антилегальной, революціонной, антилегальными, революціонными средствами. Они должны не ограничиваться устно-литературной пропагандою: стараться революціонизировать народныя чувства путемъ революціонной агитаціи. Итакъ, революціонная агитація, тайная, подпольная, хорошо дисциплинированная организація, стремящаяся къ ниэверженію этого общественнаго строя путемъ открытаго, насильственнаго революціоннаго переворота. Такова должна быть, какъ показалъ опытъ нѣмецкой соціалистической партіи, такова должна быть программа практической дѣятельности всѣхъ искреннихъ и преданныхъ революціонеровъ. Внѣ ея, какъ

опять таки показалъ опытъ нѣмецкихъ соціалистовъ, не существуетъ и не можетъ существовать никакой другой. Пусть же она станетъ теперь нашей общей программою, пусть она скорѣе объединятъ всѣхъ нашихъ революціонеровъ, пусть же они скорѣе, дружнѣе и энергичнѣе примутся за дѣло *революціонной* организаціи и *революціонной* агитаціи. Нѣмецкая соціалистическая партія не обратила достаточнаго вниманія ни на то, ни на другое, и это ее погубило. А между тѣмъ, она была несравненно многочисленнѣе, она обладала несравненно большими средствами и дѣйствовала при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ наша соціально-революціонная партія. Что же станется съ послѣдней, если она самымъ рѣшительнымъ образомъ не вступитъ на путь діаметрально противуположный тому, по которому шла первая?

Воспользуемся же, друзья, и воспользуемся скорѣе урокомъ, даннымъ намъ нѣмецкими соціалистами.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ДѢЛАТЬ?

За послѣдніе годы наше революціонное движеніе нѣсколько разъ мѣняло свой характеръ и свое направленіе. Революціонеры начали съ конца 60-хъ годовъ сплачиваться въ болѣе или менѣе централистическую, боевую организацію, стремиться къ непосредственному осуществленію революціи въ ближайшемъ настоящемъ: они вѣрили *въ подготовку* народа къ перевороту, вѣрили въ свои силы и дѣйствовали сообразно съ этою вѣрою. Потому ихъ дѣятельность имѣла направленіе *непосредственно-революціонное*, а не *мирно-подготовительное*. Дѣлать революцію и дѣлать ее какъ можно скорѣе, таковъ былъ ихъ девизъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ, по причинамъ, о которыхъ мы не разъ уже говорили въ нашемъ журналѣ, это непосредственно-революціонное и централистически-организаціонное направленіе дѣятельности нашихъ революціонеровъ существенно измѣнило свой первоначальный характеръ. Среди революціонеровъ появилось множество частью искреннихъ, частью лицемѣрныхъ скептиковъ и невѣрующихъ, начавшихъ убѣждать молодежь, будто наличныя силы и средства нашихъ революціонеровъ совершенно недостаточны для произведенія революціоннаго переворота, будто народъ совсѣмъ неподготовленъ къ нему и что будто потому

всякія попытки къ его непосредственному осуществленію должны быть признаны за вредныя и преждевременныя. Революціонеры не должны тратить на нихъ свои силы, т. е. они должны сойти съ непосредственно-революціоннаго пути своей дѣятельности и должны заняться исключительно однимъ лишь *подготовленіемъ возможности для осуществленія революціи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ*. Какъ самыя надежныя средства для подготовленія этой возможности, молодежи рекомендовалась мирная соціалистическая пропаганда среди народа, устройство лавочекъ и артелей и пр. При этомъ провозглашалась полная свобода *личной* и *кружковой* иниціативы и проповѣдывался крестовый походъ противъ всякой централистической организаціи съ разными *исполнительными* и *распорядительными* комитетами во главѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ внушеній и этой проповѣди революціонные кружки, дѣйствительно, въ значительной степени дезорганизировались, обособились, и ихъ дѣятельность изъ дѣятельности непосредственно революціонной преобразилась въ дѣятельность чисто подготовительную, мирно пропагандистскую. Девизъ прежнихъ революціонеровъ — дѣлать революцію и дѣлать ее какъ можно скорѣе — замѣнился девизомъ „не дѣлать революціи, а идти въ народъ и развивать его умъ, воспитывать его чувство“.

Само собою понятно, что это „хожденіе въ народъ“ должно было окончиться полнѣйшимъ фіаско. Мы *первые* указали въ свое время на неизбѣжность этого фіаско, мы *первые* (въ заграничной прессѣ, разу-

мѣется) заклинали молодежь сойти съ этого гибельнаго анти-революціоннаго пути и снова вернуться къ традиціямъ непосредственно-революціонной дѣятельности и боевой, централистической, революціонной организаціи. И нашъ голосъ не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Основные принципы нашей программы стали въ настоящее время (и въ этомъ торжественно созналась сама правительственная власть) основными принципами дѣятельности всѣхъ честныхъ и искреннихъ революціонеровъ. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состояли эти основные принципы? Къ чему мы звали нашу революціонную молодежь?

Мы говорили ей (говорили, начиная съ самаго основанія „Набата"), что народъ готовъ къ революціи и что ей нечего заботиться о подготовленіи его къ ней. Чуть только она освободитъ его отъ тяготѣющаго надъ нимъ *страха* передъ *властями предержащими*, и онъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и смететъ однимъ мощнымъ движеніемъ своихъ ближайшихъ экономическихъ и политическихъ враговъ и эксплуататоровъ. Поэтому непосредственная задача революціонной партіи должна заключаться въ скорѣйшемъ ниспроверженіи существующей правительственной власти. Осуществляя эту задачу, революціонеры не *подготовляютъ*, а *дѣлаютъ* революцію. Но для того, чтобы осуществить ее, говорили мы, революціонеры должны, сомкнувшись въ боевую, централистическую организацію, направить всѣ свои усилія къ подорванію правительственнаго авторитета, къ *дезорганизаціи* правительственной власти. „Чтобы превратить народъ изъ *возможной*

революціонной силы въ *дѣйствительную*, изъ *возможнаго* революціонера въ *реальнаго*, мы (т. е. революціонное меньшинство), мы должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущій его политическій строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство" („Набатъ," № 2-3, 1876). Иными словами, — сойти съ мирно-пропагандистскаго пути и стать на путь непосредственно-революціонной дѣятельности, т. е. дѣятельности, направленной къ непосредственной дезорганизаціи и терроризаціи правительственной власти.

Такимъ образомъ, боевая организація революціонныхъ силъ, дезорганизація правительственной власти — таковы были съ самаго начала основныя требованія нашей программы. И въ настоящее время требованія эти стали наконецъ осуществляться на практикѣ. О мирной пропагандѣ, о хожденіи въ народъ съ педагогически-нравственными цѣлями уже и помину нѣтъ. Современная дѣятельность всѣхъ или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства нашихъ революціонныхъ кружковъ исключительно направлена лишь къ подготовленію и совершенію такихъ революціонныхъ актовъ, которые имѣютъ своею ближайшею, непосредственною цѣлью дезорганизацію и терроризацію правительственной власти. Каждый изъ этихъ революціонныхъ актовъ (здѣсь намъ нѣтъ надобности снова и снова перечислять ихъ: они у каждаго на виду), взятый самъ по себѣ, представляетъ уже не *подготовленіе*, а *начало* осуществленія революціи. Да, *революція* началась.

На этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣ-

ній. Само правительство торжественно созналось въ этомъ, объявивъ всю Россію на военномъ положеніи. Революція началась, началась съ того момента, когда мы, революціонеры, бросивъ ложный путь мирной пропаганды, вернулись къ дѣятельности непосредственно-революціонной, выразившейся въ рядѣ вооруженныхъ сопротивленій, демонстрацій, бунтовъ (въ Ростовѣ на Дону), казней царскихъ палачей, сыщиковъ и предателей. Революція не совершается въ одинъ день, въ одинъ часъ. Потому съ представленіемъ о революціи никакъ нельзя отождествлять представленіе лишь о томъ заключительномъ революціонномъ актѣ, которымъ упраздняется существующее правительство. Этимъ заключительнымъ актомъ оно обыкновенно упраздняется только *повидимому*, въ сущности же оно упраздняется постепенно цѣлымъ рядомъ революціонныхъ фактовъ, предшествовавшихъ и подготовившихъ заключительный фактъ. Иными словами, каждый изъ этихъ *предшествующихъ* фактовъ знаменуетъ собою начало революціи.

Вотъ почему мы и утверждаемъ, что, въ настоящее время, революція въ Россіи уже началась..... Скептики и невѣрующіе, такъ еще недавно убѣждавшіе молодежь въ невозможности скораго пришествія революціи и упрашивавшіе ее ждать, терпѣливо ждать, ждать десятки, сотни вѣковъ этой „желанной гостьи,“ должны теперь посыпать головы свои пепломъ и... замолкнуть. „Желанная гостья“ пришла... и отъ насъ, отъ однихъ только насъ зависитъ удержать ее. Она явилась къ намъ скорѣе, чѣмъ боязливые и разочарованные люди желали и надѣялись.

Но, какъ скоро она къ намъ пришла, такъ же скоро и даже еще скорѣе она можетъ и уйти отъ насъ. Революція началась, но она можетъ быть остановлена, уничтожена, загублена въ самомъ началѣ. Путь, на который мы постоянно призывали молодежь и на который она, повидимому, рѣшилась теперь окончательно вступить, путь непосредственно-революціонной дѣятельности,—это путь крайне скользкій, крайне опасный: чтобы твердо удержаться на немъ, чтобы не пятиться назадъ, не сворачивать въ сторону, чтобы смѣло отпарировать удары враговъ, не падать духомъ и не разочаровываться отъ неудачъ (на которыя, особенно на первыхъ порахъ, мы должны расчитывать), для этого теперь уже совершенно недостаточно одной личной энергіи, личной иниціативы, личной предпріимчивости или поддержки ограниченнаго кружка пріятелей и т. п. Нѣтъ, тутъ нужна совокупная, вполнѣ солидарная дѣятельность, взаимная помощь и поддержка всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ. Мы вступили въ открытую, рѣшительную, революціонную борьбу съ существующею государственною властью, т. е. съ организированною и строго дисциплинированною арміею солдатъ, чиновниковъ, сыщиковъ и жандармовъ. Чтобы выдержать эту борьбу, чтобы остаться въ ней побѣдителями, мы должны собрать всѣ свои силы и организаціи противупоставить организацію, дисциплинѣ — дисциплину. Враждебная намъ армія съ систематическою послѣдовательностью и съ неуклонною настойчивостью стремится уничтожить съ корнемъ революціонную партію въ Россіи. Съ точно такою же

систематическою послѣдовательностью, неуклонною настойчивостью должны и мы стремиться *дезорганизировать* и *уничтожить* съ корнемъ существующую государственную власть.

Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь! Какъ ее, такъ и насъ должна воодушевлять только *одна* идея; какъ у нея, такъ и у насъ должна быть только *одна* цѣль; какъ она, такъ и мы должны дѣйствовать по *одному* общему плану, подчиняяся *одному* общему руководительству, не разбиваясь по сторонамъ, ни на минуту не упуская изъ виду нашей основной задачи. Почти всѣ различныя фракціи, не исключая даже самыхъ крайнихъ анархистовъ, сознали уже теперь необходимость централизированной и дисциплинированной организаціи. Почти всѣ революціонные акты послѣдняго времени были вызваны и санктированы распоряженіями и прокламаціями какихъ нибудь „распорядительныхъ," „исполнительныхъ," „центральныхъ" и иныхъ „комитетовъ". Очень можетъ быть, что, въ большинствѣ случаевъ, „комитеты" эти имѣли чисто фиктивный характеръ. Но уже одно то обстоятельство, что революціонеры всѣхъ оттѣнковъ и фракцій чувствуютъ потребность прибѣгать къ такого рода *фикціямъ*, служитъ яснымъ доказательствомъ справедливости статируемаго нами факта. Вступивъ на путь непосредственно-революціонной дѣятельности, молодежь не замедлила убѣдиться въ необходимости централизаціонной организаціи съ распорядительными и исполнительными комитетами; такъ что въ настоящее время доказывать эту необходимость *теоретически* не представ-

ляется уже никакой надобности; теперь нужно стараться только о томъ, чтобы она нашла себѣ на *практикѣ* возможно полное и широкое удовлетвореніе. Только при сильной, строго дисциплинированной, разумно централизированной организаціи, непосредственно-революціонная дѣятельность получитъ то единство, ту систематичность, ту цѣлесообразность, безъ которыхъ она не можетъ расчитывать на успѣхъ. Недостаточно, чтобы организація обхватывала лишь нѣкоторые отдѣльные революціонные кружки; недостаточно, чтобы кружки организовались только *временно,* для совершенія того или другого частнаго, революціоннаго акта. Нѣтъ, необходимо, чтобы она распространялась на всѣ дѣйствующія, наличныя революціонныя силы, чтобы она имѣла не *временный,* а *постоянный* характеръ, чтобы тѣ организаціонные узы, которые налагаютъ на себя революціонеры въ видахъ успѣшнѣйшаго осуществленія того или другого опредѣленнаго революціоннаго предпріятія, не распадались и по окончаніи этого предпріятія. Въ противномъ случаѣ, въ ихъ дѣятельности не будетъ никакой ни систематичности, ни послѣдовательности; она будетъ имѣть какой-то безпорядочный, лихорадочный, перемежающійся характеръ. А при такомъ характерѣ она не въ состояніи будетъ достигнуть своей цѣли — *дезорганизировать* правительственную власть. Чтобы достигнуть этой цѣли, чтобы дѣйствительно дезорганизировать правительство, необходимо наносить ему удары съ систематической послѣдовательностью и неуклонным постоянствомъ, такъ чтобы оно не имѣло времени ни одуматься, ни

прійти въ себя, ни собраться съ силами. Сколько бы личной смѣлости, энергіи и отваги ни проявлялось въ тѣхъ или другихъ революціонныхъ актахъ, но, если эти акты не связаны между собою никакою общею руководящею идеею, если они имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ, если ихъ раздѣляютъ большіе промежутки времени, если они обусловливаются ни какою нибудь общею системою, не вытекаютъ изъ какого нибудь общаго плана, а являются просто лишь какъ результаты чисто личной инициативы, личной предпріимчивости, индивидуальнаго каприза и т. под.,— они никогда не будутъ имѣть того революціоннаго значенія, которое они должны бы были имѣть: правительство дезорганизируется не столько *силою* и *смѣлостью* наносимыхъ ему ударовъ, сколько ихъ *систематичностью* и *послѣдовательностью*. Революціонеры, искренне преданные дѣлу революціи, не должны ни на минуту забывать этой истины. Но для того, чтобы удары, наносимые ими правительству, отличались тою систематичностью и неуклонной послѣдовательностью, о которой мы сейчасъ говорили, для этого необходимо, чтобы всѣ активныя революціонныя силы сплотились въ одну строго дисциплинированную и централизированную организацію, чтобы всѣ онѣ дѣйствовали по одному общему плану, шли по одному и тому же пути, стремились къ одной и той же цѣли... Только при этомъ условіи и можетъ быть съ успѣхомъ осуществлена та непосредственно-революціонная дѣятельность, къ которой стремится теперь наша революціонная молодежь. Но къ несчастію въ настоящее

время условіе это хотя и не отрицается теоретически, но на практикѣ далеко не всегда соблюдается.

Послѣдніе аресты въ Петербургѣ, Кіевѣ и Харьковѣ ясно указываютъ на отсутствіе всякой разумной организаціи въ значительномъ числѣ революціонныхъ кружковъ, ставшихъ уже на путь непосредственно-революціонной дѣятельности. И на этомъ новомъ пути они оказались на столько же дезорганизованными, на сколько были два-три года тому назадъ, въ періодъ „подготовительной пропаганды" и „хожденія въ народъ." Въ одномъ изъ предъидущихъ №№ „Набата" мы указали уже на тѣ вредныя, гибельныя для нашего дѣла послѣдствія, къ которымъ привела эта дезорганизація такъ назваемыхъ „пропагандистовъ" и „народниковъ." Прежде чѣмъ они успѣли приступить къ своей дѣятельности, какъ уже большинство изъ нихъ попалось въ руки правительства, а тѣ, которые не попались, были вынуждены вернуться вспять. То же самое, повидимому, начинаетъ повторяться и теперь по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ кружкамъ. Чуть только они приступили къ непосредственно-революціонной дѣятельности, какъ большая часть изъ нихъ была раскрыта правительствомъ и притомъ съ легкостью и быстротою по истинѣ изумительною. Тамъ, гдѣ правительственные агенты искали одного, двухъ, они находили обыкновенно пять, шесть, а иногда и болѣе; тутъ же, въ квартирахъ людей, за которыми давно уже слѣдила полиція, находили склады запрещенныхъ книгъ, оружіе, адресы и т. п. Арестъ каждаго человѣка влекъ за собою аресты многихъ, пото-

му что сейчасъ же обнаруживалось, что и эти многіе его знали и онъ ихъ зналъ. Не смотря на безпощадную облаву, устроенную правительствомъ противъ всѣхъ сколько нибудь „подозрительныхъ людей,“ революціонеры съ поразительной безпечностью продолжали жить по нѣскольку человѣкъ въ одной квартирѣ, устраивать у себя болѣе или менѣе многочисленныя сходки, держать при себѣ запрещенныя вещи, совершенно открыто видѣться между собою и т. под. Члены какъ одного и того же кружка, такъ и различныхъ кружковъ нетолько всѣ знали другъ друга, но и постоянно между собою сносились; благодаря этому обстоятельству, они сами, противъ воли, наводили полицію на слѣды своихъ товарищей и пріятелей. Но хотя члены одного и того же кружка и члены многихъ кружковъ находились между собою въ отношеніяхъ знакомства и пріятельства, ихъ дѣятельность не обнаруживала большаго согласія и единства; вслѣдствіе этого нѣсколько предпріятій, имѣвшихъ, по видимому, всѣ шансы на успѣхъ, окончились самымъ прискорбнымъ фіаско и повлекли за собою аресты почти всѣхъ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Эти неудачи и многочисленные аресты могутъ въ ближайшемъ будущемъ весьма плачевнымъ образомъ отразиться на душевномъ настроеніи нашей революціонной молодежи; они могутъ повлечь за собою преждевременное и совершенно напрасное разочарованіе и снова вызвать къ жизни реакціонные элементы революціонной партіи.

Вотъ почему теперь болѣе чѣмъ когда нибудь необходимо всѣмъ искреннимъ. преданнымъ дѣлу рево-

люціонерамъ сплотиться въ тѣсную организацію, чуждую всякаго кружковаго характера,— организацію дисциплинированную, іерархическую, подчиняющую личную инициативу общему руководству, вносящую цѣлесообразность и единство въ дѣятельность всѣхъ своихъ членовъ. Только при такой организаціи можетъ быть достигнута съ успѣхомъ и съ наименьшею затратою силъ наша задача: только такая организація можетъ оградить личную безопасность революціонныхъ борцовъ, только она можетъ дать намъ возможность отомстить нашимъ палачамъ за нашихъ мучениковъ-героевъ, за нашихъ дорогихъ братій и товарищей; только съ ея помощью въ состояніи мы будемъ удержаться на томъ пути непосредственно-революціонной дѣятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболѣе энергическая часть нашей молодежи. *Организація, какъ средство дезорганизаціи и уничтоженіе существующей правительственной власти, какъ ближайшая, насущнѣйшая цѣль* — такова должна быть въ настоящее время единственная программа дѣятельности всѣхъ революціонеровъ (безъ различія фракцій),— таковъ долженъ быть ихъ mot d'ordre, девизъ ихъ знамени. „И симъ знаменемъ побѣдиша!"

Genève. — Imprimerie Russe. Chemin Neuf, 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

—

———————